

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО

ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научный журнал
Том 4 (70). № 1

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского»
является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2018

Учредитель – КФУ имени В. И. Вернадского.

Регистрирующий орган – Роскомнадзор.

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 1 от 05 марта 2018 г.

Главный редактор – Шоркин Алексей Давыдович, д-р филос. н., проф.,
КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Редколлегия:

Берестовская Д. С.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Вигель Н. Л.	д-р филос. н., проф., РГМУ (Ростов-на-Дону)
Габриелян О. А.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Грива О. А.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Кузьмин П. В.	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Лазарев Ф. В.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Морозова Е. В.	д-р филос. н., проф., ГПГУ (Краснодар)
Николко В. Н.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Романова А. П.	д-р филос. н., проф., Гуманитарный институт, АГУ (Астрахань)
Рыскельдиева Л. Т.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Темненко Г. М.	д-р филол. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Федорова М. М.	д-р полит. н., Институт философии РАН (Москва)
Юрченко С. В.	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный секретарь: Иванова Р. А.

Редактор электронной версии: Страхов В. В.

Техническая корректура: Кузьменко Н. С.

Ответственные за выпуск:

Гросфельд Е. В.	к. полит. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Зарапин О. В.	к. филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Кузьмин Н. Н.	к. филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Сафонова Н. В.	к. филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Цветков А. П.	к. филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Контакты редакционного совета серии:

Тел.: +7-978-736-7713 Факс: +7 (3652) 54-52-46

E-mail: raisaivanova2013@yandex.ru

Сайт: <http://sn-philcultpol.cfuv.ru/>

Журнал включен в перечень ВАК под № 2169 от 20.07.17.

Подписано в печать: 05.03.2018.

Формат 70x100/16. 15 усл. п. л. Заказ № НП/174.

Тираж: 50 экземпляров (бесплатно). Дата выхода в свет 14.07.2018.

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности

КФУ имени В. И. Вернадского

295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7

УДК 165.6

ИНТЕРВАЛЬНЫЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ

Буряк В. В., Шостка В. И.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: buryakvv@mail.ru (Буряк В. В.)

E-mail: vshostka@yandex.ru (Шостка В. И.)

В публикации рассматривается эволюция интервального подхода. Определены основные этапы и современные тенденции развития интервальной методологии, которая сформировалась в качестве эпистемологической парадигмы и в дальнейшем прошла удачную апробацию в различных областях философского знания.

Ключевые слова: интервальный подход, методология, абстракция.

ВВЕДЕНИЕ

Обозревая состояние современного методологического сознания, приходится констатировать одну его примечательную особенность: оно находится на такой стадии своей трансформации, которую можно было бы обозначить как «точку бифуркации». В сущности, речь идет о ситуации разрыва между тем, чего уже нет в качестве актуально функционирующей данности мыслительной культуры (постмодернистская дискурсивность), и тем, что еще только нарождается. В силу этого вряд ли кто решится прогнозировать, какая из возможных тенденций станет определяющей в ближайшей перспективе, хотя некоторые из них просматриваются уже сегодня и могут стать объектом философской рефлексии.

Несмотря на многочисленные попытки развенчать классическую методологическую традицию со стороны постструктуралистов (Р. Барт, М. Фуко), деконструктивистов (Ж. Деррида, Ю. Кристева, П. де Ман), классический и постклассический подходы к пониманию роли рационально выстроенной методологии научного познания все еще доминируют в университетской академической среде. В настоящее время как специалистами в области конкретных наук, так и философами признается, что методологический дискурс – это один из наиболее влиятельных трендов в философской культуре XX века. Важнейший вклад в формирование этого направления внесли Б. Рассел, С. Франк, Л. Витгенштейн,

К. Поппер, Т. Кун, И. Лакатос и другие. На протяжении нескольких десятилетий ученые, специализировавшиеся в области эпистемологической рефлексии, предпринимали значительные усилия для того, чтобы прояснить и подвергнуть логическому анализу структуру, основания и механизмы роста научного знания, а также понять конститутивные предпосылки современного философского дискурса. И все же мы должны констатировать: методологизм как важнейшая рефлексивная установка философского сознания минувшего столетия переживает серьезный кризис, вскрыть истоки и смысл которого было бы крайне важно для понимания хода эволюции современных форм и типов рефлексии.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК ФЕНОМЕН ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Традиция методологического дискурса как базового элемента различных форм рационального познания закладывается еще в античную эпоху. Методологическая составляющая со временем становится одной из стратегий выработки тех или иных систем научного знания. Платон, Аристотель, Эвклид, стоики отводили принципу рефлексивной артикулируемости методологического дискурса весьма значительную роль. Идея рациональности, мощно вошедшая в античную культуру VI–V вв. до н. э., неотделима от принципа системного построения знания и от понятия методологического дискурса.

Важнейшими элементами методологического сознания являются принципы, нормы и идеалы познавательной деятельности в различных сферах рационального освоения мира. Еще в античные времена Аристотелем был открыт и представлен в виде логического закона принцип непротиворечивости. В Новое время Г. Лейбниц формулирует принцип достаточного основания. В XX в. методологи разрабатывают принципы верифицируемости, фальсифицируемости, соответствия, дополненности и др.

Следует обратить внимание на то, что разработка по-настоящему значимого методологического дискурса – явление достаточно редкое в истории мыслительной культуры. Так, XVII–XIX вв. дали в этом отношении лишь несколько имен – это, прежде всего Р. Декарт, Ф. Бэкон, И. Кант, Г. Гегель, К. Маркс. Даже в богатом на философские новации XX столетии среди выдающихся методологических трендов в сфере социально-гуманитарного знания (нем. *Geisteswissenschaft*, англ. *Humanities*) можно выделить, пожалуй, лишь следующие семь:

- герменевтический подход, «понимающаягуманистика» (В. Дильтей, Х. Г. Гадамер и др.);
- феноменологический метод (Э. Гуссерль);
- психоанализ (З. Фрейд, К. Юнг и др);
- экзистенциальный дискурс о человеке (К. Ясперс, М. Хайдеггер, Ж. П. Сартр, А. Камю, Н. Бердяев);
- структурализм (К. Леви-Стросс);
- интервальный подход (Ф. В. Лазарев, М. М. Новоселов);
- деконструктивистская эпистемологическая программа (Ж. Деррида), послужившая теоретико-познавательной основой постмодернистского движения.

В перечисленных выше подходах мы имеем дело с эффективными и разветвленными методологическими программами, каждая из которых имела свою драматическую историю и в формировании которых приняли участие, как правило, мыслители, примыкавшие к соответствующей эпистемологически артикулированной философской традиции. Так, известно, что современная герменевтика восходит к идеям немецкого мыслителя XIX в. Ф. Шлейермахера. Что касается психоаналитической методологии, то в своей эволюции она прошла три основные стадии:

- классический фрейдизм (З. Фрейд);
- аналитическая психология (К. Юнг);
- гештальт-терапия (Ф. Перл, Н. Гудман, Э. Фромм, С. Гингер и др.).

Говоря о структурно-функциональном подходе, следует отметить, что его истоки восходят к трудам Ф. де Соссюра и – позднее – Р. Якобсона. Затем эту традицию развивают постструктуралисты: М. Фуко, Ж. Лакан, Р. Барт, У. Эко, Л. Гольдман и др.

Если в контексте сказанного обратиться к интервальному подходу, то нужно обратить внимание на то, что история его становления и развития, в отличие от отмеченных выше других методологических платформ, менее изучена, поэтому нуждается в специальном рассмотрении. Опубликованные за последние годы статьи и монографические исследования, посвященные истории интервальных разработок, явно недостаточны для адекватного понимания вопроса [1]. Интервальный метод, как он предстает в современном философском дискурсе, является достаточно эффективной исследовательской программой, которая используется в различных областях знания. Прежде всего, эта программа распространяется на такие области философского знания, как онтология, гносеология, философия науки, ноосферология. Очевидно также, что объяснительный потенциал интервальной методологии не ограничен лишь философскими дисциплинами, но применим всюду, где предметом исследования являются многомерные объекты, требующие профессиональной междисциплинарной коммуникации. И отнюдь не случайно, что сегодня наметилась некая форма сопряжения интервальных и трансдисциплинарных исследований [2].

В связи с вышеизложенным целью данной работы является анализ предпосылок и основных этапов становления и эволюции интервального методологического подхода в науке.

ИНТЕРВАЛЬНЫЙ ПОДХОД: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ

Становление интервального подхода приходится на 60-е годы XX в. как своего рода методологический ответ на интеллектуальные вызовы времени. Названный подход имеет свою философскую судьбу и историко-философскую традицию. Можно сказать, что идейно-концептуальная траектория интервальности неотделима от коллизий методологического метаморфозиса своей эпохи. Осознание преимущества научно-исследовательской парадигмы интервальности происходило постепенно по мере нарастания методологического кризиса 60–80 гг. прошлого столетия. К тому времени эвристический потенциал феноменологии, фрейдизма и

структурализма обнаруживает когнитивную недостаточность как в своих матрицах объяснения природы социума, так и в интерпретациях культурологического и антропологического модусов существования человека. Установки психологизма, делающего акцент на субъективном, иррациональном, интуитивном, ведут к утрате обратной связи между сферой языка и спонтанностью живого опыта. Неудовлетворенность герменевтическими возможностями классических методологий середины XX века чувствуется, например, в исследованиях П. Рикера, который в своих работах «Эссе о Фрейде», «Конфликт интерпретаций» критикует психоанализ за его попытку редуцировать к архаическим структурам *cogito* все слои символического. Недостаточность же структурализма П. Рикер видит в том, что последний абсолютизирует язык как систему, оторванную от самого носителя. В более широком плане можно констатировать, что логика эволюции методологического сознания подвела к необходимости нового видения диалектики субъективного и объективного, абсолютного и относительного, единого и многого в познании.

Революционные открытия в науке, трансформации социального и культурного бытия в XX веке радикальным образом инициировали в сфере философской рефлексии вопрос о новых технологиях стыковки слов и вещей, о способах объективации и методах объективного постижения общества, культуры и человека. В этом контексте возникает и становится устойчивой тенденцией в естествознании, социальных и гуманитарных науках потребность в многомерном мышлении.

Базовые идеи интервального методологического подхода были сформулированы Ф. В. Лазаревым в его публикациях 1962–1971 гг. [2], а также в статье М. М. Новоселова «Категория тождества и ее модели» [3]. В фокусе внимания названного подхода – способы рационального постижения противоречивых, сложных и многомерных объектов науки. В русле становления интервальных представлений в одной точке культурного пространства произошло пересечение двух интеллектуальных традиций – осмысление способов постижения противоречивых объектов в рамках парадоксального типа философской рефлексии (И. Кант, Г. Гегель, К. Маркс, С. Кьеркегор, М. Хайдеггер) и опыт научного исследования физических явлений в новых, открытых современной физикой сферах реальности – в микромире и в области релятивистских процессов специальной теории относительности.

Речь шла не просто о новой научной картине мира. Важнее всего было то, что современная физика своими революционными открытиями преподавала важный по своим последствиям гносеологический и методологический урок, осмыслить который необходимо было со всей тщательностью и глубиной. Этот урок заключался не в том, чтобы механически перенести физические принципы и подходы в сферу философского дискурса и гуманитарного знания в целом, а в том, чтобы вскрыть их универсальный методологический смысл.

Разработка релятивистской механики в начале XX века основывалась на физическом принципе относительности, в осмысление которого в новых условиях решающий вклад внесли А. Пуанкаре и А. Эйнштейн. При создании квантовой физики важную роль сыграл принцип дополнительности, сформулированный

Н. Бором. При этом датский ученый обратил внимание на несколько важных обстоятельств. Принцип дополнительности:

- отражает диалектику потенциального и актуального в процессе познания микромира;
- является логическим продолжением и обобщением принципа относительности;
- может быть использован как методологический инструмент за пределами физики (сфера психологии, культурологии и т. п.).

Очевидно, что размышления А. Эйнштейна и Н. Бора далеко выходили за рамки собственно физической науки. В связи с этим возникла потребность философски обобщить комплекс понятий, группирующийся вокруг принципа относительности и дополнительности. Как подчеркивал в своих работах Ф. В. Лазарев, хотя Н. Бор и обратил внимание на сходство познавательной ситуации в квантовой физике с некоторыми ситуациями психологии, культурологии и т. п., он не считал нужным, оставаясь физиком, разрабатывать идею дополнительности применительно к гуманитаристике. А между тем актуальность такой задачи с годами все более возрастала. Философия интервальности и предпринимает серьезные усилия в этом направлении. Опираясь на работу Ф. В. Лазарева [4], можно реконструировать последовательность шагов по обобщению имевшихся к тому времени в физике методологических наработок.

Шаг первый. Принцип дополнительности Н. Бора, взятый сам по себе, жестко связан с ситуацией дуализма (например, двойственность, «корпускулярно-волновая природа света» и т. п.), т. е. с констатацией двух взаимоисключающих аспектов исследуемых объектов. Это и определило переход от одноплоскостного видения физической реальности в классической механике к двухплоскостному в рамках квантово-механического описания. Но познавательный опыт показывает, что накапливается все больше случаев, когда результаты исследования того или иного сложного объекта адекватно отображаются лишь средствами многомерного концептуального пространства, способного выразить не только два, но и больше аспектов, измерений познаваемого целого. В зависимости от обстоятельств, от средств наблюдения одни свойства объектов актуализируются, выходят на первый план, другие, напротив, сохраняют лишь потенциальную возможность своего бытия. При этом таких интервалов актуализации для любого сложного или комплексного объекта может быть достаточно много. Реальность, таким образом, обнаруживает ячеистую, интервальную структуру, распадаясь на множество самозамкнутых хронотопов, актуальных и возможных миров.

Шаг второй. Вложив идею дополнительности в контекст многомерной онтологии и распространив ее применимость на нефизические типы реальности (социум, культура и т. п.), мы получаем не только более мощную методологическую конструкцию, но и собственно философский статус принципа дополнительности. Если же принять во внимание высказывания Н. Бора о том, что дополнительность есть своеобразное обобщение принципа относительности, то возникает возможность рассматривать и этот последний в общефилософском измерении.

Шаг третий. Однако радикальное расширение смысла принципов относительности и дополнительности, выявление их внутреннего единства нельзя корректно осуществить, оставаясь лишь в рамках методологии естественнонаучного познания. Здесь нужна новая концептуальная база, позволяющая реализовать приращение смысла указанных понятий. Такой базой является принцип интервальности. С культурно-исторической точки зрения он выступает своего рода итогом внутренней эволюции философских идей перспективизма (Г. Лейбниц, Ф. Ницше, Х. Ортега-и-Гассет, К. Манхейм, Э. Агацци) и метафизической традиции в целом (Р. Декарт, И. Кант, Г. Гегель, К. Маркс, М. Хайдеггер). Вместе с тем принцип интервальности вписал в себя некоторые ключевые понятия современной физики. В итоге можно сказать, что принцип интервальности, с одной стороны, является философским обобщением принципа относительности и дополнительности, с другой стороны, он позволяет в новом свете и в более широкой перспективе взглянуть на эти последние, более глубоко понять их единство и их методологическую эвристичность.

В методологической литературе принцип интервальности, обоснованный Ф. В. Лазаревым [5], включает в себя несколько основных постулатов:

- все рационально познаваемые типы и уровни реальности имеют интервальную структуру;
- результаты любого акта познания приобретают предметный и однозначный смысл, если фиксированы соответствующие условия познания (система отсчета, познавательная позиция, когнитивный горизонт со своей оптикой видения реальности);
- условия познания задаются интервальной структурой реальности;
- любая рациональным путем полученная истина относительно к соответствующему интервалу абстракции;
- при переходе от одних условий познания к другим обнаруживается класс истин, имеющий инвариантный характер.

Современная междисциплинарная исследовательская парадигма исходит из того, что наука XXI века все чаще обращается к изучению комплексных явлений [6]. Определить параметры многомерного объекта, выделить интервалы абстракции, а затем интегрировать полученные результаты, реконструировать саму познавательную стратегию, «привести к общему знаменателю» доказанные таким образом знания способны не многие ученые. Для такой работы нужна адекватная методология.

Интервальная методология – отнюдь не универсальный «эпистемологический ключ», но тонкий высокотехнологичный познавательный инструмент. Его нельзя «взять напрокат», а затем отложить, как только «истина обнаружена». Для состоявшегося исследователя интервальность – это не только и не столько удобный методологический инструмент, а по сути, профессиональный жизненный выбор, философское кредо, культурно-антропологический проект. При этом необходимо помнить, что интервальный подход – проработанный и многократно апробированный способ философского и общенаучного видения вещей, явлений и событий. Если смысловые и структурные аспекты интервальности в общем виде,

казалось бы, достаточно легко объяснить, то овладеть этим методом и сделать своим научным инструментарием при исследовании сложных многомерных объектов не так просто. Одной из ключевых теоретико-познавательных процедур является определение эпистемологических параметров «тождества» посредством «абстракции неразличимости», «абстракции отождествления»[7] и др.

Сегодня, спустя полвека после возникновения идеи интервальности, после широкого распространения данного метода на предметное поле многих областей знания – особую актуальность, на наш взгляд, приобретает прикладное значение данного эпистемологического инструментария. Развертывание новой социокультурной реальности в условиях глобализирующегося мира требует эффективных адекватных познавательных средств для понимания многоструктурных нетривиальных ситуаций в сфере международной и внутренней политики, правовых, социальных, экономических отношений, этнокультурных реалий, и в области ноосферных исследований. Весьма символично, что в течение многих лет методология интервальности интенсивно разрабатывалась в Крыму¹. Благодаря применению этой методологии в многочисленных научных исследованиях, особенно в ходе написания магистерских дипломов, кандидатских и докторских диссертаций, аспирантами и докторантами, научным руководителем которых являлся автор интервального подхода – профессор Ф. В. Лазарев, достигнуты существенные научные результаты. Парадоксальный характер интервальной методологической парадигмы заключается, прежде всего, в том, что с момента своего появления она выступает своего рода антитезой господствующим в то время философским умонастроениям и течениям, сформировавшимся под воздействием постмодернистской эпистемологии. Первоначально казалось, что интервальная философия явилась чужеродной прививкой на древе марксистской философии. Ибо, вопреки ортодоксальному марксизму, интервальный подход фактически инициировал крамольную для советского философского истеблишмента идею плюрализма в области онтологии и эпистемологии. Вместе с тем теоретико-познавательный императив интервальности изначально находился в прямой конфронтации с неопозитивизмом, поскольку открыто и последовательно провозглашалась идея преемственности классической метафизики в качестве базиса рационального философствования.

В конце 60-х и начале 70-х годов французские мыслители Р. Барт, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр и другие, начали активно развивать идеи постструктурализма, деконструктивизма, постмодернизма, главным образом, в области антропологии и теории познания. Преодолевая эссенциалистскую психологически ориентированную инерцию персонализма и экзистенциализма, они попытались радикально переосмыслить классические трактовки понятий «истины», «разума», «объективной реальности» и т. д. в эпоху всеобщей тенденции к релятивизму и восходящей моды на иррационализм. Будучи изолированным интеллектуальным подходом «за железным занавесом» интервальность с

¹Речь идет о Симферопольском государственном университете имени М. В. Фрунзе, переименованном в Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского (1999), который в 2014 г. вошел в состав Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.

неизбежностью оказывалась в стороне от шумных дискуссий методологического постмодернистского «философского карнавала», вне пространства рискованных экспериментов с методологией, присущих постструктурализму – деконструктивизму – постмодернизму.

Кроме того, Ф. В. Лазарев и М. М. Новоселов дистанцировались от модного в 70-х годах прошлого столетия эпистемологического анархизма П. Фейерабенда. Таким образом, путем уточнения эпистемологических параметров базовых таксонов знания и в результате исследования смыслопорождающих процедур в системе научного знания интервальный подход утвердил себя в высококонкурентной сфере теории познания как эффективный оригинальный метод, акцентированный на принципе аппроксимации в процессах достижения объективной истины. На излете эпистемологического этоса второго тысячелетия и начале двадцать первого века европейская цивилизация, утомившись от морального релятивизма, эпистемологического нигилизма и анархизма, массового разочарования в экзотических ценностях, эклектики когнитивных стилей и философских направлений, вновь обратилась к позитивным началам жизни, к стабильной системе культурных ценностей [8]. Тогда же и возник актуальный интерес к широкому применению интервального подхода в философии, в аксиоматических исследованиях.

Ренессанс интервальных идей возник в совершенно новой культурно-исторической ситуации, на фоне глобальных трансформаций и планетарного экономического кризиса, жесткого геополитического передела постперестроечного мира [9]. Апокалиптические «зигзаги» западной культурной традиции в условиях ускоренно трансформирующейся социокультурной ситуации пронизаны демонстративным сверхпотреблением, ощущением декаданса и неверия в объективную истину. Сегодня человечество находится в условиях многомерного радикально изменяющегося мира. Все чаще мыслители привлекают метафору «турбулентности» для описания непредсказуемости мировых процессов. Параметры новой постсовременной реальности едва просматриваются в ускоряющемся потоке образов постмодернистского искусства, несостоятельности эпистемологической парадигмы сциентизма, крахе когнитивной программы «шизоанализа» и прочих форм имитации познания истинного положения дел в обществе и науке. Несмотря на нарастание всеобщего хаоса, когда конкретные детали и концептуальные конструктивные особенности нового мирового порядка не определены, все же достаточно отчетливо видно, в каком направлении проходят траектории духовной жизни постсовременной истории. Характер, конфигурация и векторная направленность интервальной философии постоянно сближаются с передним планом мировой панорамы актуальных стилей философствования. Дело в том, что за последние годы наблюдается острая потребность в разработке методологических основ новой эпистемологической парадигмы. Между тем, если обратиться к истории формирования интервальной парадигмы, следует отметить, что интегрированная совокупность разнообразных методологических исследований, в основе которых лежит идея интервальности, прошла три основные фазы своей эволюции.

ИНТЕРВАЛЬНЫЙ ПОДХОД: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ

Первый период (1959–1971 гг.) может быть назван фазой «эмбрионального развития» новой эпистемологии. Важнейшим для интервального подхода понятием является «интервал абстракции» как эпистемологически артикулированная область однозначной применимости любых претендующих на точный смысл человеческих представлений и понятий. В 1965 г. в издательстве «Наука» АН СССР под редакцией Б. М. Кедрова вышел коллективный труд ученых Института философии в серии «Диалектика – теория познания». Книга называлась «Ленин об элементах диалектики». Во второй главе этой работы Ф. В. Лазарев, отталкиваясь от диалектических идей Гегеля и Маркса, дал развернутый эскиз онтологических и историко-научных оснований интервального видения мира. В июне 1966 г. на ученом совете Института философии АН СССР Ф. В. Лазарев защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Принцип объективности и проблема точности в естественнонаучном знании», где был представлен глубокий анализ основ концептуального аппарата естественных наук, а также исследованы способы придания точного смысла научным понятиям с точки зрения интервальных представлений.

В 1966–1970 годах появляется цикл статей Ф. В. Лазарева и М. М. Новоселова в пятитомной «Философской энциклопедии», где излагаются различные вопросы логического, теоретико-познавательного и методологического характера, так или иначе отражающие интервальный подход. Важнейшее место в этом цикле занимает статья М. М. Новоселова «Тождество», раскрывающая логические основы идеи интервальности. В статье предлагается принципиально новая трактовка классической философской проблемы тождества, исследуется логико-гносеологический смысл абстракции отождествления.

Второй период формирования интервального подхода занимает обширную временную полосу 1972–1995 годов. За прошедшие десятилетия вышло более ста статей и множество монографий авторов интервальной методологии и их последователей. К наиболее значимым из этих публикаций, можно отнести вышедшую в издательстве «Наука» книгу Кураева В. И. и Лазарева Ф. В. «Точность, истина и рост знания» [10]. За этот же период было проведено несколько симпозиумов и конференций, связанных с развитием интервальных идей. Первый интервальный симпозиум состоялся в августе 1979 года в Крыму, в Коктебеле, среди участников которого – В. В. Лазарев, Ф. В. Лазарев, М. М. Новоселов, В. Н. Сагатовский, М. К. Трифонова и др. Второй симпозиум состоялся в сентябре 1982 г. в Севастополе. Научные чтения открыл акад. В. И. Шинкарук. С докладами выступили М. М. Новоселов, Ф. В. Лазарев, В. Н. Сагатовский, С. Б. Крымский, А. С. Кармин, В. Г. Марахов, А. П. Шептулин, А. Т. Шумилин, В. А. Малинин и другие.

Примечательно, что в КНР начиная с 80-х годов вышло в свет несколько книг и статей по интервальности. Эпистемологическим базисом этих публикаций являются статьи Ф. В. Лазарева, переведенные с русского языка на китайский. В 90-е годы в

Пекине на протяжении нескольких лет функционировал общегородской семинар по интервальной методологии под руководством профессора Лу Шу-цзы [11].

В дальнейшем Ф. В. Лазарев, его последователи и ученики применили интервальный подход не только в теоретико-познавательной сфере, но также расширили область применения эффективной методологии на философию культуры (Ф. В. Лазарев, В. В. Буряк), философскую антропологию (Ф. В. Лазарев, Б. А. Литтл, В. В. Буряк), глобалистику (Ю. А. Бабинов, Е. Б. Ильинович), ноосферологию (Ф. В. Лазарев, В. В. Буряк, А. Д. Шоркин, В. И. Шостка).

Третий период в развитии идеи интервальности начинается с 1996 года и продолжается вплоть до сегодняшнего дня [12; 13]. Он связан, прежде всего, с расширением тематических областей применения интервального подхода [14; 15]. В связи с этим укажем лишь на некоторые принципиальные публикации начала третьего тысячелетия. Помимо привычных для интервального подхода исследований в области эпистемологии [16; 17], онтологии, логики и методологии науки [17], интервальные взгляды широко используются в области философской антропологии [18], ноосферологии [19; 20; 22], аксиологии и философии культуры [19; 21; 24] и др. Особое место занимает разработка проблемы духовности в условиях кризиса современной цивилизации [23; 24]. Однозначно можно сказать, что интервальный подход вполне применим как в философии и естествознании, так в гуманитарных и социальных науках.

Анализируя сегодня нечеткие контуры философской эпистемологической культуры XX века, мы можем взглянуть на эту теоретико-познавательную ситуацию со стороны XXI века. Прежде всего, необходимо ответить на ключевой вопрос о том, какие философские проекты прошлого столетия имели наибольшую культурную значимость или эвристическую ценность для формирования духовного климата завершившейся эпохи и что ожидает нас в ближайшем будущем. В XXI веке происходят важные перемены в стратегических переориентациях. Радикально изменяется потенциал ученых, интенсифицируются технологические проекты, трансформируется представление относительно сущности человека. В наши дни качественно новый этап переживают такие науки, как биология человека, генетика, нейрофизиология, психология, психолингвистика, педагогика, культурология, философская антропология, история, археология и т. п. Сегодня в такие междисциплинарные научно-технические направления, как нанотехнологии, биомедицина и информационные технологии, вкладываются многомиллиардные инвестиции. Именно в этих сегментах технауки сосредоточены колоссальные финансовые, материально-технические и интеллектуальные ресурсы. Наука и продвинутые технологии уже изменили мир и дальнейшее их влияние, очевидно, будет многократно усилено. А это означает, что резко возрастет государственный интерес к оптимизации методов научного исследования и методологии в целом. Такая тенденция симптоматична как в сфере естествознания, так и в области гуманитарных дисциплин. Человечество бросило вызов миру и себе посредством техногенного вмешательства в биосферу. После волны культурных революций (Гуманизм, Просвещение, Постмодерн) грядут с очевидностью новые революции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате исследований проведен анализ основных этапов становления и эволюции интервального методологического подхода в науке. В настоящее время интервальный подход применяется не только в теоретико-познавательной сфере, но и в таких областях науки как философия культуры, философская антропология, глобалистика, ноосферология. Сегодня, спустя полвека после возникновения идеи интервальности, после широкого распространения данного метода на предметное поле многих областей знания, особую актуальность, на наш взгляд, приобретает прикладное значение данного эпистемологического инструментария. Развертывание новой социокультурной реальности в условиях глобализирующегося мира требует эффективных адекватных познавательных средств для понимания многоструктурных нетривиальных ситуаций в сфере международной и внутренней политики, правовых, социальных, экономических отношений, этнокультурных реалий и в области ноосферных исследований.

Мы можем с уверенностью констатировать, что интервальный подход является современной эффективной эпистемологической познавательной стратегией, которая действенна в самых разных областях научного знания. Интервальная методология включает в себя: теорию познания, онтологию, историю и философию науки, методологию науки, философскую антропологию, аксиологию, философию культуры, ноосферологию и др. Теоретико-познавательные перспективы интервальной методологии неограничены сугубо философскими дисциплинами, но применимы всюду, где предметом являются многомерные комплексные объекты изучения, требующие профессиональной междисциплинарной коммуникации.

Список литературы

1. Креминский А. И. Философское творчество Ф. В. Лазарева в контексте современной ноосферной культуры / А. И. Креминский – Симферополь: ДИАЙПИ, 2010. – 300 с.
2. Лазарев Ф. В. Восхождение от абстрактного к конкретному/ Ф. В. Лазарев // Сборник работ аспирантов и студентов философского факультета МГУ. – М., 1962. – С. 40–52.
3. Новоселов М. М. Категория тождества и ее модели // Кибернетика и диалектика. – М., 1978. С. 188–198.
4. Лазарев Ф. В. Абстракция и реальность // Вестник Московского университета. – М., 1974. – Сер. Философия, № 5 – С. 14–23.
5. Лазарев Ф. В. Проблема точности естественнонаучного знания / Ф. В. Лазарев // Вопросы философии. –1968. – № 9. – С. 31–42.
6. Лазарев Ф. В. О природе научных абстракций / Ф. В. Лазарев. – М., 1971. – 31 с.
7. Лазарев Ф. В. Относительность и принцип интервальности // Проблемы теории познания, логики и методологии науки. – М., 1974. – С. 218–223.
8. Шостка В. И. Методология современной науки: проблема формирования междисциплинарного подхода/ В. И. Шостка // Культура народов Причерноморья – Симферополь, 2014. – № 274. – С. 97–100.
9. Новоселов М. М. Логика абстракций (методологический анализ) / М. М. Новоселов. – М., 2000. – 188 с.
10. Кураев В. И. Лазарев Ф. В. Точность, истина и рост знания / В. И. Кураев, Ф. В. Лазарев. – М.: Наука, 1988. – 236 с.
11. Лазарев Ф. В. Аналитика конститутивных оснований знания / Ф. В. Лазарев // Академия знаний. Серия «Философия. Социология. Политология. Культурология. История». –2009. – № 1. – С. 20–30.

12. Лазарев Ф. В. Истина в гуманитарном знании / Ф. В. Лазарев // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Философия. Социология». – 2009. – № 3. – Т. 22 (61). – С. 12–22.
13. Новоселов М. М. Логика абстракций (методологический анализ) / М. М. Новоселов. – М., 2000. – 188 с.
14. Лазарев Ф. В., Литтл Б. А. Многомерный человек. Введение в интервальную антропологию / Ф. В. Лазарев, Б. А. Литтл. – Симферополь: СОНАТ, 2001. – 261 с.
15. Лазарев Ф. В. Научное наследие В. И. Вернадского в контексте XXI века / Ф. В. Лазарев // Ученые записки ТНУ. Спец. выпуск, посвященный 140-летию со дня рождения В. И. Вернадского. – Симферополь. – 2004. – Т. 17(56). – № 1. – С. 80–95.
16. Лазарев Ф. В., Литтл Б. А. Вселенная культуры: стратегемы и ценности / Ф. В. Лазарев, Б. А. Литтл. – Симферополь: СОНАТ, 2005. – 192 с.
17. Лазарев Ф. В. Концепция перспективизма Ортеги-и-Гассета и методология интервальности / Ф. В. Лазарев // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Философия. Социология». – 2009. – № 2. – Т. 22 (61). – С. 5–16.
18. Лазарев Ф. В. Духовность и право в контексте современных цивилизационных процессов / Ф. В. Лазарев // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Философия. Социология». – 2009. – № 4. – Т. 22 (61). – С. 4–8.
19. Бабинов Ю. А. Религия в условиях современного глобализационного процесса. – М.: Вузовский учебник, 2015. – 262 с.
20. Буряк В. В. Методологические подходы к построению концептуального каркаса ноосферологии // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 12. – С. 101.
21. Буряк В. В. Глобализация и конфликт идеологий // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Симферополь. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». – 2010. – № 3. – Т. 23 (62). – С. 3–9.
22. Буряк В. В. Глобализация как продолжение генезиса ноосферы // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2010. – № 189. – С. 9–12.
23. Буряк В. В. Глобализация как современный этап эволюции ноосферы / Вісник СевНТУ. Вип. 141. Філософія: сб. науч. тр. – Севастополь, 2013. – С. 21–24.
24. Буряк В. В. Консюмеризм в маркетинговом пространстве глобальных трансформация // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – 2009. – № 2. – Т. 22 (61). – С. 46–55.
25. Буряк В. В., Махин С. А., Шостка В. И. Современные проблемы изучения комплексных объектов и базисные стратегии методологии научного исследования / Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2014. – № 278. – С. 190–193.
26. Буряк В. В., Шостка В. И. Философия и история науки: эмерджентный научно-педагогический кластер университетского образования // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2014. – № 275. – С. 179–181.
27. Буряк В. В., Замятина Э. В. Методологические стратегии исследований современной культуры // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – Кемерово, 2015. – Вип. № 2 (31). – С. 118–125.

Buryak V. V., Shostka V. I. Interval Methodological Approach: the Basic Stages of Evolution // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 1. – P. 3–16.

In the publication evolution of the interval approach is considered. The basic stages and modern lines of development of interval methodology which was generated as epistemology program are defined. Also it is considered, that interval approach has passed successful approbation in various areas of philosophical knowledge.

Keywords: the interval approach, methodology, abstraction.

References

1. Kreminskij A. I. Filosofskoe tvorchestvo F. V. Lazareva v kontekste sovremennoj noosfernoj kul'tury [The Philosophical Creativity of F. V. Lazarev in the Context of a Noospheric Culture]. Simferopol': DIAJPI, 2010, 300 p.
2. Lazarev F. V. Voshozhdenie ot abstraktnogo k konkretnomu [The Rising from the Abstract to the Specific]. Collection of works of post-graduate students and students of the Faculty of Philosophy, Moscow State University, Moscow, 1962, pp. 40-52.
3. Novosjolov M. M. Kategorija tozhdestva i ee modeli [The Category of the Equality and its Models]. Cybernetics and Dialectics, 1978, pp. 188-198.
4. Lazarev F. V. Abstrakcija i real'nost' [The Abstraction and the Reality]. Bulletin of Moscow University, Philosophy, 1974, № 5, pp. 14-23.
5. Lazarev F. V. Problema tochnosti estestvennonauchnogo znanija [The Problem of the Natural Science Knowledge Accuracy]. Questions of philosophy, 1968, № 9, pp. 31-42.
6. Lazarev F. V. O prirode nauchnyh abstrakcij [About the Nature of the Scientific Abstractions]. Moscow, 1971, 31 p.
7. Lazarev F. V. Otnositel'nost' i princip interval'nosti [The Relativity and the Principle of Intervality]. Problems of the Theory of Knowledge, Logic and Methodology of Science, 1974, pp. 218-223.
8. Shostka V. I. Metodologija sovremennoj nauki: problema formirovanija mezhdisciplinarnogo podhoda [Methodology of Modern Science: the Problem of the Interdisciplinary Approach Construing]. Culture of the Peoples of the Black Sea, 2014, № 274, pp. 97-100.
9. Novosjolov M. M. Logika abstrakcij [The Logic of Abstraction]. Moscow, 2000, 188 s.
10. Kuraev V. I. Lazarev F. V. Tochnost', istina i rost znanja [The Accuracy, the Truth and the Knowledge Increasing]. Moscow, Nauka, 1988, 236 p.
11. Lazarev F. V. Analitika konstitutivnyh osnovanij znanija [The Knowledge Constitution Analitics]. Academy of Knowledge. Series "Philosophy. Sociology. Political science. Culturology. History", 2009, №1, pp. 20-30.
12. Lazarev F. V. Istina v gumanitarnom znanii [The Truth in the Humanitarian Knowledge]. Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. Series «Philosophy. Sociology», Vol. 22 (61). № 3, 2009, pp. 12-22.
13. Novosjolov M. M. Logika abstrakcij [The Logic of Abstraction]. Moscow, 2000, 188 p.
14. Lazarev F. V., Littl B. A. Mnogomernyj chelovek. Vvedenie v interval'nuju antropologiju [The Multidimensional Human. The Introduction into Interval Anthropology]. Simferopol', SONAT, 2001, 261 p.
15. Lazarev F. V. Nauchnoe nasledie V. I Vernadskogo v kontekste XXI [The Scientific Heritage of V. I. Vernadskij in the context of the XXI century]. Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. Special issue dedicated to the 140th anniversary of the birth of VI Vernadsky, 2004, T. 17(56). № 1, pp. 80-95.
16. Lazarev F. V., Little B. A. Vselennaja kul'tury: strategemy i cennosti [The Cultural Universe: the Strategies and Values]. Simferopol', SONAT, 200, 192 p.
17. Lazarev F. V. Koncepcija perspektivizma Ortegi-i-Gasseta i metodologija interval'nosti [The Conception of the Perspectivism of Ortega Gasset and the Interval Methodology]. Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. Series «Philosophy. Sociology», 2009, № 2, T. 22 (61), pp. 5-16.
18. Lazarev F. V. Duhovnost' i pravo v kontekste sovremennyh civilizacionnyh processov [Spirituality and Law in the Modern Civilization Processing Context]. Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. Series «Philosophy. Sociology», 2009, № 4, T. 22 (61), pp. 4-8.
19. Babinov JU. A. Religija v uslovijah sovremennogo globalizacionnogo processa [Religion in the Modern Globalization Processing Conditions]. Moscow, University textbook, 2015, 262 p.
20. Burjak V. V. Metodologicheskie podhody k postroeniju konceptual'nogo karkasa noosferologii [The Methodological Approaches to the Conceptual Structure of Noospheric Constitution]. Culture of the Peoples of the Black Sea, 2007, № 12, p. 101.

21. Burjak V. V. Globalizacija i konflikt ideologij [Globalization and the Conflict of Ideology]. Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. Series "Philosophy. Sociology. Political science. Culturology. History", 2010, T. 23 (62), № 3, pp. 3-9.
22. Burjak V. V. Globalizacija kak prodolzhenie genezisa noosfery [Globalization as the Noospheric Genesis Continuing]. Culture of the Peoples of the Black Sea, 2010, № 189, pp.9-12.
23. Burjak V. V. Globalizacija kak sovremennyj etapj evoljucii noosfery [Globalization as a Modern Phase of Noospheric Evolution]. Bulletin of SevNTU. Issue. 141. Philosophy: a collection of scientific papers, 2013, pp. 21-24.
24. Burjak V. V. Konsjumerizm v marketingovom prostranstve global'nyh transformacij [Consumerism in the Marketing Area of Global Transformations]. Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University, 2009, T. 22, № 2 (61), pp. 46-55.
25. Burjak V. V., Mahin S. A., SHostka V. I. Sovremennye problemy izuchenija kompleksnyh obektov i bazisnye strategii metodologii nauchnogo issledovanija [The Modern Problems of Complex Objects Studies and Basic Strategies of the Scientific Research Investigation]. Culture of the Peoples of the Black Sea, 2014, № 278, pp. 190-193.
26. Burjak V. V., SHostka V. I. Filosofija i istorija nauki: jemerdzhentnyj nauchno-pedagogicheskij klaster universitetskogo obrazovanija [Science and History of Philosophy: Scientific and Pedagogical Part of the University Education]. Culture of the Peoples of the Black Sea, 2014, № 275, pp. 179-181.
27. Burjak V. V., Zamjatina JE. V. Metodologicheskie strategii issledovanij sovremennoj kul'tury [The Methodological Strategies of Modern Culture Researches]. Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts, 2015, Vyp. № 2 (31), pp. 118 – 12.

УДК 1. 122/129

ТЕОРИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ КАК ОСНОВА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Голубничий Р. В.

*Гуманитарно-педагогическая академия Крымского федерального университета имени
В. И. Вернадского, г. Ялта, Российская Федерация.*

E-mail: golpes@mail.ru

В результате проведенного анализа сделан вывод о том, что, возникнув на стыке общепсихологической теории установки и философской концепции ценностей, понятие «ценностные ориентации» не получило однозначной трактовки среди философов, психологов, социологов, педагогов, что определение сущности данного феномена – одна из основных аксиологических проблем социальной философии. Приведены аргументы, свидетельствующие о том, что регулирование поведения личности в правовой сфере на основе ценностной ориентации ведет к возникновению ценностно-правовой ориентации, выражающейся в определенном отношении индивида к правовой действительности.

Ключевые слова: социальная философия, психология, социология, педагогика, ценностная ориентация, ценностно-правовая ориентация.

Правовые ценностные отношения лежат в основе правовых ценностей, где формируются социально значимые нормы и идеалы. В процессе отношений, включающих осознанный и рационально выраженный выбор поведения людей, формируются ценностная правовая оценка, ценностная правовая ориентация и ценностная правовая установка.

Анализ такой базовой категории, как «ценностно-правовые ориентации личности» в контексте социальной философии должен опираться на общую теорию ценностных ориентаций, на ее междисциплинарное осмысление, имеющее проблемный методологический характер, где сталкиваются различные мировоззренческие позиции. Использование междисциплинарного научного метода при изучении сущности ценностно-правовых ориентаций личности способствует взаимообогащению философии, социологии, психологии, педагогики, юриспруденции и иных гуманитарных наук.

Исследование ценностных ориентаций в отечественной аксиологии (середина 60-х гг. XX в.) осуществлялось как на теоретическом (В. О. Василенко [1], В. П. Тугаринов [2]), так и на эмпирическом уровнях (А. Л. Ручка [3], А. Г. Здравомыслов [4]). В данный период начинает складываться субъект-объектный подход к изучению данного феномена. Сторонники этого подхода (в частности В. П. Тугаринов [5]) исходили из того, что такая концепция отражает специфику

ценностного аспекта сознания и определяли сущность ценностных ориентаций исходя из направленности личности на те или иные ценности.

Ценностный подход нашел свое применение в этике, эстетике, социологии. В октябре 1965 г. в Тбилиси состоялся первый Всесоюзный симпозиум по проблеме ценностей, где была предпринята попытка комплексного рассмотрения ценностной доктрины. Следует отметить, что ленинградская школа под руководством В. А. Ядова использовала понятие «ценностная ориентация» для изучения мотивации поведения личности. Таким образом, в отечественной научной литературе понятие «ценностная ориентация» стало активно использоваться в середине 60-х гг. XX в., однако единой концепции ученым выработать не удалось.

Сущность и содержание понятия «ценностные ориентации» как философской категории нашли отражение в исследованиях ученых в 1970-е – первой половине 1980-х гг. XX в. с позиции ценностно-нормативной системы социалистического образа жизни. При этом особое внимание было обращено на аспекты взаимосвязи «индивидуального» и «общественного» в сознании личности. Г. Г. Кириленко придерживалась мнения, что ценностные ориентации необходимо анализировать с точки зрения смысловых целей, «способом достижения которых должна стать вся жизнь человека» [6, с. 16]. Е. Ф. Майорова считала, что они выступают фактором, определяющим направленность самореализации личности [7, с. 16–25]. По мнению О. М. Панфилова, ценностные ориентации – это «отражение в сознании человека ценностей, признаваемых им в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров» [8, с. 176]. Следовательно, философская доктрина периода 1970-х – первой половины 1980-х гг. XX в. связывала сущность анализируемого феномена с идеалами и жизненными целями личности нравственного и гуманистического характера. При этом в усвоении нравственности определенную значимость приобретал процесс перевода ценностей в личные, определяющие поведение личности.

Во второй половине 80-х – начале 90 гг. XX в. наряду с дальнейшим развитием субъектно-объектной концепции изучения ценностных ориентаций (Н. А. Данилов [9, с. 15]) формируется социобиологический подход, определяющий их с точки зрения направленности потребностей и интересов индивида. Так, Е. А. Подольская указывала, что «ценностные ориентации возникают на основе потребностей» [10, с. 74]. Помимо вышеназванных концепций, получает обоснование культурологический подход к пониманию ценностных ориентаций, представители которого считали, что анализируемая категория «выражает личностную значимость культурных ценностей, определенность и направленность различных видов духовной и практической деятельности» [11, с. 171]. С середины 90-х гг. XX в. проблема социально-философского осмысления ценностных ориентаций личности освещается с точки зрения трансформации общественных процессов в условиях переходного общества, их рассогласования.

В современной философской науке высказано суждение о том, что ценностные ориентации (в качестве открытой и динамичной системы) направлены на осознание ценностей как феноменов культуры, «которые воспринимаются людьми в качестве... самоценных явлений», «служащих основанием самоидентификации

коллектива (общества) в широком смысле» [12, с. 55]. Ф. С. Файзуллин полагает, что указанная категория отражает «цели и конечные предпочтения субъекта, т. е. критерии личностного выбора...» [13, с. 223].

Следовательно, обобщая изложенное, можно сделать вывод о том, что определение сущности ценностных ориентаций – одна из основных аксиологических проблем социальной философии, которая связывается с мотивацией поведения личности в обществе, индивидуальным отражением в его сознании ценностей общества, процессами самопознания и поиском человеком смысла жизни.

Категория «ценностные ориентации» стала использоваться в социальной психологии с конца 40-х – начала 50-х гг. XX в. в контексте отношения личности к объектам окружающей действительности. В рамках психологической доктрины относительно сущности рассматриваемой категории сложилось несколько точек зрения. Одни исследователи (Б. Г. Ананьев, Л. И. Божович, А. Г. Ковалев, К. К. Платонов, С. Л. Рубинштейн) рассматривали ценностные ориентации как проявление направленности личности. При этом единого мнения в подходах к понятию «направленность личности» в психологической науке также не выработано. Этот термин ввел в психологию С. Л. Рубинштейн, понимая под ним динамические тенденции, определяющие человеческую деятельность [14, с. 8–9]. Б. Г. Ананьев подчеркивал, что психологической основой ценностной ориентации выступает направленность личности на те или иные ценности, которая выступает как сложная структура потребностей, мотивов, целей, мировоззрения, идеалов, убеждений, выражающая отношение к объективной действительности, коллективу и самой себе и проявляющаяся в активной деятельности [15, с. 98]. Л. И. Божович характеризует направленность личности как систему доминирующих мотивов [16, с. 51–52], В. Н. Мясищев определяет ее с позиции доминирующего отношения, подчиняющего себе другие отношения и определяющие жизненный путь человека [17, с. 150], Н. И. Непомнящая вводит ценностные ориентации в состав ведущей направленности личности – ценностности, которая является ее центральным базовым основанием [18]. Таким образом, несмотря на различие трактовок направленности личности, психологи единодушны в том, что она выступает как системообразующее свойство личности, которое определяет ее психическое состояние.

Другая группа ученых отечественной психологической школы (Ш. А. Надирашвили, А. С. Прангишвили, Д. Н. Узнадзе) в понимании ценностной ориентации исходит из теории динамики установки. В рамках данного подхода установка выступает как «целостное динамическое состояние субъекта, состояние готовности к определенной активности, <...> которое обуславливается двумя факторами: потребностью субъекта и соответствующей объективной ситуацией» [19, с. 170–171]. При этом, как справедливо указывается в психологической литературе, «готовность поступить тем или иным образом уже содержит в себе оценку, а оценивание предполагает установку как готовность определенным образом реализовать ценности» [20, с. 25]. Д. Н. Узнадзе считал, что индивид реагирует на воздействия внешней действительности преимущественно «лишь

после того, как он преломил их в своем сознании, <...> осмыслил их» [21, с. 87–91]. Такое осмысление, по мнению ученого, приводит к расширению сферы установок личности. Следовательно, на основе разработанной модели фиксированной установки Д. Н. Узнадзе раскрыл и обосновал регулирующую, целостно-личностную природу ценностной ориентации, закономерности ее формирования.

Ш. А. Надирашвили, являясь сторонником общепсихологического учения установки Д. Н. Узнадзе, отмечает, что ценностная ориентация оказывает определяющее влияние на волевые процессы психической активности личности, в основе которых лежит постановка оценочных задач [22].

Ряд авторов (Б. С. Братусь [23, с. 89], В. Ф. Ломов [24, с. 36], С. С. Бубнова [25, с. 38–44]) разрабатывают проблему ценностных ориентаций в контексте доминирующего отношения к объектам окружающей среды на основе их личностной значимости.

К. Д. Давыдова полагает, что ценностные ориентации – это система ценностных установок личности, которая характеризует избирательное отношение индивида к ценностям [26, с. 63–64]. С точки зрения основателя теории деятельностного подхода Д.А. Леонтьева, анализируемая категория представляет собой осознанные представления человека о собственных ценностях, о ценном для него [27, с. 13–25]. О. И. Зотова и М. И. Бобнева характеризуют ее как «нравственность личности» [28, с. 241–255], И. М. Попова и В. Б. Моин – как «сложные обобщенные системы ценностных представлений» [29, с. 186], В.Г. Алексеева – как «основной канал превращения культурных ценностей в стимулы и мотивы практического поведения людей» [30, с. 63–70], Ю. М. Жуков – как «детерминанты принятия решения» [31, с. 254–278].

В современной психологической литературе ценностная ориентация трактуется как относительно устойчивая, социально обусловленная «направленность личности на те или иные цели, имеющие для нее смысло-жизненное значение, и на определенные способы их достижения» [32, с. 28]. Следовательно, психологическая доктрина рассматривает сущность ценностных ориентаций с точки зрения, с одной стороны, дифференциации индивидом объектов по их значимости, а с другой – различных оснований оценки им окружающей действительности.

Среди отечественных социологов второй половины XX в. первыми исследователями ценностных ориентаций стали В. Б. Ольшанский, А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов. В. Б. Ольшанский, понимал под ними «цели, устремления и жизненные идеалы, которые функционируют в виде определенных норм в групповом сознании» [33, с. 529], делая вывод о влиянии указанного сознания на индивидуальную систему ценностей. Ученый исследовал их в контексте выбора ценностей, анализировал их как устремления личности к различным формам социальной значимости. А. Г. Здравомыслов и В. А. Ядов связывали эту категорию с установкой индивида «на те или иные ценности материальной и духовной культуры» [34, с. 199], считая, что она представляет собой важнейший компонент структуры личности, где обобщается ее жизненный опыт. При таком подходе делается акцент на психологическое содержание данного

понятия, но поскольку его объект – ценность – имел общественную природу, то данные установки личности в дальнейшем стали рассматриваться как социальные, а сам феномен ценностной ориентации – как социально-психологический. Опираясь на вышеназванную концепцию, В. В. Водзинская полагает, что ценностные ориентации выступают как «система фиксированных установок, отношений к различным ценностям» [35, с. 48-54]. Л. А. Аза, В. А. Поддубный, А. А. Ручка относили к ценностным ориентациям «доминирующие ценностные представления» [36, с. 31].

На формирование и развитие социологического подхода к сущности ценностных ориентаций определяющее значение оказала модель диспозиционной структуры личности, разработанная В. А. Ядовым, которая опирается на результаты исследований в области установок доктрины Д. Н. Узнадзе. Понимая под диспозицией предрасположенность человека к восприятию социальной ситуации, В. А. Ядов выделял их четыре уровня: «поведенческий акт – поступок – серия поступков – деятельность», где ценностные ориентации представляют высший уровень диспозиционной системы и находятся в зависимости от социальной среды, с которой себя отождествляет индивид [37, с. 135–167]. Данное учение направлено на интеграцию в единую систему различных уровней социальных установок (ценностных ориентаций), указывая на определяющую роль тех из них, которые отражают основные духовные и материальные ценности общества. Кроме того, оно позволяет объяснить поведение и деятельность личности в различных социальных средах и социальных системах.

Современная отечественная социологическая наука подходит к понятию «ценностные ориентации» также с различных позиций. Так, И. А. Сурина рассматривает данный феномен как «оценочное отношение личности или группы к совокупности материальных и духовных благ, которые понимаются как предмет (или его свойства), цели и средства для удовлетворения потребностей личности (группы)» [38, с. 21], при этом обращая внимание на его двойственную природу: с одной стороны, ценностные ориентации имеют социальную направленность, поскольку обусловлены системой воспитания, образования и определенной структурой общественных отношений, а с другой – индивидуальную, т. к. определяются особенностями личного жизненного опыта.

Следовательно, социологический подход к проблеме происхождения и сущности ценностных ориентаций состоит в определении их роли как связующего звена между поведением индивида, социальных групп и общества в целом. Они регулируют социальное поведение человека, итогом которого является процесс освоения не только нравственных, общественных, этических идеалов, но и нормативных требований, предъявляемых к личности. При этом ценностная система выступает как определенная иерархия ценностей конкретного индивида, которая формируется под влиянием социальной среды.

В рамках аксиологического подхода ценностные ориентации изучаются в педагогической науке. «Ценностные ориентации, – пишут В. А. Сластенин и Г. И. Чижакова, – есть система устойчивых отношений личности к окружающему миру и самому себе в форме фиксированных установок на те или иные ценности

материальной и духовной культуры общества» [39, с. 137]. А. В. Кирьякова считает, что ценностную ориентацию личности необходимо рассматривать с точки зрения восхождения личности к ценностям общества на основе диалектического закона возвышения потребностей. Она анализирует процесс ориентации личности через формирование ценностного отношения к явлениям окружающей действительности [40, с. 16].

Следовательно, в педагогике понятие «ценностные ориентации» раскрывается в контексте мотивов деятельности и поведения.

В результате анализа различных точек зрения ученых относительно определения понятия «ценностные ориентации личности» мы полагаем, что они представляют собой относительно устойчивую систему фиксированных установок, основанных на эмоциях, знаниях и убеждениях. Регулирование поведения личности в правовой сфере на основе ценностной ориентации ведет к возникновению ценностно-правовой ориентации, выражающейся в определенном отношении индивида к правовой действительности.

Список литературы

1. Василенко В. О. Ценности и оценка / В. О. Василенко. – К.: Наукова думка, 1964. – 330 с.
2. Синютин В. И. Развитие В. П. Тугариновым аксиологии // Вестник ЛГУ. Серия 6. – 1988. – Вып. 4. – С. 96-100.
3. Ручка А. А. Ценностный подход в системе социологического знания / А. А. Ручка. – Киев: Наукова думка, 1987. – 306 с.
4. Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности / А. Г. Здравомыслов. – М.: Политиздат, 1986. – 223 с.
5. Тугаринов В. П. Теория ценностей в марксизме / В. П. Тугаринов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. – 124 с.
6. Кириленко Г. Г. Мировоззрение и формирование ценностных ориентаций личности / Г. Г. Кириленко. – М.: Знание, 1983. – 40 с.
7. Майорова Е. Ф. Развитие ценностных ориентаций в процессе самореализации личности // Динамика ценностных ориентаций в системе социалистического образа жизни. – Л.: ЛГПИ, 1980. – 140 с.
8. Панфилов О. М. Система ценностей и структура личности. Дисс... канд. филос. наук / О. М. Панфилов. – Л., 1979. – 176 с.
9. Данилов Н. А. Место и роль ценностных ориентаций в системе мировоззрения. Автореф. дис... канд. филос. наук / Н. А. Данилов. – М., 1990. – 16 с.
10. Подольская Е. А. Ценностные ориентации и проблема активности личности / Е. А. Подольская. – Харьков: Основа, 1991. – 162 с.
11. Соколов Э. В. Культура и личность / Э. В. Соколов. – Л.: Наука, 1972. – 228 с.
12. Хабибова Н. Е. Онтологический и гносеологический анализ понятия «ценностные ориентации» / Н. Е. Хабибова. – Уфа: Уфимск. гос. академия экономики и сервиса, 2006. – 96 с.
13. Файзуллин Ф. С. Гносеологический анализ ценностей и ценностных ориентаций. / Ф. С. Файзуллин, У. С. Вильданов, Х. С. Вильданов. – М.: Наука, 2008. – 291 с.
14. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание / С. Л. Рубинштейн. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – 328 с.
15. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. – 338 с.
16. Божович Л. И. Психологические закономерности формирования личности в онтогенезе // Вопросы психологии. – 1976. – № 6. – С. 45-54.
17. Мясищев В. Н. Личность и неврозы / В. Н. Мясищев. – Л.: ЛГПИ, 1960. – 428 с.
18. Непомнящая Н. И. Психодиагностика личности: теория и практика / Н. И. Непомнящая. – М.: Владос, 2001. – 256 с.

19. Узнадзе Д. Н. Основные положения теории установки // Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. – Тбилиси, 1961. – 210 с.
20. Краснорядцева О. М. Ценностная детерминация профессионального поведения педагогов // Сибирский психол. журн. – Томск. – 1998. – № 7. – С. 25–29.
21. Узнадзе Д. Н. Установка у человека. Проблема объективации // Психология личности в трудах отечественных психологов. – СПб.: Питер, 2000. – 480 с.
22. Надирашвили Ш. А. Установка и деятельность. / Ш. А. Надирашвили. – Тбилиси: Мецниереба, 1987. – 361 с.
23. Братусь Б. С. Аномалии личности / Б. С. Братусь. – М.: Мысль, 1988. – 301 с.
24. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б. Ф. Ломов. – М.: Наука, 1984. – 444 с.
25. Бубнова С. С. Ценностные ориентации личности, как многомерная нелинейная система // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20. – № 5. – С. 38–44.
26. Давыдова К. Д. Социальная установка как психологический феномен // Социальная психология и философия. – М., 1975. – С. 63–64.
27. Леонтьев Д. А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психол. обозрение. – 1998. – № 1. – С. 13–25.
28. Зотова О. И., Бобнева М. И. Ценностные ориентации и механизмы социальной регуляции поведения // Методологические проблемы социальной психологии. – М.: Наука, 1975. – 235 с.
29. Попова И. М. Сознание и трудовая деятельность / И. М. Попова, В. Б. Моин. – Киев – Одесса, 1985. – 187 с.
30. Алексеева В. Г. Ценностные ориентации как фактор жизнедеятельности и развития личности // Психологический журнал. – 1984. – Т. 5. – № 5. – С. 63–70.
31. Жуков Ю. М. Ценности как детерминанты принятия решений // Психологические проблемы социальной регуляции поведения / Отв. ред. Е. В. Шорохова, М. И. Бобнева. – М.: Наука, 1976. – 368 с.
32. Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. / Н. А. Журавлева. – М.: Ин-т психологии РАН, 2006. – 333 с.
33. Ольшанский В. Б. Личность и социальные ценности // Социология в СССР. В 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1965. – С. 471–511.
34. Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Отношение к труду и ценностные ориентации личности // Социология в СССР. Т. 2. – М.: Мысль, 1965. – 532 с.
35. Водзинская В. В. Понятие установки, отношения и ценностной ориентации в социологическом исследовании // Науч. докл. высш. школы. Философ. науки. – М., 1968. – № 2.
36. Аза Л. А. Ценностные ориентации рабочей молодежи / Л. А. Аза, В. А. Поддубный, А. А. Ручка. – Киев: Наук. думка, 1978. – 203 с.
37. Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. – М., 1975. – 235 с.
38. Сурина И. А. Ценностные ориентации как предмет социологического исследования / И. А. Сурина. – М.: Голос, 1996. – 130 с.
39. Сластенин В. А. Введение в педагогическую аксиологию / В. А. Сластенин. – М.: Академия, 2003. – 192 с.
40. Кирьякова А. В. Аксиологическая концепция ориентации личности в мире образования // Вестник ОГУ. – 1999. – № 1. – С. 13–19.

Golubnichy R. V. The Theory of Value Orientations of Personality as the Basis of the Study of Value Orientations of the Legal // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 1. – P. 17–25.

On the basis of the use of the interdisciplinary scientific method, the article considers the approaches developed in philosophical doctrine to the study of value orientations of the individual: subject-object, socio-biological, culturological. Based on the critical perception of such concepts of value orientations as a manifestation of the orientation of the individual, as a model of a fixed installation, as a dominant relation to the objects of the environment on the basis of their personal significance, etc., the author gives arguments that the doctrine considers the essence of value orientations, on the one hand, from the point of view of the

individual's differentiation of objects by their significance, and on the other hand, of different bases for assessing the surrounding reality. As a result of the analysis, it was concluded that, having arisen at the junction of the general psychological theory of orientation and the philosophical conception of values, the concept of "value orientations" was not unambiguously interpreted among philosophers, psychologists, sociologists, teachers, that the definition of the essence of this phenomenon is one of the main axiological problems social philosophy. The arguments are given that the regulation of the individual's behavior in the legal sphere on the basis of value orientation leads to the emergence of a value-legal orientation, expressed in a certain relation of the individual to legal reality.

Keywords: social philosophy, psychology, sociology, education, value orientation, value-legal orientation.

References

1. Vasilenko V. O. Cennosti i ocenka [Value and Evaluation]. Kiev, Naukova Dumka, 1964, 330 p.
2. Sinjutin V. I. Razvitie V.P. Tugarinovym aksiologii [Development of V. P. Tugarinov Axiology]. Vestnik LGU. [Vestnik LGU], 1988, Vol. 4, Series 6, pp. 96-100.
3. Ruchka A. A. Cennostnyj podhod v sisteme sociologicheskogo znaniya [Value Approach in the System of Sociological Knowledge]. Kiev, Naukova Dumka, 1987, 306 p.
4. Zdravomyslov A. G. Potrebnosti. Interesy. Cennosti [Needs. Interests. Values.]. Moscow, Politizdat, 1986, 223 p.
5. Tugarinov V. P. Teorija cennostej v marksizme [The Theory of Values in Marxism]. Leningrad, LSU, 1968, 124 p.
6. Kirilenko G. G. Mirovozzrenie i formirovanie cennostnyh orientacij lichnosti [Ideology and the Formation of Value Orientations of Personality]. Moscow, Znanie, 1983, 40 p.
7. Dinamika cennostnyh orientacij v sisteme socialisticheskogo obraza zhizni [The Dynamics of Value Orientations in the System of the Socialist May of Life]. Leningrad, LGPI, 1980, 140 p.
8. Panfilov O. M. Sistema cennostej i struktura lichnosti [System of values and personality structure]. Candidate's thesis, Leningrad, 1979, 176 P.
9. Danilov H. A. Mesto i rol' cennostnyh orientacij v sisteme mirovozzrenija [The Place and Role of Values in the World System]. Extended abstract of candidate's thesis, Moscow, 16 p.
10. Podol'skaja E. A. Cennostnye orientacii i problema aktivnosti lichnosti [Value Orientation and the Problem of Personality's Activity]. Kharkov, Base, 1991, 162 p.
11. Sokolov Je. V. Kul'tura i lichnost' [Culture and Personality]. Leningrad, Nauka, 1972, 228 p.
12. Habibova N. E. Ontologicheskij i gnoseologicheskij analiz ponjatija «cennostnye orientacii» [The Ontological and Epistemological Analysis of the Concept of "Value Orientation"]. Ufa, Ufimsk. state Academy of Economics and service, 2006, 96 p.
13. Fajzullin F. S., Vil'danov U. S., Vil'danov H. S. Gnoseologicheskij analiz cennostej i cennostnyh orientacij. [Epistemological Analysis of Values and Value Orientations]. Moscow, Nauka, 2008, 291 p.
14. Rubinshtejn S. L. Bytie i soznanie [Being and Consciousness]. Moscow, Publishing house Acad. of Sciences of the USSR, 1957, 328 p.
15. Anan'ev B. G. Chelovek kak predmet poznaniya [Man as an object of knowledge]. Leningrad, Publishing house Leningrad state University, 1968, 338 p.
16. Bozhovich L. I. Psihologicheskie zakonomernosti formirovaniya lichnosti [Psychological Regularities of Formation of the Personality]. Voprosy psihologii [Questions of psychology], 1976, № 6.
17. Mjasishhev V. N. Lichnost' i nevrozy [Personality and neuroses]. Leningrad, LGPI, 1960, 428 p.
18. Nepomnjashhaja N. I. Psihodiagnostika lichnosti: teorija i praktika [Psy-chodiagnosics of Personality: Theory and Practice]. Moscow, Vldos, 2001, 256 p.
19. Jeksperimental'nye osnovy psihologii ustanovki [Experimental Foundations of Psychology Installation]. Tbilisi, 1961, 210 p.

20. Krasnorjadceva O. M. Cennostnaja determinacija professional'nogo povedenija pedagogov [Value Determination of Professional Conduct for Teachers]. *Sibirskij psihol. zhurn [Siberian psikhol. Sib.]*, 1998, № 7, p. 25–29.
21. Psihologija lichnosti v trudah otechestvennyh psihologov [Personality Psychology in Works by Russian Psychologists]. Saint-Petersburg, Peter, 2000, 480 p.
22. Nadirashvili Sh. A. Ustanovka i dejatel'nost' [Installation and Operation]. Tbilisi, Metsniereba, 1987, 361 p.
23. Bratus' B. S. Anomalii lichnosti [The Anomalies of the Individual]. Moscow, Thought, 1988, 301p.
24. Lomov B. F. Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii [Methodological and Theoretical Problems of Psychology]. Moscow, Nauka, 1984, 444 p.
25. Bubnova S. S. Cennostnye orientacii lichnosti, kak mnogomernaja nelinejnaja sistema [Values of Personality as a Multidimensional Nonlinear System]. *Psihologicheskij zhurnal [Psychological journal]*, 1999, Vol. 20, № 5, p. 38–44.
26. Social'naja psihologija i filosofija [Psychology and Social Philosophy]. Moscow, 1975.
27. Leont'ev D. A. Cennostnye predstavlenija v individual'nom i gruppovom soznanii: vidy, determinanty i izmenenija vo vremeni [Value Orientations in Individual and Group Consciousness: types, determinants and change over time]. *Psihol. obozrenie [Psikhol. display]*, 1998, № 1, p. 13–25.
28. Metodologicheskie problemy social'noj psihologii [Methodological Problems of Social Psychology]. Moscow, Nauka, 1975, 235 p.
29. Popova I., Moin V. Soznanie i trudovaja dejatel'nost' [The Mind and Career]. Kiev–Odessa, 1985, 187 p.
30. Alekseeva V. G. Cennostnye orientacii kak faktor zhiznedejatel'nosti i razvitija lichnosti [Value Orientation as a Factor in Functioning and Development of Personality]. *Psihologicheskij zhurnal [Psychological journal]*, 1984, Vol. 5, № 5. p. 63–70.
31. Psihologicheskie problemy social'noj reguljacii povedenija [Psychological Problems of Social Regulation of Behavior]. Moscow, Nauka, 1976, 368 p.
32. Zhuravleva N. A. Dinamika cennostnyh orientacij lichnosti v rossijskom obshhestve [Dynamics of Value Orientations of Personality in Russian Society]. Moscow, Institute of psychology RAS, 2006, 333 p.
33. Ol'shanskij V. B. Lichnost' i social'nye cennosti [Personality and Social Values] Moscow, Mysl', 1965, Vol. 1, 471–511 p.
34. Zdravomyslov A., Jadov V. Otnoshenie k trudu i cennostnye orientacii lichnosti [Work Ethic and Value Orientation of the Personality]. Moscow, Mysl', 1965, Vol. 2, 532 p.
35. Vodzinskaja V. V. Ponjatie ustanovki, otnoshenija i cennostnoj orientacii v sociologicheskom issledovanii [The Concept of Attitudes, Relationships and Values in Sociological Research]. *Nauch. dokl. vyssh. shkoly. Filosof. nauki [Scientific. Dokl. ouch. school. Philosopher. science]*, Moscow, 1968. № 2.
36. Aza L. A., Poddubnyj V. A., Ruchka A. A. Cennostnye orientacii rabochej mo-lodezhi [Value Orientation of Young Workers]. Kiev, Sciences. Dumka, 1978, 203 p.
37. Metodologicheskie problemy social'noj psihologii [Methodological problems of social psychology]. Moscow, 1975, 235 p.
38. Surina I. A. Cennostnye orientacii kak predmet sociologicheskogo issledovanija [Value Orientation as a Subject for Sociological Study]. Moscow, Voice, 1996, 130 p.
39. Slastenin V. A. Vvedenie v pedagogicheskiju aksiologiju [Introduction to Pedagogical Axiology]. Moscow, Academy, 2003, 192 p.
40. Kir'jakova A. V. Aksiologicheskaja koncepcija orientacii lichnosti v mire obrazovanija [Axiological Concept of Personal Orientation in the World of Education]. *Vestnik OGU [Vestnik of OSU]*, 1999, № 1, p. 13–19.

УДК 130.2

ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ КАК ТЕМАТИЧЕСКИЙ ФОКУС СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Иванова Р. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: raisaivanova2013@yandex.ru

В статье обозначена актуальная тенденция развития современной философской антропологии. Вследствие общемировой интенсификации коммуникативных процессов усиливается значение такой антропологической универсалии, как человеческая коммуникативность. Это с необходимостью обуславливает размещение коммуникации в исследовательском фокусе. Обосновано включение коммуникации в предметное поле философско-антропологического дискурса. Выделена специфика исследования коммуникации в контексте философской антропологии. Изучение человека и, в частности коммуникации как выходящей на передний план антропологической универсалии, узкоспециализированными науками не является достаточным в силу их неспособности к интеграции полученных аспектных данных в рамках единого дискурса о человеке. Исследования коммуникации проанализированы с точки зрения предметно-методологического инструментария выхода из теоретических затруднений соответствующей области.

Ключевые слова: коммуникация, исследования коммуникации, философская антропология.

Социокультурная жизнь в XX–XXI веках сопровождается быстрыми и основательными переменами. Вследствие активизации глобальных процессов – завершения эпохи колониализма, формирования новых отношений между политически самостоятельными государствами, интенсификации модернизации после Второй мировой войны, роста урбанизации – претерпевают существенные трансформации области философского и научного знания. Во второй половине XX века предметом обсуждения научным сообществом стала смена наличествующего комплекса принципов теоретического познания, который Т. Кун назвал парадигмой, а М. Фуко – эпистемой.

Рефлексия над методологическими основаниями познания привела к обнаружению несоответствия имеющихся научных средств накопившимся проблемам. В том числе и в философской антропологии. Фокус академического внимания поэтому закономерно сместился с исторической макродинамики к социокультурной микродинамике, основу которой составляет коммуникативное взаимодействие между людьми. С периферии в предметный центр стали перемещаться такие виды исследовательской активности, как построение теоретических моделей для организации и интерпретации фактов, которые

характеризуют активность людей, способы формирования и поддержания коммуникации разных видов, функциональные и динамические механизмы регулирования межличностного взаимодействия. Такой акцент на сфере коммуникативного закрепил в качестве актуальной для философской антропологии новую задачу – идентифицировать поддерживающие коммуникативное пространство структурные связи, прежде чем осуществлять следующий шаг – их погружение в ситуативный или общекультурный контекст. Однако несмотря на заметное продвижение в этом актуальном направлении, коммуникативные исследования пока слабо закреплены (в том числе и институционально) в предметном поле этой области философского знания. Цель данной статьи – обосновать принадлежность коммуникации к тематическому ядру философской антропологии. Для достижения этой цели необходимо выполнить следующие задачи:

- выделить актуальную тенденцию в развитии современной философской антропологии;
- указать специфику изучения коммуникации в философско-антропологическом дискурсе;
- рассмотреть исследования коммуникации в качестве предметно-методологического средства выхода из основных теоретических затруднений философской антропологии.

При обсуждении задач претерпевающей изменения философской антропологии возникает проблема демаркации антропологического и неантропологического дискурсов. Сами специалисты-антропологи отмечают размытость термина «антропология», затрудняясь однозначно обозначить его объем и содержание [1, с. 38].

Современный антропологический дискурс активно формировался на протяжении XIX–XX веков такими мыслителями, как А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, С. Кьеркегор, М. Шелер, Х. Плеснер, П. Флоренский, М. Бахтин, Л.С. Выготский, Ж. П. Сартр, М. Фуко, Ж. Л. Нанси и другие. В истории становления антропологии справедливо выделяются такие периоды: этнологический (1800–1860); эволюционистский (1860–1895); исторический (1895–1925) [2, с. 476]. Этнологический период связан с увеличением объема этнографических данных в эпоху Великих географических открытий. Первые «этнологические» антропологи занимались анализом этнографической информации, сосредотачиваясь на непосредственном «полевом» изучении культур, в основном бесписьменных народов. Антропологи эволюционистского периода развития осуществляли попытки объяснить культурное разнообразие человечества предположением о том, что все культуры, как и отдельные их институты, претерпевают определенные стадии своего естественного постепенного развития – своеобразного аналога природной эволюции. Для исторического периода развития антропологии характерен акцент скорее на духовных образованиях, нежели на материальных артефактах, попытка принимать во внимание историческую обусловленность происходящих в человеке изменений. Далее становится сложно выделить какой-нибудь цельный моноидейный этап: единый философско-антропологический

дискурс становится дискретным, распадаясь на множество частных течений вроде семиотической или психоаналитической антропологий. Позднее вследствие активизации глобальных процессов (завершения эпохи колониализма, формирования новых отношений между политически самостоятельными государствами, интенсификации модернизации после Второй мировой войны, роста урбанизации) во все еще диффузной антропологии складываются предпосылки для специального исследования коммуникации и, соответственно, для возвращения утерянной целостности дискурса. В качестве ядра антропологических исследований прочно устанавливается тема коммуникации Я с суверенным Другим.

Как эмпирическая данность человек слишком сложен для изучения – предмет антропологии многоаспектен, вследствие чего возник целый спектр дисциплин антропологического толка, специализирующихся на изучении отдельных аспектов человека. Главной задачей философской антропологии является интеграция множества человеческих аспектов в единое целое. Следовательно, философская антропология чаще всего справедливо определяется как область знания о человеке в целом, в рамках которой изучаются и вопросы о его происхождении и связях с окружением, и созданный им искусственный мир, и организация взаимодействия и коммуникации людей. Эти аспекты человеческого существования сохраняют актуальность и сегодня [3, с. 18–19]. Таким образом, далее в тексте под философской антропологией будет пониматься рефлексия над частнонаучными программами изучения человека.

Частные науки о человеке преследуют иные, более узкие, хотя и очень важные, цели. Этот нюанс метко подчеркивает российский философ-антрополог Аванесов С. С., утверждая, что в радиус обзора микроскопа частной науки весь человек не «вмещается», «вмещаются» только его детали [1, с. 38]. Например, в биологии человек рассматривается как живой организм, хотя очевидно, что он не тождественен своему телу. Аналогичная ситуация складывается в психологии, которая отождествляет человека исключительно с его психикой [4, с. 130].

Философская антропология за период формирования претерпела значительные предметные изменения, обусловившие ее современное существование на трех уровнях:

- а) мегауровне, включающем в себя общие исследования глобальной и всеобщей истории человечества;
- б) макроуровне, состоящем из исследований строений отдельных обществ;
- в) микроуровне исследований межчеловеческого взаимодействия, коммуникации.

Некоторые авторы по-прежнему вытесняют микроуровень коммуникации на исследовательскую периферию – как нечто не входящее в классическое предметное поле философской антропологии, но то, что остается предметом социологии и социальной философии. Однако в реальном современном глобализирующемся мире роста и уплотнения коммуникативных связей без понимания устройства коммуникации понимание человека невозможно.

Кризис в философской антропологии означает, что накопилось большое количество вопросов, которые остаются без ответа [5, с. 109]. Логически и

тематически он связан с тотальной проблематизацией антропологических объяснительных конструкций классического типа, интерпретировавших человека как сущее, чье бытие детерминировано сущностью или субстанцией [6, с. 134]. Российский философ С. С. Хоружий пишет о том, что классическая европейская антропология предъявляет человеку понятие о его сущности или природе и предполагает, что человек конституируется в процессе актуализации своей сущности, будучи ею полностью детерминирован [7, с. 82]. Соответственно, антропология в широком смысле – учения различных философов о сущности, природе и назначении человека [8, с. 84] – потерпела неудачу, поскольку практиковала соотнесение человека с какой-либо сущностью и, становясь частью карательной социальной стратегии [9, с. 131], инициировала процесс расчеловечивания личности в ходе исторических катаклизмов XX века [10]. Э. Кассирер характеризует сложившееся кризисное положение философской антропологии следующим образом: «Основной целью всех этих теорий было обоснование единства и единообразия человеческой природы. Но если мы рассмотрим объяснения, которые пытались дать эти теории, то окажется, что единство человеческой природы весьма сомнительно. Каждый философ верил, что он нашел главную пружину и определяющую человеческую способность. Но характеризуя эту определяющую способность, все теории резко различаются между собой и даже противоречат друг другу» [11, с. 119]. Можно сказать, что в каждую историческую эпоху перед человеком возникает задача создать себе новую сущность; по словам Ландмана, «быть человеком – означает стать им, это бесконечный процесс самосоздания» [12, с. 76].

Упомянутый кризис свидетельствует о необходимости коррекции курса дальнейшего методологического развития и смены исследовательских акцентов в философской антропологии с учетом актуальных изменений человеческого существования, прежде всего – вследствие заметной интенсификации коммуникативных процессов, «коммуникативизации». Впереди – скачок, в котором сохранятся все свойства прежнего человеческого существования, но добавится новое качество, связанное с увеличением степени интеграции [13, с. 134].

Коммуникативные процессы активно изучаются с XX века, но теория коммуникации пока не выстроена. В фокус анализа помещаются взаимодействующие люди, что влечет за собой приоритет в исследованиях пространства intersubjectивности, которое одновременно как формируется коммуникантами, так и оказывает влияние на их дальнейшее поведение. Именно исследования коммуникации могут вывести философскую антропологию из кризиса. Мифическая сущность человека, на базе которой классические антропологи выстраивали теории человека, «компенсируется» именно онтологической коммуникацией, задающей и горизонт, и контекст человеческого бытия [1, с. 41]. Специфика и проблемность философско-антропологического исследования заданы как раз этим особым характером его предмета – имплицитностью и труднодоступностью динамично-коммуникативного способа существования человека.

На современном уровне социально-научного знания отношения человека с природным и искусственным окружением принято связывать с представлением о фундаментальных антропологических универсалиях – общечеловеческих врожденных свойствах, характеризующих фундаментальные связи человека с окружением [14, с. 172]. Неизбежность человеческого общежития, онтологически детерминированная социальность предполагают аналитику обусловленного данными свойствами модуса человеческого существования – коммуникации. Человек живет в со-общении с другим человеком: «человеческая природа определяется коммуникативной практикой» [15, с. 28], лежащей в основе формирования культуры как единственно возможного способа человеческого существования. «Глубочайшая сущность человека позволяет ему найти вполне удовлетворительное осуществление лишь в культуре и с культурой» [16, с. 50]. Поскольку коммуникативно-культурное пространство является естественной средой человеческого бытия и условием существования человека, постольку, утверждая коммуникативность человека, мы по необходимости имеем ввиду и то, что в предельном смысле нормальный человек коммуникативен не столько социально-поведенчески, сколько онтологически [17, с. 33]. Человек не рождается культурным – культуре обучаются как способу адаптации к окружению или как необходимому средству коммуникации и проявления себя [18, с. 197]. Посредством коммуникации происходит инкультурация человека и тесно с ней связанное освобождение человека от окружающей среды, сковывающей животное. Инкультурация тождественна выживанию: человек, в отличие от животного, в одиночестве выжить не способен, для него начало и продолжение жизни является чем-то социальным, таким, что должно осуществляться в связи с другими [12, с. 93]. Генезис и формирование человека с неизбежностью коммуникативно окрашены.

Существует распространенное мнение о том, что предметом философской антропологии является происхождение, история и содержание культуры. Это мнение институционально оформлено в «теоретическую антропологию». Теоретическая антропология – это синоним философии культуры, обозначающий исследования социальной организации, образа жизни, символических систем носителей определенных культур. Такие исследования сродни «теориям среднего уровня» в социологии, состоящим из обобщений, соединяющих практику и теорию – «теориям, находящимся в промежуточном пространстве между частными, но также необходимыми рабочими гипотезами, во множестве возникающих в ходе повседневных исследований, и всеохватными систематическими попытками развить единую теорию, которая будет объяснять все наблюдаемые типы социального поведения, социальных организаций и социальных изменений» [19]. Культура означает определенный способ бытия. В рамках теоретической антропологии не поднимаются вопросы об экзистенциальной реальности человека, обуславливающей его сущностную оригинальность. Сведение всей проблемы человека к описанию культуры означало бы невнимание к основной стороне вопроса о том, что определяет культурную сущность человека [18, с. 170]. Задачей же философской антропологии является поиск универсальных структурных связей между аспектами динамичной человеческой сущности. Антропология не становится

философской антропологией только по той причине, что ей уделяют внимание философы. Философской она становится тогда, когда формирует нейтральный тип человека, некоторую абстракцию, концепцию, являющуюся результатом мыслительной деятельности, – некий субъект, отличающий себя от объектов и способный вступать в диалог с другим человеком [18, с. 202].

Утверждение немецкого антрополога Э. Боша о том, что «как поле активности культура не только включает в себя и контролирует действие, но и постоянно трансформируется им, поэтому культуру можно рассматривать и как процесс и как структуру» [20], сохранит свою адекватность и в случае замены в нем понятия культуры на понятие коммуникации. Межличностное взаимодействие состоит из множества подвижных центров совместных действий коммуникантов, «узлов», вследствие чего обладает активной структурой. Различные участки этой структуры насыщаются повседневными действиями людей. Таким образом, совокупность организующих коммуникацию «узлов» и «межузловых» дистанций представляет собой сеть, заключающую в себе пространство межличностных взаимодействий, в рамках которого происходит их координация. Коммуникация одновременно является и структурой (организация пространства взаимодействия), и процессом (взаимная координация пространств действия каждого из коммуникантов). Процессуальный уровень концептуально корректно отображаем категориальным объединением события, поведения и действия, осуществляемых индивидом в определенном контексте с некой интенсивностью на некотором уровне компетентности и доверительности (речь идет о параметрах коммуникативной полноты). Структурность проявляется как концептуальное выведение из этих связей системы взаимозависимых характеристик, составляющих целостное представление о коммуникации.

В социальной философии коммуникация исследуется с позиций формирования ею устойчивых структур, поддерживающих социальную солидарность и массовые общественные процессы. Философская антропология ориентируется на исследования коммуникации как на исследования фактора, в исторической перспективе формирующего человека в разные времена и в разных условиях. То есть философская антропология выявляет и описывает не коммуникацию с позиций институциональных структур и функций (как социальная философия), не внутрииндивидуальные особенности коммуникации (как общая психология, на которую долгое время опиралась философская антропология), не образ коммуникативного взаимодействия людей в контексте природной и искусственной среды (как философия культуры), а устройство коммуникации как связи с другим, формирующей этих двоих, их очеловечивающей.

Тема коммуникации в философской антропологии не являлась центральной вплоть до последних десятилетий. Коммуникация изучалась социологами, но тоже не в качестве основной темы: активность индивида в социологическом и социально-философском контекстах связывалась, прежде всего, с действием. Однако отсутствие объясняющей характер коммуникативного процесса теории в качестве результата исследований индивидуальных действий продемонстрировало необходимость размещения проблематики коммуникативного взаимодействия в

предметном фокусе философско-антропологических исследований. Антропологический дискурс с самого начала своей истории до сегодняшних дней содержит базовое подразумеваемое представление о том, что бытие человека с необходимостью сопряжено с коммуникацией между людьми. Младенец не может стать человеком вне процессов коммуникации. Человек как «социальное животное» не способен выжить в одиночку – формой бытия человека является общество. Инкультурация человека осуществляется посредством коммуникации. Все эти антропологические характеристики сегодня гиперболизируются закреплением коммуникации в качестве основного параметра человеческого существования. Таким образом, в качестве актуальной тенденции развития современной философской антропологии можно выделить ее интенсивную коммуникативизацию и соответствующее размещение исследований коммуникации в ее тематическом фокусе.

Несмотря на свою полиаспектность, человек остается цельным явлением. В то же время частные науки фокусируются на изучении отдельных аспектов человеческого бытия, не интегрируя их в единое целое: преимущественно человек отождествляется с каким-либо своим измерением, от остальных частная наука с необходимостью абстрагируется. Соответственно, задачу интеграции человеческих характеристик и конструирование образа понимания человека берет на себя именно философская антропология. На фоне роста и уплотнения коммуникативных связей без понимания устройства коммуникации понимание человека невозможно.

В то же время для современной философской антропологии включение коммуникации в свое предметное поле имеет первостепенное значение в силу ряда обстоятельств:

1) Господствующего в антропологической теории онтологического допущения о социальности человека недостаточно для того, чтобы объяснить осуществление этой характеристики в контексте современности. Это указывает на своевременность обращения к изучению происходящих между людьми коммуникативных взаимодействий.

2) Об актуальности коммуникативного поворота в философской антропологии свидетельствует возрастающий интерес к межкультурным взаимодействиям и их последствиям в условиях глобализирующегося мира.

3) Наряду с обилием лингвистически окрашенных структуралистских и постструктуралистских разработок потенциал функционалистского подхода к изучению коммуникации остается нераскрытым в полной мере. Функционалистский акцент на связях между структурными единицами коммуникативного процесса позволит изучить предпосылки, условия и средства осуществления коммуникации с иных позиций.

4) Обращение к исследованию коммуникативного взаимодействия открывает новые горизонты в изучении социокультурной динамики. Предметом анализа становится прежде всего то, что происходит между людьми, а уже потом – в каких событиях произошедшее воплощается, какую значимость имеет для общего контекста.

5) Философско-антропологическая модель универсальна и потому равно применима к теоретическому описанию любых видов коммуникации (межкультурных, межгрупповых, межличностных), поскольку речь идет не об организационных или институциональных структурах, как в социальной философии или социологии, а о людях.

Список литературы

1. Аванесов С. С. Антропологический тупик // Человек.RU: альманах. – Новосибирск: НГУЭУ, 2015. – № 10. – С. 33–45.
2. Большой толковый словарь по культурологии / Б.И. Кононенко. – М.: Вече; АСТ, 2003. – 511 с.
3. Орлова Э. А. История антропологических учений / Э. А. Орлова. – М.: Академический проект; Альма Матер, 2010. – 621 с.
4. Ивонин Ю. П. Институционализация философской антропологии. Историко-философский аспект // Человек.RU: альманах. – Новосибирск: НГУЭУ, 2006. – № 2. – С. 127–145.
5. Коковин И. С. Генезис антропологических концептов в философии: поиски предмета // Человек.RU: альманах. – Новосибирск: НГУЭУ, 2015. – № 10. – С. 107–114.
6. Коковин И. С. Современная антропология в России: вызовы и ответы // Человек.RU: альманах. – Новосибирск: НГУЭУ, 2016. – № 11. – С. 133–145.
7. Хоружий С. С. Трансформативная антропология глазами синергийной антропологии (к проблеме постчеловека) // Фонарь Диогена. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 928 с.
8. Гиренок Ф. И. Смена перспектив в философии человека // Человек.RU: альманах. – Новосибирск: НГУЭУ, 2015. – № 10. – С. 83–92.
9. Нанси Ж.-Л. Сегодня. Лекция, прочитанная в январе 1990 г. в Институте философии РАН в Москве // Ежегодник лаборатории постклассических исследований Института философии РАН. – М.: Ad Marginem, 1994. – С. 123–150.
10. Смирнов С. А. Чертов мост. Введение в антропологию перехода // С. А. Смирнов. – Новосибирск: НГУЭУ, 2010. – 491 с.
11. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке // Э. Кассирер. – М.: Гардарики, 1998. – 784 с.
12. А. Сервера Эспиноза Кто есть человек? Философская антропология // Это человек: Антология / Сост., вступ. ст. П. С. Гуревича. – М.: Высш. шк., 1995. – 320 с.
13. Герасимов С. В. Некоторые тренды человеческого развития // Философские науки. – 2015. – № 3. – С. 133–137.
14. Орлова Э. А. Концепции идентификации/идентичности: антропологическая трактовка // Вопросы социальной теории. – 2011. – № 5. – С. 170–192.
15. Гутнер Г. Б. Личность и коммуникативная рациональность // Личность. Культура. Общество. – 2008. – Т. X. – Вып. 3–4 (42–43). – С. 226–232.
16. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Вопр. философии. – 1992. – № 3. – С. 39–53.
17. Аванесов С. С. Личность как синергийная конституция // Философские науки. – 2008. – № 2. – С. 32–46.
18. Л. Фарре. Философская антропология // Это человек: Антология / Сост., вступ. ст. П. С. Гуревича. – М.: Высш. шк., 1995. – 320 с.
19. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. – М.: АСТ, 2006. – 873 с.
20. Boesh E. E. Symbolic Action Theory and Cultural Psychology. – 1991. – 387 p.

Ivanova R. A. Communication Studies as a Thematic Focus of Contemporary Philosophical Anthropology // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 1. – P. 26–34.

The article outlines the actual trend of development of modern philosophical anthropology. Due to the worldwide intensification of communicative processes, the importance of such an anthropological universality

as human communicativeness is increasing. This necessitates the placement of communication in the research focus. The basis for the inclusion of communication in the subject field of philosophical-anthropological discourse is indicated. The specificity of the study of communication in the context of philosophical anthropology is singled out. The study of man and, in particular, communication as a foreground anthropological universal, highly specialized sciences is not sufficient because of their inability to integrate the received aspect data within the framework of a single discourse about a person. Communication studies are analyzed from the point of view of the subject-methodological tools out of the theoretical difficulties of the corresponding field.

Key words: communication, communication research, philosophical anthropology.

References

1. Avanesov S. S. Antropologicheskij tupik [The Anthropological Impass]. Novosibirsk, 2015, № 10, pp. 33–45
2. Bol'shoj tolkovyj slovar' po kul'turologii / B. I. Kononenko [The Big Culturology Dictionary]. Moscow, 2003, 511 p.
3. Orlova Je. A. Istorija antropologicheskikh uchenij [The Anthropology History Studies]. Moscow, 2010, 621 p.
4. Ivonin Ju. P. Institucionalizacija filosofskoj antropologii. Istorik-filosofskij aspekt [Philosophical Anthropology Institutionalization. The History of Philosophy Aspect]. Novosibirsk: NGUJeU, 2006, № 2, pp. 127–145
5. Kokovin I. S. Genezis antropologicheskikh konceptov v filosofii: poiski predmeta [The Anthropology Concepts Genesis in Philosophy: the Subject Searching]. Novosibirsk, 2015, № 10, pp. 107–114
6. Kokovin I. S. Sovremennaja antropologija v Rossii: vyzovy i otvety [The Contemporary Anthropology in Russia: Challenges and Reactions]. Novosibirsk, 2016. – № 11. – pp. 133–145
7. Horuzhij S. S. Transformativnaja antropologija glazami sinergijnoj antropologii (k probleme postcheloveka) [The Transformation Anthropology by Synergistic Anthropology Eyes (to the Problem of Post Human)]. Moscow, Progress-Tradicija, 2010, 928 p.
8. Girenok F. I. Smena perspektiv v filosofii cheloveka [The Changes of the Perspectives in Human Philosophy]. Novosibirsk, 2015, № 10, pp. 83–92
9. Nansi Zh.-L. Segodnja. Lekcija, pročitannaja v janvare 1990 g. v Institute filosofii RAN v Moskve [Today. The Lecture that Being Read in January, 1990 at the IF RAN, Moscow]. Moscow, Ad Marginem, 1994, pp. 123–150
10. Smirnov S. A. Chertov most. Vvedenie v antropologiju [The Devil Bridge. Introduction into Anthropology]. Novosibirsk, 2010, 491 p.
11. Kassirer Je. Izbrannoe. Opyt o cheloveke [The Selected. The Human Experiment]. Moscow, Gardarika, 1998, 784 p.
12. A. Servera Jespinoza. Kto est' chelovek? [Who is a Human?]. Moscow, Vyssh. shk., 1995, 320 p.
13. Gerasimov S. V. Nekotorye trendy chelovecheskogo razvitija [Some Trends of Human Development]. Novosibirsk, 2015, № 3, pp. 133 – 137
14. Orlova Je. A. Konceptii identifikacii/identichnosti: antropologicheskaja traktovka [The Conceptions of Identification: the Anthropological Interpretation]. Moscow, 2011, № 5, pp. 170 – 192
15. Gutner G. B. Lichnost' i kommunikativnaja racional'nost' [Personality and Communication Rationality]. 2008, Vyp. 3-4 (42-43), pp. 226–232
16. Lorenc K. Vosem' smertnyh grehov civilizovannogo cheloveka [The Eight Sins of Civilized Man]. Moscow, 1992, № 3, p. 39 – 53
17. Avanesov S. S. Lichnost' kak sinergijnaja konstitucija [Personality as a Synergetic Constitution]. Moscow, 2008, № 2, S. 32–46.
18. L. Farre. Filosofskaja antropologija [The Philosophy Anthropology]. Moscow, Vyssh. shk., 1995, 320 p.
19. Merton R. Social'naja teorija i social'naja struktura [The Social Theory and Social Structure]. Moscow, 2006, 873 p.
20. Boesh E. E. Symbolic Action Theory and Cultural Psychology, 1991, 387 p.

УДК: 304.2

НООСФЕРНАЯ ПАРАДИГМА КУЛЬТУРЫ: ПРЕДПОСЫЛКИ, ОСНОВАНИЯ, ПРИНЦИПЫ

Креминский А. И.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: alivk56@yandex.ru

В статье рассмотрены особенности современной культуры в контексте современных глобальных трансформаций. По мнению автора, ноосферная парадигма в условиях глобализации выступает важным фактором развития современной культуры. Принцип гармонии общества и природы формировался в недрах человеческой культуры с древнейших времен в рамках мифологического сознания, в религиозных учениях, в философских системах. Но только в условиях глобализирующегося мира, по мнению автора, возникают объективные предпосылки и историческая необходимость практически гармонизировать многообразные отношения людей к природной среде обитания. В эту систему отношений, несомненно, входит и космический аспект. Сегодня основой, ведущей парадигмальной осью образования (ноосферного, креативного, этически нагруженного) должна стать аксиома «человек – космическое существо».

Ключевые слова: ноосферная парадигма, интервальная методология, культура, глобализация.

ФИЛОСОФ В КУЛЬТУРЕ: ИЗНУТРИ И ИЗВНЕ

Великий Гете с присущей ему проницательностью как-то заметил: «Ни в одной эпохе нет такой точки, откуда можно было бы рассматривать эту эпоху». Из этого афоризма, очевидно, следует, что не только простой человек, но и способный к обобщению философ не может найти такую «точку обзора», с которой бы открывалась вся панорама исторического потока времени той эпохи, в которую погружен современник. Человек принципиально ограничен историческим контекстом и не может его разомкнуть даже силой своего мышления. Любопытно, однако, что современник Гете Гегель высказывает несколько иную трактовку. Широко известны его слова о том, что философия есть эпоха, схваченная мыслью. Порывает ли этот тезис с пониманием проблемы, которое мы встречаем у Гете? Похоже на то, что на интуитивном уровне возникает ощущение отхода от позиции Гете. Но в каком отношении? Ясно одно: если обозначенный выше парадокс поддается решению, то только с помощью философской рефлексии. Но как это можно себе представить? Как философия, будучи частью культуры, способна осуществлять критическую рефлексию над культурой в ее целостности? Теоретическое разрешение этого парадокса может быть получено с учетом тех идей,

которые были наработаны в рамках диалектической традиции и, в частности, на основе интервальной методологии. Конкретно этот вопрос обсуждается в статье Ф. В. Лазарева и С. А. Лебедева. Авторы обращают внимание на то, что философ оказывается способным занять позицию внешнего наблюдателя по отношению к данному горизонту истории благодаря возможности помещать себя в особый «метафизический хронотоп», позволяющий абстрагировать на категориальном уровне общечеловеческие инварианты культурного бытия людей и выявлять «сквозные тенденции» исторического процесса [1, с. 15–28].

В предлагаемой статье предпринимается попытка конкретизировать высказанную выше идею и представить в развернутом виде интервальную трактовку сущностного определения культуры в контексте диалектики внутреннего и внешнего.

Как увидеть свою эпоху с точки зрения внешнего наблюдателя? Можно ли, находясь эмпирически внутри своего исторического потока времени, внутри культуры, взглянуть и оценить эту культуру с позиции метауровня, так сказать, с высоты птичьего полета? Очевидно, что ключ к решению этой задачи лежит, как мы видели, в области философской рефлексии. Однако возможности диалектической аналитики резко возрастают, когда у исследователя появляется своеобразная «лупа времени», порожденная эффектом ускорения темпа времени в определенные исторические периоды. Современный человек живет в эпоху кризиса, т. е. скачкообразного перехода, цивилизационного разлома в ходе истории. Таким образом отдельный индивид оказывается в ситуации «постэпохи», человеком «между»: когда одна эпоха закончилась, а вторая, в сущности, еще не началась. У него появляется возможность заглянуть за пределы обыденного опыта. Он постоянно переходит из одного измерения социокультурного бытия в другое, становясь в условиях «транзитного общества» «человеком нигде». Но именно эта способность резко переключать «гештальт» культурной парадигмы позволяет ему видеть окружающий мир социума одновременно и «изнутри», и «извне».

Благодаря сложившейся исторической ситуации эмпирический субъект как бы приближается к тому, чтобы стать способным выполнять в обществе «миссию философа». Специфика последней заключается в том, чтобы в своих жизненных практиках выступать в двух ипостасях: с одной стороны, он рядовой участник рутинного процесса жизнедеятельности людей в «мирах повседневности», с другой – он есть свидетель «суда истории», своего рода «мета-наблюдатель», способный видеть и критически оценивать ход современной истории и перипетии цивилизационного развития с некой более высокой позиции. Именно эта возможность занимать «надинтервальную» позицию «поверх барьеров» и культурных размежеваний позволяет философу быть своего рода идеальным модератором в общении людей между собой, в диалоге культур, цивилизаций, мировых религий, политических движений. Философ не только отдает себе отчет в том, что познавательная позиция любого человека, социальной группы ограничена своим интервалом абстракции, но и способен увидеть те инварианты, которые являются общими, едиными для всех сторон, которые участвуют в диалоге. Именно

эти инварианты и являются объективным основанием и предпосылкой самой возможности взаимопонимания.

«Местоительство» философа – не «дом и не улица» и даже не целая страна. Подлинный философ пребывает в «космическом Доме бытия». Неверно было бы думать, что это лишь привычная фигура речи. Искусству видеть мир с высоты «Дома бытия» философу приходится учиться. И это занимает порой всю жизнь. Как отмечал Н. О. Лосский, для «изучения стороны действительности нужно выработать особое направление наблюдательности, нужно иметь виртуозную способность отвлекаться от пестрой сцены событий, может быть, даже необходимо обладать характером, стойко возвышающимся над всеми мелочными интересами и потребностями жизни» [2, с. 165].

Можно ли сказать, что роль философа в современном мире ограничивается его способностью быть модератором в многостороннем диалоге культур, народов, религиозных движений? Очевидно, нет. Глобализирующийся мир предоставляет широкое поле для философской рефлексии во всех сферах жизнедеятельности людей. Существенно меняется сам образ современного философа, его профессиональные задачи и формы деятельности. Среди этих задач одна из важнейших – это создание новых культурных смыслов и образов, разработка новых цивилизационных проектов. При этом речь идет о создании таких смыслов, которые носили бы универсальный, общечеловеческий характер [10]. Но задача философа сегодня состоит не только в том, чтобы создавать новые смыслы, но и в том, чтобы вырабатывать новые критерии оценок тех неоднозначных явлений, которые мы наблюдаем в сфере динамически развивающейся культуры. «В век “скоростных” информационных технологий, – отмечает И. Мамет-заде, – следует по-новому посмотреть на культуру, подумать о том, что в ходе изменений культуры может сделать философ для ее сохранения в динамике. Возникает вопрос: как различать изменения как деструкцию от изменений, развивающих культуру?» [2, с. 163]. Особенно остро этот вопрос возникает при оценке процессов, которые происходят в современной массовой культуре.

ИНДИВИД В КУЛЬТУРЕ: ИЗНУТРИ И ИЗВНЕ

Потоки миграции с арабского Востока и африканского континента, захлестнувшие современную Европу, представляют собой любопытное с философской точки зрения социокультурное явление. Дело в том, что каждая локальная цивилизация (Западная Европа, Китай, Индия, Арабский мир и т. п.) живет в своем историческом времени. Внутри этих культурных миров свой темп жизни, своя система ценностей и мировоззренческих установок. При массовом переселении народов мы наблюдаем своего рода культурный шок от встречи (или от «столкновения») цивилизаций.

Любопытно, что при переселении мигрантов в новое цивилизационное пространство, учитывая массовость этого явления, деформацию и шок испытывают не только мигранты, но и те, кто принял удар на себя, испытал сотрясение основ от мощного толчка извне. Как смягчить этот удар? Власти рекомендуют два инструмента – принцип толерантности и принцип политкорректности: не надо

заострять внимание на особенностях и выходках приезжих мигрантов и не надо их раздражать некоторыми особенностями своих традиций. Например, не нужно наряжать елку на Рождество или носить крестик, если ты работаешь в поликлинике, где пациентами могут быть люди других религиозных убеждений. Насколько рекомендации такого рода эффективны, покажет время.

Попадая в новый поток истории с другим темпом, с другой культурой, мигрант волен выстраивать свою жизнь как конформист или же, если он силен духом, может реализовать себя как свой собственный проект; если он отличается особым складом ума и характера, то он может выбрать путь, пролегающий через пограничные ситуации или же чистую спонтанность, если он в душе романтик. Но подавляющая масса мигрантов выбирает вполне естественный вариант – перенести в новый социум островки своего образа жизни, свою религию и систему ценностей.

Часто возникает вопрос, в какой мере тот или иной человек, покинувший свою страну, должен стать конформистом в новых социальных условиях? Конформизм существует на двух уровнях: когда мы, подчиняясь внешним обстоятельствам, будь то регламент рабочего дня или правила поведения в общественном транспорте, изменяем внешнюю сторону своего поведения, его форму под соответствующие правила, существующие в той или иной среде. При этом внутренний мир индивида никоим образом не изменяется.

Соответственно, вторым уровнем конформизма будет выступать такой, при котором человек сознательно меняет жизненные ориентиры, установки и принципы внутреннего устройства духовного мира человека, меняет саму систему координат, мировоззрение. По сути, в этом случае логично говорить о растворении одного человека и появлении на свет иного, отличного от того, который был до этого. Пойти по пути конформизма, мультикультурализма и инкорпорировать свой прежний образ жизни в лоне традиции в новую социокультурную реальность – такой выбор стоит перед каждым, кто сегодня переступает границу Западного мира в поисках лучшей жизни. И речь идет не только о мигрантах с арабского Востока или Африки, но и из Индии, Китая, из стран СНГ. С проблемой культурной адаптации, очевидно, сталкивались эмигранты и в прежние времена, например, та часть русской интеллигенции, которая уехала на Запад после революции.

Естественно, человек может выбрать такую жизненную стратегию, как выстраивание себя в новых условиях в соответствии со своим экзистенциальным опытом. Построение себя как собственного проекта требует от индивида невероятных усилий – а именно ограничить в себе все эмпирически человеческое, чтобы стать в конце концов человеком в метафизическом смысле. В этом случае мы принимаем всю меру ответственности за свои поступки на себя, идем на жертву. Ради будущего жертвуем настоящим и все это для того, чтобы в конце пути сказать себе: «Я достиг всего, чего хотел». Эта фраза знаменует удачное завершение себя как экзистенциального проекта. Путь человека, пролегающий через пограничные ситуации, нельзя назвать легким, скорее, даже наоборот. Осмыслив свое собственное бытие как «бытие-к-смерти», пройдя через несколько пограничных ситуаций, – вряд ли после такого язык повернется назвать это счастьем.

Порой человеку, покинувшему свое Отечество, отчий дом, кажется, что он попал в мир больших возможностей, ярких красок и соблазнов. И он отдается всей душой этой новизне чувств и приключений. Жить спонтанно – это самая яркая жизнь из всех возможных и, на первый взгляд, самая простая из жизненных стратегий, но это только на первый взгляд. Спонтанность приедается, новизна утрачивает свой блеск, калейдоскоп красок тускнеет, а самые яркие оттенки не радуют глаз, но разъедают сознание. Такова неизбежная плата за полную спонтанность – человек по своей природе такое существо, что нуждается хоть в чем-то определенном и постоянном, в каком-то минимуме традиционных ценностей, хотя бы таких, как ценности семьи, общения, дружбы. Человека охватывает чувство духовной опустошенности и ностальгии по родной земле. А что мешает ему вернуться на Родину? Это может быть и новая престижная работа, и инерция бытовых привычек, и новые друзья и привязанности

СОВРЕМЕННЫЙ МИР И НООСФЕРНАЯ ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ

Современный цивилизационный кризис, связанный с особенностями потребительской системы ценностей, все явственнее переходит в новую – системную фазу. Человечество столкнулось с опасным разрывом между обществом и природой, биосферой и техносферой. В этих условиях мы вновь обращаемся к учению В. И. Вернадского о ноосфере. Сегодня речь идет о том, чтобы целенаправленно формировать такую ноосферу, в которой, как отмечает М. В. Ковальчук, техносфера могла бы стать органической составляющей биосферы. Такая возможность вырисовывается в свете бурного развития информационных технологий, соединенных с нано- и биотехнологиями [3].

Мы замечаем серьезный поворот в самих стратегиях научного познания на современном этапе. Со времен Г. Галилея и И. Ньютона в естествознании доминировал аналитический подход. Сегодня возникла задача в процессе научного освоения мира фокусировать внимание на синтезе, на технологиях сборки частей и фрагментов в природные целостности. Наука становится предметно-ориентированной, инновационной деятельностью. Важно подчеркнуть, что переход к новой познавательной стратегии – это не только требование внутренней логики развития естественных и гуманитарных наук, но и ответ на современные цивилизационные вызовы, связанные с развитием современных научно-технологических практик.

В свете сказанного следует говорить как о науке, так и о культуре в широком смысле этого слова, о переходе последней в ноосферную фазу своего развития. Складываясь на наших глазах, ноосферная парадигма культуры основывается на существенно новых принципах и мировоззренческих установках. Отметим некоторые наиболее важные из них.

1. Принцип гармонии общества и природы.
2. Переход от прогрессивной модели развития культуры к интервальной.
3. Экологическая направленность всех сфер человеческой жизнедеятельности, включая культуру, науку и образование.
4. Проект Нового Возрождения.

5. Принцип единства многообразного.

6. Диалог культур как принцип взаимоотношений народов и государств.

Принцип гармонии общества и природы формировался в недрах человеческой культуры с древнейших времен в рамках мифологического сознания, в религиозных учениях, в философских системах. Но только в условиях глобализирующегося мира возникают объективные предпосылки и историческая необходимость практически гармонизировать многообразные отношения людей с природной средой обитания. В эту систему отношений, несомненно, входит и космический аспект. Сегодня основой, ведущей парадигмальной осью образования (ноосферного, креативного, этически нагруженного) должна стать аксиома о том, что «человек – космическое существо» [4, с. 420]. Следует согласиться с выводом известного специалиста в области философии образования М. К. Трифионовой: «Идеи “общего космического дома Земли”, ранимости и уникальности жизни на Земле, единства всего человечества должны, в конце концов, стать ведущими в построении образовательных и социальных программ. Только тогда мы сделаем шаг на пути обретения человечеством мудрости... Другой возможности выжить – у человечества просто нет» [4, с. 419].

Прогрессистская модель развития культуры исходила из того, что последняя в своем историческом существовании проходит множество этапов, при этом каждый из них есть необходимое звено в общей цепочке восхождения по спирали прогресса. Какого бы расцвета ни достигала культура того или иного народа, той или иной цивилизации в определенную историческую эпоху, она будет непременно превзойдена духовными усилиями новых поколений в последующие эпохи. Поэтому достижения культуры в любой данный момент есть лишь ступенька к следующему более высокому уровню ее развития.

Отсюда, согласно рассматриваемой модели, мир культуры всегда есть лишь средство, а не самоценность как нечто высшее само по себе. Ноосферная модель, основанная на интервальном понимании абсолютного и относительного, исходит из того, что каждая фаза в развитии духовной сферы, рассматриваемая изнутри эпохи, представляет собой некую вершину, которая не может быть в принципе превзойдена последующими поколениями. Творчество Шекспира, Гете, Пушкина или Толстого, равно как и многих других гениев искусства, не может рассматриваться как преходящая ступень развития, на смену которой приходят более мощные духовные достижения следующего витка истории.

Из ноосферной концепции развития культуры вытекает не только тезис о самоценности всех этапов на пути ее различных трансформаций, но и принцип самоценности культур всех народов мира, который лег в основу выдвинутого в свое время проекта «Нового Возрождения» [5, с. 6–7]. Очевидно, что названный принцип решительно порывает с господствовавшей до новаторских идей Н. Данилевского монистической и европоцентристской философией истории, согласно которой история (и история культуры в том числе) представляет собой единый, линейно развивающийся всемирно-исторический процесс. Выдвинутая Н. Данилевским идея о существовании множества культурно-исторических типов, т. е. локальных цивилизаций и самозамкнутых культур, подхваченная и развитая в XX веке

многими крупными философами Запада, позволяет при ее интервальном понимании выстроить принципиально новое видение механизма развития культуры в мировой истории. Признание самоценности любых локальных культур является одним из оснований экологии культуры на данном этапе развития мировой философской мысли.

Вместе с тем следует отметить, что разработка ноосферной парадигмы культуры отнюдь не предполагает полной релятивизации в понимании культурно-исторического процесса, ведущей к отрицанию самого принципа развития и фактора культурных инноваций в духовном становлении человечества с древнейших времен до наших дней. Несомненно, в развитии культуры всегда существовала как преемственность, так и линия прогресса, предполагающая восхождение от низшего к высшему. Однако эта диалектика становления должна быть понята в рамках интервальной методологии.

Суть формирующейся в XXI в. ноосферной культуры непосредственно связана с аксиологическим измерением современного цивилизационного развития. Ф. В. Лазарев пишет: «Вступая в третье тысячелетие, человечество начинает все больше и больше осознавать, что современная технократическая цивилизация не выйдет из опасного тупика, если не произойдет глобальная переориентация всей системы ценностей. Суть этой переориентации заключается в новом повороте: от относительного – к абсолютному, от плюрализма к монизму, от единичного – к универсальному, от “индивидуализма” – к “человекоцентризму”. Но при этом поворот этот непременно произойдет так, что культура в полной мере сохранит все богатство относительного, многообразного, уникального, спонтанного» [6, с. 12–13]. Другими словами, поворот к монизму должен мыслиться в контексте интервальной диалектики, в которой единое не противопоставляется множеству. Плюрализм, как он утвердился в культуре прошлого столетия, чреват многими негативными последствиями, порождая серьезные противоречия современной цивилизации. Начать с того, что плюрализм провозглашает равноправие различных моральных и научных истин, часто несовместимых между собой. Он также настаивает на равноправии различных мировоззренческих систем и религиозных учений. Плюралистическая толерантность объявляется в западном мире необходимым качеством любого так называемого «свободного и открытого общества». Но, как верно замечает Дж. П. Кэриллей, соединяясь с релятивизмом, отрицающим существование объективной истины, плюрализм приобретает тенденцию к нетерпимости как по отношению к отдельно взятой религии, так и ко всем вместе, требуя их маргинализации и «ненавязывания». Таким образом, плюрализм приобретает характер независимой идеологии, исключающей все другие [5, с. 38]. Разумеется, это касается не только религии, но всех других форм общественного сознания. Особенно разрушителен плюрализм в сфере нравственности.

Интервальный способ описания явлений основывается на тезисе, согласно которому если то или иное утверждение предполагает определенные объективные основания, то оно имеет право на существование в культуре наряду с другими, даже если эти последние находятся в противоречии с ним. Истина любого высказывания

зависит от интервала рассмотрения, от принятой гносеологической системы отчета. Поэтому два противоположных друг другу высказывания могут быть одновременно истинными, если они относятся к разным универсумам рассуждений. Отсюда вытекает тезис о том, что в диалоге культур, в коммуникативных практиках людей каждая из сторон может иметь свою, отличную от других точку зрения. В диалоге следует исходить из презумпции, что точка зрения оппонента может быть столь же правомерна, сколь твоя.

Это положение представляет собой важнейший элемент методологического основания ноосферной парадигмы культуры. Следует подчеркнуть, что оно не имеет ничего общего с либералистским принципом толерантности и с либералистской версией идеологии мультикультурализма. Дело в том, что в обозначенном выше базовом положении предполагается как возможность различных точек зрения, так и отрицание их абсолютной релятивности. В рамках научного познания мы сталкиваемся с тем, что в соответствии с научной рациональностью то или иное утверждение только тогда может быть признано сообществом ученых, когда оно так или иначе обосновано. При этом в точных науках действует некий обобщенный принцип соответствия. В этой связи великий математик и физик А. Пуанкаре отмечал, что любое нововведение в науке проходит фильтр системного отбора лишь при условии его согласованности с другими элементами теоретического знания [6, с. 356–365]. Однако важно подчеркнуть, что это правило коснется не только науки, но и культуры, культурных смыслов и истин, нравственных ценностей и мировоззренческих установок. Все это значительно расширяет понятийный арсенал ноосферной парадигмы культуры. Всякая истина и подлинно культурный смысл самоценны не в силу принципа терпимости к другому, а по той причине, что в них содержится элемент абсолютного, фиксируемого определенным интервалом абстракции.

Таким образом, можно сказать, что принципы интервального мышления являются необходимыми базовыми элементами проекта ноосферной парадигмы культуры. Этот проект предполагает, с одной стороны, многоцветье мировой культуры, самоценность всех проверенных временем локальных культур, с другой стороны – существование единого каркаса универсума культуры, вырастающего из духовных инвариантов, универсалий культуры.

КУЛЬТУРА В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

В эпоху глобализации складывается особая виртуальная культура, представляющая собой новый тип смысло-творческого овладения человеком окружающей действительности. Эта новая форма культуры XXI в. есть, с одной стороны, продукт такого феномена, как «ноосферная реальность», с другой – следствие интенсивного развития современных информационных технологий, а также формирование сетевых сообществ. Как отмечает О. А. Габриэлян, в «отличие от экономической реальности ноосферная реальность включает все проявления человеческой деятельности и культуры, а также науки» [7, с. 92]. Современное информационное общество, пережив социокультурный сдвиг к постмодернизму, порождает ситуацию, когда миры повседневности все чаще воспринимаются

массовым индивидом как некое непрерывное телешоу. Сокращается разрыв между действительностью и образом. Человек помещен в такую среду, которую можно было бы назвать «эстетизированной галлюцинацией реальности» (Л. Ионин). Новое поколение начинает воспринимать мир как игровую среду, как сферу информационных приключений, виртуальных знакомств, как сообщество коммуникативных партнеров.

Любая культура – это мир ценностей, смыслов и стратагем, скрепленных особой сетью отношений, связей, идентичностей. Какое-либо явление социума становится феноменом культуры, когда оно включается в эту сеть, активно взаимодействуя со всеми другими компонентами, с различными смысловыми полями. Специфика виртуальной культуры связана не только с восприятием мира как игровой среды, но и с плюрализмом экзистенциальных смыслов и способов самореализации личности. Стиль карнавала сочетается здесь со свободой поиска и переистолкования любых норм и ценностей в горизонте тотальной самоиронии и самопроблематизации собственной личности.

Существует ли фатальная неизбежность доминирующего развития виртуальной культуры в современном мире? Возможна ли альтернативная модель цивилизационного развития человечества на ближайшую перспективу? Анализ показывает, что такая альтернатива возможна и связана она со становлением ноосферной парадигмы культуры. Названная парадигма органически сочетает в себе, с одной стороны, инновационные преимущества и безграничные возможности современного информационного пространства, с другой – высшие достижения духовной культуры, накопленные в ходе мировой истории.

Таким образом, можно сказать, что ноосферный проект является альтернативой как либералистской модели культуры, которая сегодня настойчиво навязывается западному миру правящей элитой, так и набирающей силу виртуальной культуре.

Как известно, О. Шпенглером в свое время была предложена модель морфогенеза культуры, в которой цивилизация трактуется как неизбежный финальный этап развития культуры. Позднее была выдвинута альтернативная концепция, предполагающая модель автопоэза (самоорганизации), согласно которой культура хотя и выполняет роль некоторого виртуального фона, она тем не менее как бы исподволь задает ключевые смыслы и духовные горизонты цивилизационного развития. Ноосферная философия истории в известной степени продолжает модель автопоэза, однако при этом решающий акцент делается на понятии экологии культуры (Д. Лихачев) и на теории «локальных цивилизаций» (Н. Данилевский).

Обосновывая необходимость борьбы за экологию культуры, Д. Лихачев писал: «Человек живет не только в природной среде, но и в среде, созданной культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды – задача не менее важная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда не менее необходима для его духовной, нравственной жизни, для его духовной оседлости, для его привязанности к родным местам, следования заветам предков, для его нравственной самодисциплины и социальности» [9, с. 154].

Рассматривая культуру в контексте глобальных трансформаций современного мира, противостоящих друг другу тенденций интеграции и дезинтеграции, мы сталкиваемся с основной антиномией бытия культуры, вытекающей из диалектики единого и многого. С одной стороны, мы имеем множество отдельных, локальных культур, ведущих борьбу за свою самоценность и уникальность, с другой стороны, смысл культуры неотделим от ее универсальных оснований, констант и кодов. Эта изначально заложенная в культурном пространстве антиномия приобретает сегодня небывалую остроту и новые формы выражения. Процессы глобализации резко усиливают тенденции взаимообогащения и взаимопроникновения национальных культурных миров. Кросскультурные коммуникации приобретают все более широкий размах. Вместе с тем на фоне «столкновения цивилизаций» растет число этнических религиозных, мировоззренческих конфликтов между культурно-историческими общностями. Как в едином культурном универсуме могут сосуществовать и взаимодействовать самозамкнутые культурные миры? Антиномия культуры может быть понята и философски осмыслена на базе понятийного аппарата интервального подхода. Культура – не только многомерная система, состоящая из множества автономных интервалов, но и такое пространство, которое скрепляют системозадающие инварианты. Правильное философское понимание сущности культурной антиномии не только имеет серьезное теоретическое значение, но и предполагает важные практические следствия при выстраивании эффективной культурной политики, во всех сферах жизнедеятельности людей.

Список литературы

1. Лазарев Ф. В., Лебедев С. А. Философская рефлексия: сущность, типы, формы // Вопросы философии. – 2016. – № 6. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1410
2. Философ в культуре // Вопросы философии. – 2013. – № 10. – URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=844&Itemid=52.
3. Ковальчук М. В., Нарайкин О. С., Яцишина Е. Б. Конвергенция науки и технологий // Вопросы философии. – 2013. – № 3. – URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=714&Itemid=44.
4. Трифонова М. К. Наука, образование, человек. – Симферополь: АРИАЛ, 2012. – 474 с.
5. Лазарев Ф. В., Литтл Брюс А. Вселенная культуры: стратегемы и ценности. – Симферополь: Сонат, 2005. – 192 с.
6. Пуанкаре А. Математическое творчество. Хрестоматия по общей психологии. – М.: Изд. МГУ, 1981.
7. Габриелян О.А. Ноосферная концепция истории // Ноосферология: наука, образование, практика. – Симферополь: Феникс, 2008. – С. 83–108.
8. Лихачев Д. С. Письма о добром. Отв. ред. С. О. Шмидт. – М. – СПб., 2006 – 212 с.
9. Цветков А. П. Ноосферология: ключевые концепты // Ноосферология: наука, образование, практика. – Симферополь: Феникс, 2008. – С. 157–168.
10. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: сборник / А. Дж. Тойнби; [перевод с англ.] – М.: Айрис-Пресс, 2003. – 588 с.
11. Берестовская Д. С. История художественной культуры Западной Европы и США XX века – Симферополь, 2011. – 224 с.

Kreminskij A. I. The Noospheric Paradigm of Culture: Premises, Base and Principles // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 1. – P. 35–45.

In this article, the author has examined and explored the essence of culture in the context of modern global transformations. Philosophy in this case is an important factor through which culture is able to carry out critical reflection on culture in its integrity. The author believes that the theoretical solution of this paradox can be obtained taking into account those ideas that were developed within the framework of the dialectical tradition and, in particular, on the basis of interval methodology. The noospheric paradigm in the context of globalization is an important factor in the development of modern culture. The principle of harmony of society and nature was formed in the depths of human culture from ancient times within the framework of mythological consciousness, in religious teachings, in philosophical systems. But only in the conditions of a globalizing world, in the opinion of the author, there are objective prerequisites and a historical necessity to practically harmonize the diverse relations of people to the natural habitat. In this system of relations, there is undoubtedly a cosmic aspect. Today the basis, the leading paradigm xis of education (noospheric, creative, ethically loaded) should be the axiom "man is a cosmic being"

Key words: noospheric paradigm, interval methodology, culture, globalization.

References

1. Lazarev F. V., Lebedev S. A. Filosofskaja refleksija: sushhnost', tipy, formy [Philosophical Reflection: Essence, Types, Forms]. Voprosy filosofii. [Questions of Philosophy], 2016, №6, URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1410
2. Filosof v kul'ture [Philosopher in the Culture]. Voprosy filosofii. [Questions of Philosophy], 2013, №10, URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=844&Itemid=52
3. Koval'chuk M. V., Narajkin O. S., Jacishina E. B. Konvergencija nauki i tehnologij [Convergenction of Science and Technology]. Voprosy filosofii. [Questions of Philosophy], 2013, №3, URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=714&Itemid=44
4. Trifonova M. K. Nauka, obrazovanie, chelovek. [Science, Education, Human]. Simferopol', «ARIAL», 2012, 474 p.
5. Lazarev F. V., Littl Brjus A. Vselennaja kul'tury: strategemy i cennosti. [Univerce of Culture: Strategists and Values]. Simferopol', Sonat, 2005, 192 p.
6. Puankare A. Matematicheskoe tvorchestvo. Hrestomatija po obshhej psihologii. [Mathematical Creativity. Reader in General Psychology]. Moscow, MSU Publ., 1981
7. Gabrijeljan O. A. Noosfernaja koncepcija istorii [Noospheric Concept of History]. Noosferologija: nauka, obrazovanie, praktika [Noospherology: Science, Education, Practice]. Simferopol', «Feniks», 2008, pp. 83-108.
8. Lihachev D. S. Pis'ma o dobrom. [Letters of Goodness]. Moscow-SPb., 2006, 212 p.
9. Tsvetkov A. P. Noosferologija: ključevye koncepty [Noospherology: Key Concepts]. Noosferologija: nauka, obrazovanie, praktika [Noospherology: Science, Education, Practice]. Simferopol', «Feniks» Publ., 2008, pp. 157-168.
10. Tojnbi A. Dzh. Civilizacija pered sudom istorii: sbornik [Civilization in the Face of History]. Moscow, Ajris–Press, 2003, 588 p.
11. Berestovskaja D. S. Istorija hudozhestvennoj kul'tury Zapadnoj Evropy i SShA XX veka [History of Artistic Culture of Western Europe and the United States of the XX century]. Simferopol', 2011, 224 p.

УДК: 164.07

ОСОБЕННОСТИ УСЛОВНОЙ СВЯЗИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ АРИСТОТЕЛЕВСКИХ СИЛЛОГИЗМОВ

Николко В. Н.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: vnnikolko@mail.ru

В статье вводятся два вида условной связи формул логических систем: Ари-условная связь и И-условная (импликативная) связь. Показывается, что посылки принимаемых формул аристотелевской силлогистики связаны с их заключениями Ари-условной связью. Ари-условная связь влечет И-условную связь формул, но не наоборот. Доказывается теорема, согласно которой наблюдается дифракция И-условной связи на семь видов, среди которых Ари-условная связь.

Ключевые слова: операционализация, Ари-условная связь, функции, аристотелевский силлогизм, виды И-условной связи.

Цель: сравнить условную связь, реализуемую в правильных аристотелевских силлогизмах, с импликативной условной связью.

Новизна: условная связь посылок и заключений правильных аристотелевских силлогизмов является видом импликативной условной связи.

Подозрение о том, что за словесной вывеской «если...то» скрываются разные классы условной связи, существует давно. Вот что по этому поводу писал И. Н. Бродский: «...в естественных языках союз “если...то” употребляется в разных смыслах: для выражения причинной зависимости... для выражения временной последовательности... для выражения связи цели и средств, для выражения какой-нибудь условной договоренности... и т. д., в каждом из которых “если...то” имеет свою специфику» [1, с. 17]. Однако, пишет Бродский, мы отвлекаемся от того, какова природа зависимости высказываний, участвующих в условной конструкции, и придаем союзу «если...то» только тот смысл, который выражен в импликации. И далее: «В том, что таблица импликации выражает обычный, принятый и в традиционной логике смысл “если... то”, можно убедиться, проанализировав употребление союза “если... то” в условно-категорическом силлогизме» [Там же]. У Бродского И. Н. нет и тени сомнения в сущностном тождестве «если... то» в аристотелевской силлогистике с «если...то» в импликации.

Ближе всего к проблематике предлагаемой статьи подошли сторонники релевантной логики. Но релевантное движение также не сомневается в импликативной сущности «если...то» аристотелевских силлогизмов. Его внимание

занимают структурные особенности высказываний, составляющих силлогизмы, а не природа связки «если...то». Релевантные логики не вводят понятие «силлогическая условная связь» и не исследуют его формальные свойства, а тем более современные экспликации. Релевантные ответы на эти вопросы, если и существуют, то решительно отличаются от результатов, предъявляемых в настоящей статье.

Отметим также, что в настоящее время имеется достаточно обширная литература по выделению отдельных классов условной связи в многозначных логиках. Формальная же система, представленная ниже, в которой сравниваются условная связь аристотелевских силлогизмов и имплицативная условная связь, – строго двузначна. Применять в таком случае аппарат многозначных логик некорректно.

С целью облегчения входа в суть дела в начале статьи предлагаются теоремы 1, 2, определения 1, 2 и соответствующие им формулировки необходимых и достаточных условий условной связи между высказываниями, составляющими аристотелевские силлогизмы.

Принято считать, что всякий правильный модус аристотелевской силлогистики реализует условную связь между высказываниями, его составляющими. Назовем ее Ари-условной связью. Имеет место (возможно, неявно) принцип условной (Ари-условной) связи посылок и вывода: посылки и заключения аристотелевских силлогизмов условно (Ари-условно) связаны в тех и только тех силлогизмах, которые являются правильными, то есть отвечают совокупности правил, пропечатанных, например, в «Логике» В. Ф. Асмуса.

В число формул аристотелевской силлогистики с условной связью высказываний типа Asp (Все s суть p), Isp (Некоторые s суть p), Esp (Все s не суть p), Osp (Некоторые s не суть p), где s, p – предметные переменные, определенные в множестве M общих имен, входит 48 правильных силлогизмов, три закона обращения, два закона подчинения. Каждая из формул хорошо описана в литературе, имеет персональное название, а все вместе – 53 единицы – составляют инвариантное содержание многочисленных формализаций и интерпретаций традиционной силлогистики и не нуждаются в специальном представлении.

Вместе с тем 53 упомянутые формулы не исчерпывают всех формул силлогистики, в которых имеет место условная связь. Есть, например, такие формулы, как EssAsp, EssIsp, OssIsp, AspIss или OspAss и т. д., которые, помимо того, что формально подпадают или могут подпасть под определение формул аристотелевской силлогистики, являются тождественно истинными импликациями, т. е. являются истинными для всех значений переменных s, p из M.

Теорема 1. Какими бы предметные переменные s, p, m по своим значениям из M ни были, составляющие модус Barbara (AmpAsmAsp) высказывания Amp, Asm, Asp могут принимать только следующие истинностные значения:

Таблица 1

Amp	Asm	Asp
1	1	1
1	0	1
1	0	0

0	1	1
0	1	0
0	0	1
0	0	0

Таблица 1 названа нами X-матрицей (характеристической). Теорема легко проверяется подстановкой в Amp , Asm , Asp отдельных троек разных общих имен. У **теоремы 1** есть важнейшее для дальнейших рассуждений следствие. То обстоятельство, что тройка формул Amp , Asm , Asp характеризуется таблицей 1 истинности – ложности ее составляющих, означает только одно: между Asp (заключение модуса BARBARA) и посылками Amp , Asm существует соответствие $Asp = f(Amp, Asm)$, где оператор f полностью определяется таблицей 1. В этом собственно логический смысл аристотелевских силлогизмов. Обратим внимание на то обстоятельство, что в таблице 1 нет «плохой» строчки – 110, но есть «хорошая» строчка – 111.

Теорема 2. Если BCD – правильный модус аристотелевской силлогистики (иными словами – входит в список 48 упомянутых выше формул), то X-матрица BCD имеет вид таблицы 1:

B	C	D
1	1	1
1	0	1
1	0	0
0	1	1
0	1	0
0	0	1
0	0	0

Теорема доказывается так же, как и **теорема 1**, путем построения характеристических матриц каждого из правильных модусов. Мною эта работа проведена.

Вместе с тем случаи построения характеристических матриц неправильных простых аристотелевских силлогизмов всякий раз показывают одно и то же: в них присутствуют «плохие» строчки, свидетельствующие о том, что истинность посылок в неправильных силлогизмах не гарантирует истинности заключения. Это обстоятельство фиксируется многими исследователями: «Напомним, что в правильных умозаклечениях при истинности посылок гарантируется истинность заключения. В неправильных же такой гарантии нет. Это не значит, что при истинности посылок заключение в них обязательно будет ложным. Оно может быть и истинным» [2, с. 375]. Аналогичное отмечается в [3, с. 188–189] и в [4, с. 168].

Тогда можно сформулировать четкие формальные критерии правильности и неправильности простых аристотелевских силлогизмов.

Определение 1. Любая тройка BCD -высказываний типа А, или Е, или I, или О, каждая пара которой имеет общий термин и этих терминов три, правильна тогда и только тогда, когда X-матрица этой тройки имеет вид таблицы 1.

Определение 2. Любая тройка BCD высказываний типа А, или Е, или I, или О, являющаяся простым аристотелевским силлогизмом, неправильна, если и только если X-матрица (BCD) имеет «плохую» строчку.

В связи с **определением 1** можно выразить принцип условной связи высказываний, реализующийся в правильных силлогизмах: между посылками В, С и заключением D в правильном аристотелевском силлогизме (BCD) имеет место условная (или Ари-условная) связь, если и только если X-матрица (BCD) совпадает с таблицей 1. Можно сказать, что ВС, с одной стороны, и D – с другой находятся в отношении Ари-условной связи, если и только если $D=f(B,C)$, а оператор f полностью определяется таблицей 1.

Аналогично, анализ X-матриц законов подчинения и обращения позволяет сформулировать принцип Ари-условной связи любых высказываний В, С, имеющих место в аристотелевской силлогистике: высказывания В, С Ари-условно связаны, если и только если X-матрица выражения ВС имеет следующий вид:

Таблица 2

В	С
1	1
0	1
0	0

В таблице опять отсутствует «плохая» строчка 10. На языке операторного представления логических отношений принцип условной связи отдельных В, С, являющихся высказываниями типа А, или типа Е, или типа I, или типа О, записывается следующим образом: В, С – Ари-условно связаны, тогда и только тогда, когда $C=f(B)$, и оператор f полностью определяется таблицей 2.

Долгое время я, как и большинство логиков, считал, что Ари-условная связь высказываний, составляющих правильные силлогизмы, полностью совпадает с имплицативной условной связью этих высказываний. Достаточно в этой связи вспомнить определение аристотелевского силлогизма, данного Я. Лукасевичем в [5, с. 57–58]: «Все аристотелевские силлогизмы – это импликации типа «Если α и β , то γ », где α и β – две посылки, а γ – заключение. Соединение (конъюнкция) посылок « α и β » есть антецедент, заключение γ – консеквент». Но, как оказалось, это не так: Ари-условная связь является видом (и не единственным) имплицативной связи высказываний. Чтобы показать это, мы вынуждены конструировать такую формальную систему G, в которой бы имели место как Ари-условная связь формул G-системы, так и И (имплицативная) связь этих же формул.

Пусть x, y, z, s, t, p, g и другие прописные буквы второй половины латинского алфавита с индексами или без них – предметные переменные, определенные на множестве M общих имен, например, русского языка.

Тогда простой формулой G-системы объявляется любая функция, получаемая из операторов

A (Все ... суть...), или

E (Все ... не суть...), или

I (Некоторые ... суть ...), или

О (Некоторые ... не суть...) подстановкой вместо многоточий любых вышеуказанных предметных переменных (например: s, p) и записанная в виде Asp, Esp, Isp, Osp и т. д. Нетрудно видеть: каждая простая формула G -системы является двужанной функцией $f(x_1, x_2)$, переменные которой x_1, x_2 определены на множестве M общих имен русского языка так, что $f(a_1, a_2)$ принадлежит $E^2 = [1, 0]$, если и только если $a_i (i=1, 2)$ принадлежит M . При этом оператор f может быть только оператором либо A , либо E , либо I , либо O .

В качестве сложных формул G -системы выступают последовательности, состоящие не более чем из трех разных простых формул. Например, $AspOxy, AspOmsIsr$ и т. д. – сложные формулы G -системы.

В системе G допустимо существование так называемых стилизованных формул: если $(A_1 A_2 A_3)$ – сложная формула, а A_1, A_2, A_3 – ее простые формулы, то стилизованной формулой формулы $(A_1 A_2 A_3)$ считается формула $(A_1 \wedge A_2 \wedge A_3)$, где $\wedge$ – знак конъюнкции в обычном понимании, принятом в исчислении высказываний.

Определение 3. Сложная формула – двуслоговая или трехслововая, если она состоит из двух или (соответственно) трех простых формул.

Определение 4. Трехслововую формулу $(A_1 A_2 A_3)$ из G -системы назовем аристотелевским силлогизмом, если и только если каждая пара функций тройки $(A_1 A_2 A_3)$, т. е. $A_1 A_2, A_1 A_3, A_2 A_3$, имеет общую предметную переменную, число таких переменных – 3. Очевидно, что **определение 4** отличается от цитированного выше определения аристотелевского силлогизма, данного Я. Лукасевичем: Аристотель точно не знал имплицативную условную связь.

Таков синтаксис G -системы. Семантика G -системы опирается на понятие X -матрицы отдельных формул G -системы.

X -матрицы формул G -системы являются обобщениями матриц истинности – ложности обычных классических исчислений математической логики таких, как, например, исчисления высказываний. Поэтому таблицы значимости стилизованных формул исчисляются так, как это принято в исчислении высказываний.

Ясно, что в G -системе имеют место принципы Ари-условной связи, введенные выше. Их можно свести в нижеследующую формулировку.

Определение 5. Формулы x, y из G -системы Ари-условно связаны (y – простая формула), и из x следует y , что записывается как $y=f(x)$, если и только если X -таблица формулы (xy) имеет вид:

xy	$=$	$f(x)$
1		1
0		1
0		0

В случае если x – сложная формула, в матрицу заносятся значения ее стилизованной формулы.

Такова X -матрица законов подчинения и обращения, а также принимаемых правильных силлогизмов, выражающих в силлогистике условную связь.

Из **определения 5** следуют два утверждения. Согласно первому, две формулы x , y не находятся в отношении Ари-следования, если x – любое, а y – тождественно истинно. В этом случае X -матрица другая, чем та, которая указана в **определении 5**. Согласно второму – x , y не находятся в отношении Ари-следования и тогда, когда x – ложно при любых значениях переменных, являющихся аргументами x , а y – любое. Иными словами, Ари-следование не допускает следование тождественно-истинной формулы из чего угодно, а из лжи – чего угодно.

Будем полагать, что в G -системе действует двуместная, двузначная функция, обозначаемая символом $\rightarrow$, называемая импликацией, если и только если всякой двуслоговой формуле (xy) с определенной X -матрицей ставится в соответствие выражение $(x \rightarrow y)$, значение истинности – ложности которого исчисляется по таблице 3:

xy		$x \rightarrow y$
1	1	1
1	0	0
0	1	1
0	0	1

Например, пусть (xy) имеет X -матрицу вида

xy	
1	1
0	1
0	0

Тогда выражение $(x \rightarrow y)$ имеет таблицу значимости

xy		$x \rightarrow y$
1	1	1
0	1	1
0	0	1

Если столбец $x \rightarrow y$ состоит только из единиц, как это есть в нашем случае, то такая импликация тождественно истинная (общезначимая), а если из 0, то импликация тождественно ложная.

В формальных системах, в которых действует импликация, принят принцип условной связи в иной формулировке, чем **определение 5**: две формулы Φ и Ψ связаны условной связью (записывается как $\Phi \rightarrow \Psi$, говорится: « Φ имплицирует Ψ »), если и только если формула $\Phi \rightarrow \Psi$ общезначима (« Φ », « Ψ » – метаварьируемые для подстановки конкретных формул; $\rightarrow$ – знак импликации). Естественно назвать этот вид условной связи И (импликативной).

Определение 6. Формулы $x(e_1, e_2)$, $y(e_1, e_2)$ из G -системы, переменные которых e_1 , e_2 определены в множестве общих имен, И-условно связаны, из x следует простая формула y , что записывается как выражение $(x \rightarrow y)$, если и только если при любых значениях предметных переменных e_1 , e_2 значения истинности x , y таковы, что формула (xy) имеет X -матрицу, согласно которой $(x \rightarrow y)$ не имеет значения 0.

Тогда правомерными оказываются несколько теорем, подчеркивающих особенности условной связи посылок и заключения принимаемых формул в аристотелевской силлогистике.

Теорема 3. Если формулы x , y из G Ари-условно связаны, то они И-условно связаны. Возьмем, к примеру, закон обращения $A_{sp}I_{ps}$. Его X-матрица имеет вид:

$A_{sp} I_{ps}$	
1	1
0	1
0	0

Тогда $A_{sp} \rightarrow I_{ps}$, где $\rightarrow$ – знак импликации, имеет X-матрицей

$A_{sp} I_{ps}$		$A_{sp} \rightarrow I_{ps}$
1	1	1
0	1	1
0	0	1

что и требовалось доказать.

Теорема 4. Некоторые И-условно связанные формулы G -системы не могут быть Ари-условно связаны. Например, пусть имеется двуслоговая формула (xy) , причем $y=f(x)$, а f полностью определена X-матрицей следующего вида:

x	$y=f(x)$
0	1
0	0

Примерами таких формул G -системы являются $E_{ss}A_{sp}$, $E_{ss}I_{sp}$, $O_{ss}I_{sp}$ и т. д. Тогда выражения $E_{ss} \rightarrow A_{sp}$, $E_{ss} \rightarrow I_{sp}$, $O_{ss} \rightarrow I_{sp}$ и т. д. тождественно истинны, но их члены не связаны Ари-условно. Аналогичное имеет место тогда, когда имеет место формула (xy) , причем $y=f(x)$, а f полностью определяется X-матрицей:

x	$y=f(x)$
1	1
0	1

В качестве примеров таких функций выступают $A_{sp}I_{ss}$, $A_{sp}A_{ss}$ и т. д. Ясно, что Ари-условная связь формул из G не эквивалентна их И-условной связи. Существуют разные виды И-условной связи, среди которых находится Ари-условная связь.

Теорема 5. Импликация $(x \rightarrow y)$ следует из $(x \wedge y)$, где x , y – любые, в том числе несвязанные формулы.

x	y	$x \wedge y$	$x \rightarrow y$	$(x \wedge y) \rightarrow (x \rightarrow y)$
1	1	1	1	1
1	0	0	0	1
0	1	0	1	1
0	0	0	1	1

Теорема 5 вскрывает содержание парадокса импликации.

Теорема 6. Если x, y – не связаны, то x, y не связаны Ари-условно и y не следует из x . В самом деле, пусть x, y – свободны, а значит X -матрица (xy) имеет вид

x	y
1	1
1	0
0	1
0	0

что противоречит **определению 5**.

Из теорем 3, 4 следует не только утверждение о неэквивалентности Ари и И-условных связей, но и утверждение о том, что Ари-условная связь является видом И-условной связи. Это однозначно предполагает, что помимо Ари-условной связи существует по крайней мере еще одна разновидность И-условной связи. Вопрос об иных видах И-связи и их количестве имеет решение, и это существенно обновляет ситуацию в современной логике.

Ответом на вопрос о видах И-связи служит **теорема 7**. И-условная связь между формулами x, y G -системы, где x может быть сложной формулой, а y – только простой, имеет место тогда и только тогда, когда X -матрица формулы (xy) имеет вид:

либо $x y$		либо $x y$		либо $x y$		либо $x y$		либо $x y$		либо $x y$		либо $x y$	
1	1	1	1	1	1	0	1	1	1	0	0	0	1
0	1	0	1	0	0	0	0						
0	0												

Теорема 7 очевидна: при ее условии и только в этом случае выражение $(x \rightarrow y)$ тождественно истинно, что является, согласно **определению 5**, необходимым и достаточным для И-условной связанности x и y . Ясно, что **теорема 7** – эквивалент **определения 5**. Имеет место дифракция И-условной связи на семь «цветов» – видов И-условной связи. Будем называть выделенные виды И-связи 1-И-условная связь, 2-И-условная связь и т. д. Ари-условная связь, с которой все и начиналось, – это 1-И-условная связь.

Исследование Ари-условной и И-условной связей одних и тех же формул G -системы показывает:

1. И-условная связь рефлексивна: из x имплицативно следует x , в то время как Ари-условная связь для любого простого x из G -системы не рефлексивна, так как X -матрица формулы (xx) – вида

x	x
1	1
0	0

а не вида

1	1
0	1
0	0

как того требует **определение 3**;

2. И-условная связь для любых простых формул x, y из G симметрична хотя бы в одном случае, когда $x=y$, в то время как Ари-условная связь x, y несимметрична в любых случаях, потому что, если (xy) имеет X -матрицей

x	y
1	1
0	1
0	0

то таблицей (yx) является:

y	x
1	1
1	0
0	0

– обе формы условной связи формул из G транзитивны.

В связи с нерелексивностью и особой несимметричностью Ари-условной связи в системах, где последняя имеет место, теряют смысл правила вывода введения и исключения тождества формул. Обозначим Ари-условную связь формул x, y знаком $(x \uparrow y)$. Тогда в системах, где допускается Ари-условная связь формул, нельзя записать: «если $\perp (x \uparrow y)$ и $\perp (y \uparrow x)$, где $\perp$ – знак “принимается”, то $\perp x=y$ », так же, как «из $\perp (x=y)$ следует $\perp (x \uparrow y)$ и $\perp (y \uparrow x)$ ». Тождество формул, иными словами, не производное, а суверенное логическое качество, а значит, в аксиоматизации принимаемых формул в формальных системах с Ари-связью некоторые формулы с тождеством должны быть представлены в качестве аксиом.

Прецедент с тождеством формул заставляет исследовать, имеют ли место в G -системах аналоги формул, содержащих импликацию, для формул, где импликация заменена Ари-связью. Но это отдельная тема.

Список литературы

1. Символическая логика. Учебник / под ред. Я. А. Слинникова, Э. Ф. Караваева, А. И. Мигунова. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 306 с.
2. Войшвилло Е. К., Дегтярев М. Г. Логика: учеб. для студ. высш. учеб. заведений. – М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2001. – 528 с.
3. Логический словарь: ДЕФОРТ / под ред. А. А. Ивина, В. Н. Переверзева, В. В. Петрова. – М.: Мысль, 1994. – 268 с.

4. Горский Д. П. и др. Краткий словарь по логике / Д. П. Горский, А. А. Ивин, В. В. Никифоров, под ред. Д. П. Горского. – М.: Просвещение, 1991. – 208 с.
5. Лукасевич Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики / Перевод с англ. Н. И. Стяжкина и А. Л. Субботина. – Общая редакция проф. П. С. Попова. – М.: Изд-во иностр. лит., 1958. – С. 311.

Nikolko V. N. Peculiarities of the Conditional Connection of Aristotelian Syllogism // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (40). – № 1. – P. 46–55.

Two types of conditional connection between formulas of logical systems are introduced that is Ari-conditioned and I(Implicative) conditional connection. It is shown that the premises of the received formulas of Aristotelian syllogistic are connected with their conclusions by Ari-conditional connection. Ari-conditional connection entails conditional connection between formulas, but not vice versa. The theorem according to which the diffraction of conditional connection into seven types including Ari-conditioned connection is taking place is proved.

Keywords: operationalization, Ari-conditioned connection, features of Aristotelian syllogism, types of I-conditional connection.

References

1. Simvolicheskaja logika [Symbolic Logic] Textbook. Ed. Ya. A. Slinin, E. F. Karavaev, A. I. Migunov. SPb., Publishing house of the St. Petersburg University, 2005, 306 p.
2. Vojshvillo E. K., Degtjar'ov M. G. Logika: ucheb. dlja stud. vyssh. ucheb. Zavedenij [Logic: Textbook. for Stud. Institutions of Higher Education]. Moscow, Publishing house Vldos-press, 2001, 528 p.
3. Logicheskij slovar' [Logical Dictionary]: DEFORT. Edited by A. A. Ivin, V. P. Pereverzev, V. V. Petrov. Moscow, Mysl' Publ., 1994, 268 p.
4. Gorskij D. P. i dr. Kratkij slovar' po logike [A Brief Dictionary of Logic]. D. P. Gorsky, A. A. Ivin, V. V. Nikiforov, ed. D. P. Gorsky. Moscow, Publ. house Prosveshhenie, 1991, 208 p.
5. Lukasevich Ja. Aristotelevskaja sillogistika s točki zrenija sovremennoj formal'noj logiki [Aristotelian Syllogistics from the Point of View of Modern Formal Logic]. Transl. from Eng. N. I. Styazhkina and A. L. Subbotin. General ed. of prof. P. S. Popov. Moscow, Foreign Literature Publ. House, 1958, 311 p.

УДК: 17.026, 172

ДОВЕРИЕ КАК МОРАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Пороховская Т. И.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: 632712@mail.ru

Доверие традиционно рассматривалось философской этикой и теологией: изучались природа доверия, источники и факторы доверия, социальные механизмы, обеспечивающие доверие. Однако с конца XX в. феномен доверия начинает привлекать внимание экономистов, социологов и управленцев, которые подходят к изучению доверия по-другому и чаще всего в отрыве от философско-этической традиции исследований этого явления. Уточняется понятие доверия, роль доверия в различных сферах общественной жизни, типы доверия, изучают уровни и масштаб доверия и т. д. Но главное отличие современных исследований доверия – в том, что речь идет, прежде всего, о системном доверии, выделение которого связывают с именем Никласа Лумана. Если доверие на микроуровне – это характеристика межличностных отношений, то доверие на макроуровне – это обобщенная характеристика более абстрактных, анонимных отношений. Задача данного исследования – систематизировать основные результаты исследований феномена доверия в социальной теории (Н. Луман, А. Селигмен, Э. Гидденс) и раскрыть социально-нравственные основания доверия.

Ключевые слова: вера, доверие, уверенность, мораль, ответственность, институты.

Тема доверия – традиционная для философии, ее не обошли своим вниманием такие ведущие современные философы, как Н. Луман, Э. Гидденс, Б. Барбер и др. С конца XX в. к изучению феномена доверия подключаются экономисты, социологи, политики. При этом внимание сосредоточивается, прежде всего, на системном доверии, выделение которого связывают с именем Никласа Лумана. Разграничение доверия на микро- и макроуровнях Н. Луман проводил уже в своей ранней работе по теме доверия «Доверие и власть»¹, вышедшей на немецком языке в 1968 г. Доверие на микроуровне – это характеристика связи между индивидами, тогда как доверие на макроуровне, по Луману, – это доверие в обществе вообще, обобщенная характеристика более абстрактных, анонимных отношений.

Межличностное доверие Н. Луман определял как эмоциональную связь между индивидами как взаимное, двустороннее отношение, если речь идет о доверии с обеих сторон, или как одностороннее отношение, нравственно-психологическую установку индивида, которая зависит от многих обстоятельств, в том числе и от индивидуальных свойств личности, таких как доверчивость или недоверчивость.

¹ Luhmann N. Trust and Power. Chichester: John Wiley and Sons Inc., 1979, 208 p. (Перевод работы: Luhmann N. Vertrauen – ein Mechanismus der Reduktion sozialer Komplexität. Enke, Stuttgart 1968).

Доверие как нравственно-психологическая установка – это обобщенное ожидание от контрагента справедливости в действиях, выполнения им взятых на себя обязательств: мы не знаем наверняка, как намерен поступить другой человек, но предполагаем, что, скорее всего, он поступит так, как и должен в этих случаях поступать человек. Однако несмотря на то, что нормы поведения в обществе всем известны, у нас нет оснований с уверенностью ожидать требуемого нормами поведения. Неопределенность усугубляется еще и тем, что взаимодействию присуща двойная контингентность²: не только одна сторона взаимодействия не имеет полной информации о намерениях партнера, но и «с другой стороны взаимодействия имеет место то же самое» [6, с. 157]. В условиях неполноты информации о намерениях партнера по общению доверие становится основанием для вступления во взаимодействие. Потребность в доверии, таким образом, Луман объясняет онтологической свободой человека, а доверие к личностям определяет, соответственно, ожиданием того, что человек не воспользуется своей свободой в ущерб другому [12, с. 39]. И потому доверие балансирует между верой и неуверенностью, оно всегда в некотором смысле слепое. Однако в отдельных случаях мы вынуждены вступать во взаимоотношения с людьми, которым скорее не доверяем, чем доверяем. «Недоверие, – пишет Н. Луман, – является более ограниченной (но все-таки расширяющей) стратегией. На риск идут, если предусмотрели все случайности, например, когда располагают санкциями или надежно застрахованы от ущерба» [6, с. 182].

А. Селигмен в книге «Проблема доверия» (1997) [9] межличностное доверие связывает с уязвимостью, исходной неопределенностью, обусловленной неведением в отношении мотивов и намерений контрагента. Доверие, пишет Селигмен, вовлекает человека в отношение, где действия, характер или намерения другого не могут быть удостоверены. Доверие – это вера в то, что другой будет благоприятствовать нашим интересам или по крайней мере поступать нейтрально по отношению к ним. Доверие – это и средство смягчения риска, «смазка» отношений, но также и содержит в себе риск. В этом смысле доверие является противоположностью уверенности. А. Селигмен дает социологическую интерпретацию доверия: доверие зарождается в зазорах системы, входит в социальные отношения, «когда по той или иной причине системно определенные ролевые ожидания больше не жизнеспособны» [9, с. 21]. Замена веры доверием, по его мнению, была связана с процессом секуляризации и заменой божественных атрибутов человеческими. «Тема доверия, – пишет А. Селигмен, – возникает там, где имеет место ориентация существующих представлений о морали на эгоцентричные поступки занятого рыночным обменом индивида» [9, с. 101]. Доверие оказывается важным коммерческим принципом, принципом социального сосуществования «джентльменов». Всем известны такого рода гарантии, как «слово русского купца» или «техасское рукопожатие», которые держатся только на устных

² Н. Луман заимствует термин Т. Парсонса. См.: Парсонс Т. К общей теории действия. Теоретические основания социальных наук // Парсонс Т. О структуре социального действия. Пер. с англ. М., 2002. – С. 436–437; Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. Пер. с нем. СПб.: Наука, 2007. – С. 151–192.

моральных обязательствах. Соответственно, недоверие основывается на предположении, что партнер намерен действовать эгоистично, корыстно, заботясь, прежде всего, о собственной выгоде, о своих интересах. Такое подозрение побуждает человека держать дистанцию, быть бдительным и осторожным, чтобы снизить степень возможной опасности, риска. Цена подобной осторожности – сужение спектра вариантов выбора решений, потеря благоприятных возможностей в том случае, если опасения оказались беспочвенными. Масштаб доверия зависит также от личностных свойств индивида (доверчив он или подозрителен и осторожен), от нормативных ожиданий группы, к которой он принадлежит, от укоренившихся в культуре стереотипов и предрассудков и др.

Доверие на макроуровне – это системное, обобщенное доверие. Н. Луман связывает обобщенное доверие с эффективной работой бюрократических систем. На этом уровне доверие опирается уже не на личность, а на законы, институты. Насколько в целом можно доверять в данном обществе людям и институтам, не исчезнет ли, например, страховая компания или банк, куда вы вложили свои деньги, – все это зависит от того, насколько надежно работают институты. Поэтому доверие на этом – агрегированном – уровне обеспечивается хорошей работой бюрократических систем: административной, правовой, политической.

А. Селигмен полагает, что если в межличностных отношениях мы можем говорить о доверии или недоверии, то неверно говорить о доверии или недоверии по отношению к системам: участие в таких системах, как политика, экономика, считает он, требует уверенности, а не доверия. А. Селигмен также замечает, что межличностное доверие и доверие к институтам по своей природе различны. Доверие как индивидуальное психологическое состояние всегда содержит в себе ту или иную долю неуверенности: невозможно до конца отдать себе отчет в том, на чем основано обобщенное ожидание, что другой исполнит свои обещания и обязательства. Однако если речь идет об институтах, то они прозрачны, мы хорошо их знаем, знаем, как они работают, – здесь следует говорить об уверенности или неуверенности, а не о доверии. Позже и Луман стал говорить об уверенности применительно к институтам.

У Э. Гидденса [4] доверие к системам опирается на веру в правильность неизвестных нам принципов: оно вытекает из этой веры, однако не тождественно ей. Одной из фундаментальных особенностей современного общества Э. Гидденс считает отделение пространства от места, в результате чего акты социального взаимодействия высвобождаются из «локальных контекстов». Однако благодаря символическим знаковым системам (деньги и др.) и распространению экспертных систем (систем технического исполнения и профессиональной экспертизы) становится возможным взаимодействие с теми, кто в данный момент физически отсутствует. Оба механизма «высвобождения» – символические знаковые системы и экспертные системы, – по Гидденсу, основываются на доверии к этим системам (например на вере в то, что и другие будут приписывать денежным знакам ту же стоимость или так же доверять экспертизе). Если доверие к индивидам вытекает из нашего знания близких или знакомых, из опыта непосредственного общения с ними или основывается на их репутации, то доверие в дистанционном взаимодействии

вытекает из безличных обязательств: здесь доверием облакаются не конкретные люди, а, прежде всего, абстрактные системы. Функционирование финансовой, правовой и других социальных систем предполагает доверие к ним, а доверять мы вынуждены, поскольку не обладаем полнотой информации в этих сферах. Вера в абстрактные принципы (научные и технические знания), в которых обычный человек, как правило, не разбирается, поддерживается благодаря экспертным системам, которым большинство доверяют. Доверие к системам, по Гидденсу, связано не с риском, а со случайностью. Доверяющий человек становится заложником жребия, судьбы: в целом система работает устойчиво, но, поскольку сбои в любой сложной системе неизбежны, лично ему может и не повезти. В связи с этим появляется новое понятие безопасности и допустимого риска: под безопасностью понимается ситуация, в которой определенное множество опасностей нейтрализовано или минимизировано. Понятие допустимого риска играет основную роль в поддержании доверия к системам, а стереотипные формы риска становятся институтами. Подобное мышление, пишет Гидденс, становится возможным, когда на смену объяснительному принципу религиозной причинности приходит принцип природной причинности, а вместе с ним основанная на практике уверенность в правильности абстрактных научных принципов и идея вероятности.

Феномен доверия фиксируется уже в древних текстах. На основе изучения этимологии термина «доверие» Эмиль Бенвенист приходит к выводу, что «“оказывать доверие” значит отдавать свое доверие в залог, но с последующим возвратом» [2, с. 127]. Он обращает внимание на сходство структуры этого понятия в контексте самых разных религий: «Речь идет о ситуации конфликта между богами, в котором принимают участие и люди, поддерживая ту или иную сторону. Участвуя в этом конфликте, люди отдают частицу самих себя, что придает силы тому богу, которого они решили поддержать; однако при этом они всегда имеют в виду и ответные действия, ожидая от бога вознаграждения. Такова, по-видимому, основа мирского понятия “доверие” – вера независимо от того, что доверяется» [2, с. 127–128]. Таким образом, отмечает Э. Бенвенист, понятие веры шире понятия «доверие»: «Акт веры всегда включает в себе уверенность в вознаграждении: посвящение себя богу совершается для того, чтобы извлечь выгоду из того, что отдается в заклад» [2, с. 127]. Сначала доверие – это особая связь между людьми и богами, а затем уже и между самими людьми.

Таким образом, тема доверия в той или иной форме всегда присутствовала в религиозной вере, теологии и философии. Однако почему именно сейчас тема доверия приобрела такое звучание в общественных науках? Адам Селигмен справедливо указывает, что это связано с завоеванием неолиберализмом лидирующих позиций в общественном знании и, соответственно, с изменением подхода к рассмотрению общественных проблем: системный подход к обществу был вытеснен подходом с точки зрения отдельного индивида. Селигмен пишет: «...и это, возможно, самое главное – определения доверия в западных индустриальных и “современных” обществах коренятся в идее индивида как носителя прав и ценностей в последней инстанции» [9, с. 8]. Доверие, считает он, является аспектом более фундаментальной проблемы солидарности. «Наличие доверия (trust), – пишет

А. Селигмен, – является существенным компонентом всех устойчивых общественных отношений. <...> Данная интуиция легла в основу одного из фундаментальных понятий социологии и социологического анализа» [9, с. 7]. Важным шагом в систематической разработке проблемы доверия Селигмен считает идею Э. Дюркгейма о «договорном» элементе в общественных отношениях. «В самом деле начиная с XIX века, – пишет Селигмен, – со времени теоретических прозрений Эмиля Дюркгейма о существовании “договорного” элемента во всех общественных установлениях, важность доверия для существования общества была признана многими исследователями общественной жизни» [9, с. 7–8]. «Договорными» началами Дюркгейм называет моральные нормы, которые, не будучи сами предметом договора, управляют его исполнением. Любой взрослый человек знает, что трудиться надо честно и добросовестно, что следует исполнять свои обязательства и обещания, поэтому эти требования, как правило, не входят в условия соглашения, однако являются предпосылкой его выполнения.

Об обязательности исполнения обещаний и соглашений как предпосылке доверия и необходимом условии сосуществования в рамках сообщества писали Г. Гроций, Дж. Локк, Д. Юм, И. Кант и др. Неслучайно и Данте Алигьери в своей «Божественной комедии» в последний, девятый, круг ада поместил предателей. Предательство самым радикальным образом подрывает межчеловеческое доверие, это грех дьявольский, а из всех типов предателей – предателей родных, предателей родины, предателей друзей и предателей своих благодетелей – грех последних, по убеждению Данте, – самый тяжкий. Такое место предательства в иерархии антиценностей А. Л. Доброхотов объясняет следующим образом: «Духовный союз – самая хрупкая и незащищенная из всех возможных связей, но и самый высокий тип связи, так как он основан на свободной воле, выборе и вере, на самых существенных свойствах человека» [5, с. 110].

Ханна Арендт в философской работе о человеческой деятельности «Vita activa, или О деятельной жизни» (1960) [1, с. 314–316] специально подчеркивает роль обещаний в совместной человеческой деятельности. Посредством обещаний, способности давать и сдерживать их, пишет она, человек внедряется в еще не наступившее будущее, снижает его неопределенность и непредсказуемость, создавая в нем «островки безопасности». Мы включаем обещания друг друга в свои планы, опираясь на них как на то, что реально существует, и тем самым вторгаемся в будущее, которого еще нет, и обустроиваем его по-своему. Прощение и обещания, пишет Х. Арендт, свидетельствуют о чудовищности человеческой мощи. Прощение освобождает человека от прошлого (вопреки утверждению древних о том, что нельзя бывшее сделать не бывшим). Обещания же Х. Арендт называет еще спасательными кругами, которые мы бросаем друг другу в будущее, – они снижают неопределенность еще не наступившего будущего. Неслучайно и Ф. Ницше определял человека как «животное, смеющее обещать», – т. е. не только дающее обещания, но и способное взять на себя ответственность за их исполнение и выполнить их.

В работе «К генеалогии морали» Ф. Ницше пишет, что существуют базовые моральные нормы («пять-шесть “не хочу”»), без которых невозможно

сосуществование людей в социуме и которые потому самым жестоким образом вколачивались в память человечества. И. Кант в «Метафизике нравов» эти нормы называет общими. Общие нормы, ставшие долгом, обязанностями человека (Кант называет их общими, строгими, или совершенными), – это обязанности, без которых общество не может функционировать как целое. Они направлены на сохранение кооперации и включают те запреты и дозволения, которые создают предпосылки для сотрудничества («не лги», «будь честен», «не воруй», «не убивай» и др.). Это – моральный минимум для любого человека в обществе, без них никакое систематическое взаимодействие между людьми невозможно.

Английский философ Майкл Оукшот считает, что моральные требования складываются в коммуникации, в непосредственном коллективном опыте человеческих отношений. Они, по его мнению, способны регулировать отношения между людьми, даже будучи не до конца осознанными, функционируя как сложившиеся в практике формы взаимодействий между людьми. И лишь затем оптимальные модели взаимоотношений обобщаются и формулируются в виде требований («не лги», «не воруй», «не убивай», «выполняй обещанное», «заботься о слабых» и др.). Эти нормы могут поддерживаться внешним образом, наказаниями за их нарушение и заботой человека о своей репутации. Однако самым надежным и самым глубоким основанием моральных поступков человека являются не эти внешние правила, не репутация и даже не чувство долга, а самоуважение и чувство собственного достоинства [7, с. 114]. Об этом же писал и Кант. Чувство собственного достоинства формируется при сравнении себя с другими людьми, под влиянием коллективного, общественного мнения, поддерживающего мораль. Однако у морально зрелого человека оно автономизируется, освобождается от зависимости от чужого мнения, и в результате мотив поступать так, чтобы в дальнейшем не испытывать угрызений совести, чтобы иметь основания и впредь уважать себя, оказывается сильнее страха потерять расположение окружающих, подорвать свою репутацию в группе. Когда мы доверяем человеку, мы рассчитываем, что он будет следовать моральным нормам, а морально надежным называют человека, чьи нравственные убеждения не зависят от внешних влияний. Мораль, таким образом, служит системой гарантий, само наличие поддерживаемых общественным мнением универсальных моральных требований служит основанием для доверия в межличностных отношениях.

На то, что мораль по своим функциям выходит далеко за рамки межличностных отношений, обратил внимание Гегель. «Человеку оказывают доверие, – писал Гегель, – когда уверены в его готовности заниматься с чистой совестью моим делом как своим, прилагая к этому все свое знание. Следовательно, принцип единичной субъективной воли отпадает, так как доверие относится к сути, к принципам человека, его поведению, его действиям, его конкретному пониманию вообще» [3, с. 348]. Готовность заниматься чужим делом как своим собственным – это не дело субъективной воли, поясняет Гегель, – это дело принципа. Здесь он делает отсылку к социальному источнику моральной императивности: посредством исполнения людьми своих социальных ролей поддерживается определенный общественный порядок. Однако помимо исполнения людьми своих функций, того, *что* нужно

делать, существует и другая сторона деятельности – *как, каким образом* относиться к исполнению этих функций: «спустя рукава» «отбивать номер» или заниматься своим делом «с чистой совестью». «С чистой совестью» – значит, следуя моральным требованиям, «заниматься чужим делом как своим собственным». Нравственность, таким образом, ограничивает индивидуальный эгоизм, ориентирует, как пишет Гегель, относиться к другому как к самому себе, тем самым является гарантом доверия между людьми. Таким же гарантом обобщенного доверия являются надежно работающие бюрократические, экспертные структуры. Впрочем, в деловых отношениях только лишь моральных гарантий в большинстве случаев недостаточно. Предприниматель, заключая контракт, может пойти на риск, так как знает, что в случае нарушения этого контракта партнером он может обратиться в арбитражный суд.

Доверие является одним из аспектов более фундаментальной проблемы общественной солидарности. Солидарность – это некоторое воображаемое состояние отношений в сообществе, принцип солидарности выражает потребность во внутренней сплоченности группы. Но солидарность, замечает немецкий философ Бернارد Сутор [10, с. 103], – это структурный принцип, а структурные принципы, такие, как гармония, солидарность, не могут быть непосредственными целями. Это стратегические, постоянные цели (регулятивные идеи, по Канту), которые, как маяки, освещают поле поиска решений. А такой принцип, как справедливость, пишет Б. Сутор, является важнейшей целевой ценностью, он обеспечивает социальный мир и удовлетворение законных интересов каждого и тем самым способствует солидарности. Поэтому именно справедливость в сообществе должна быть непосредственной целью, когда мы мечтаем о солидарности в нем. Аналогично и с доверием: доверие (недоверие) – всего лишь симптом, функция более глубоких отношений в обществе.

Таким образом, тема доверия – это особый ракурс рассмотрения многих уже известных проблем, таких, как солидарность, справедливость, взаимность, легитимация и др., – рассмотрение их с точки зрения индивида. Концептуализация доверия, несомненно, позволила расширить представление о человеке, аналитически выделить понятие доверия и уточнить его соотношение с другими близкими понятиями («вера», «уверенность», «духовная близость», «эмпатия» и др.), детально изучить многие факторы и условия, определяющие доверие. Однако прикладная ориентация общественных наук на такой субъективный фактор, как доверие, представляется не вполне обоснованной. Доверие и счастье, которые в последнее время стали использоваться в качестве критериев социального здоровья, подвержены манипуляциям и влиянию многочисленных условий (что, собственно, и было выявлено при углубленном изучении этих феноменов), а потому не могут быть точными индикаторами общественного состояния.

Список литературы

1. Арендт Х. *Vita Activa*, или О деятельной жизни / Х. Арендт; пер. с нем. и англ. В. В. Бибихина. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.
2. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист; пер. с фр. – М.: Прогресс-Универс, 1995. – 456 с.
3. Гегель Г. В. Ф. *Философия права* / Г. В. Ф. Гегель; пер. с нем. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
4. Гидденс Э. *Последствия современности* / Э. Гидденс; пер. с англ. – М.: Праксис, 2011. – 352 с.
5. Доброхотов А. Л. *Данте Алигьери* / А. Л. Доброхотов. – М.: Мысль, 1990. – 208 с.
6. Луман Н. *Социальные системы. Очерк общей теории* / Н. Луман; пер. с нем. – СПб.: Наука, 2007. – 644 с.
7. Оукшот М. *Рационализм в политике и другие статьи* / М. Оукшот; пер. с англ. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 288 с.
8. Парсонс Т. К общей теории действия. Теоретические основания социальных наук // Т. Парсонс / О структуре социального действия. Пер. с англ. – М.: Академический проект, 2000. – С. 415–562.
9. Селигмен А. *Проблема доверия* / А. Селигмен; пер. с англ. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 256 с.
10. Сутор Б. *Политическая этика* // Б. Сутор / Политическая этика и экономическая этика. Пер. с нем. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 368 с.
11. Штомпка П. *Социология. Анализ современного общества* / П. Штомпка; пер. с пол. – М.: Логос, 2006. – 554 с.
12. Luhmann N. *Trust and Power*. – Chichester: John Wiley and Sons Inc., 1979. – 208 p.

Porokhovskaya T. I. Trust as a Moral Phenomenon // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 1. – P. 56–64.

Confidence was traditionally considered by philosophical ethics and theology: the nature of trust, sources and factors of trust, social mechanisms ensuring trust were studied. However, since the late twentieth century, the phenomenon of trust begins to attract the attention of economists, sociologists and managers who approach the study of trust in a different way and more often in isolation from the philosophical and ethical tradition of research into this phenomenon. The notion of trust, the role of trust in various spheres of public life, types of trust, the levels and scope of trust, etc. are specified. But the chief distinction of the modern research of trust is that it is primarily about system trust, the emphasising of which is associated with the name of NiklasLuhmann. If trust at the microlevel is a characteristic of interpersonal relationships, trust at the macro level is a generalized characteristic of more abstract, anonymous relationships. The task of this study is to systematize the main results of research on the phenomenon of trust in social theory (N. Luhmann, A. Seligmen, E. Giddens) and reveal the social and moral grounds for trust.

Key words: faith, trust, confidence, morality, responsibility, institutions.

References

1. Arendt H. Vita Activa, ili o deyatel'noizhizni [Vita Activa, or About Stirring Life], Saint-Petersburgh, Aleteya Publ., 2000, 437 p.
2. Benvenist E. Slovar' Indo-evropeiskih sozial'nuh terminov [Dictionary of Indo-European Social Terms], Moscow, Progress-Univers Publ., 1995, 456 p. Ch. 15. Trust and Faith.
3. Hegel G. W. F. Filosofiya Prava [Philosophy of Laws]. Moscow, Musl Pudl., 1990, 524 p.
4. Giddens E. Posledstviya sovremennosti [The Consequences of Modernity]. Moscow, Praxis Publ., 2011, 352 p.
5. Dobrokhotoy A. L. Dante Alig'eri [Dante Alighieri]. Moscow, Musl Publ., 1990, 208 p.
6. Luman N. Sozial'nyye Sistemu. Ocherk obshey teorii [Social Systems. Essay on the General Theory]. SPb, Nauka Publ., 2007, 644 p.
7. Oakeshot M. Razionalizm v politike i drugie stat'i [Rationalism in Politics and Other Articles], Moscow, Idea-Press, 2002, 288 p.
8. Parsons T. K obshei teorii deistviya. Teoreticheskie osnovy sozial'nuh nauk [To the General Theory of action. Theoretical Foundations of Social Sciences]. O strukture sozial'nogo deystviya [About the Structure of Social Action], Moscow, Academic Project, 2000, 880 p.
9. Seligmen A. Problema doveriya [The Problem of Trust]. Moscow, Idea-Press, 2002, 256 p.
10. Sutor B. Politicheskaya etika. Politicheskaya etika i ekonomicheskaya etika [Political Ethics. Political Ethics and Economic Ethics]. Moscow, FAIR PRESS, 2001, 368 p.
11. Sztompka P. Soziologiya. Analiz sovremennogo obshestva [Sociology. Analysis of Modern Society]. Moscow, Logos, 2006, 554 p.
12. Luhmann N. Trust and Power. Chichester, John Wiley and Sons Inc., 1979, 208 p.

УДК 164.04

К АПОРИЯМ ЗЕНОНА

Сафонова Н. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: Safonov7070@mail.ru

В работе систематизируются наиболее известные на сегодняшний день способы объяснения парадоксов Зенона: эмпирический, математический и логический, причем математический способ объяснения рассматривается в двух формах – без обращения к бесконечности и в общей формулировке, что позволяет вычислить место встречи Ахилла и черепахи при любых заданных их скоростях и расстоянии между ними. На основании того, что Зенон отвергал доказательства эмпирическими и математическими средствами, автор приходит к выводу о целесообразности решения парадоксов путем обращения к логике в ключе аналитической философской традиции. Также показано значение осмысления парадоксов для формирования рационального знания и построения картины мира в свете идеи бесконечного, рассматриваемой автором с двух позиций: онтологической и гносеологической.

Ключевые слова: парадоксы Зенона, теория «языковых игр» Витгенштейна, аналитическая философия, бесконечность.

Зенон Элейский, живший в V веке до нашей эры, сформулировал 45 апорий. До нас дошло девять, четыре из которых («Дихотомия», «Ахиллес и черепаха», «Стрела», «Стадий») затрагивают все проблемные понятия, участвующие в описании движения. В частности, «Дихотомия» – деление пространства, «Ахиллес и черепаха» – непрерывность пространства, «Стрела» – деление времени, «Стадий» – положение между предметами [1, с. 65].

В настоящее время парадоксам Зенона стали придавать меньшее значение. Например, в учебнике по физике за 7-й класс [2] приводится одна из формулировок апории, далее предлагается опровергнуть парадокс и дается подсказка: «Через какое время Ахиллес догонит черепаху, если он побежит в том же направлении и если черепаха в момент начала их соревнования была впереди Ахиллеса на 99 метров? Скорость движения черепахи 0,1 м/с, скорость Ахиллеса 10 м/с» [2, с. 27]. По всей видимости, из данного текста школьник должен делать вывод, что в действительности, парадоксы Зенона не являются проблемой для современной физики и с ними может справиться любой семиклассник. Так ли незначительны задачи, сформулированные Зеноном?

Полагаю, что осмысление парадоксов только лишь средствами математики является недостаточным. Тот аппарат, который сумела наработать аналитическая

философия, позволяет не только увидеть еще один способ решения апорий, но продемонстрировать и по-новому оценить возможности работы с текстом в рамках этого направления.

Новизна работы состоит, прежде всего, в систематизации всех известных способов разрешения апорий Зенона. Эта систематизация осуществляется на основании различных подходов к решению. Проблемы движения, поднятые Зеноном, высвечены через призму бесконечности и раскрыты в онтологическом и методологическом ключе.

Цель данной работы: обобщить материал, посвященный парадоксам.

Эта цель конкретизируется в задачах:

1) Рассмотреть наиболее распространенные на сегодняшний день варианты разрешений парадоксов Зенона. В частности, представить решения двумя математическими (в общем виде средствами современной математики и без обращения к бесконечности), эмпирическим и логическим способами.

2) Показать значение парадоксов в для становления представлений о бесконечном, влияющих на формирование научной картины мира.

Я полагаю, что парадоксы Зенона лежат далеко не на периферии проблем современного научного знания. В простой и гениальной форме Зенону удалось показать противоречивость представлений о движении через призму идей бесконечности. Только с помощью этих идей преодолевается разрыв между дискретными средствами оперирования пространством и временем и их содержательной непрерывностью.

Как правило, причину парадоксов видят в появлении бесконечности в формулировке апорий. Считается, что целью Зенона было не только показать противоречивый характер движения, но и обратить внимание современников, что люди (математики) в рассуждениях необоснованно прибегают к неограниченным процессам (например делению).

Из анализа текстов, приведенных ниже, следует, что греки испытывали интерес к бесконечному, оперировали этим понятием, но в конечном итоге отказались от него. Откуда растут корни «не-любви» к бесконечному?

Древние греки под космосом понимали гармоничный, упорядоченный мир и противопоставляли его хаосу – миру, лишённому порядка [3]. В некоторых концепциях древних философов (например Анаксимандра и Демокрита) бесконечное понимается как неограниченное. Действительно, в отрывке, который приписывают Анаксимандру (ок. 610 г. – после 547 г. до н. э.), речь идет о потенциальной бесконечности (об отсутствии границы, а не о сформированной бесконечности): «где бы ни стал воин, он может протянуть копье еще дальше» [4, с. 8]. Позднее это смысловое и функциональное различие обозначит в понятиях актуальной и потенциальной бесконечности Аристотель: актуальная бесконечность – множество, содержащее бесконечное число элементов, построение которого завершено, а потенциальная бесконечность – любое множество, которое мы можем определенным образом продолжить до тех пор, пока это необходимо.

Сегодня считается общепринятым, что идея бесконечного не присуща античному миру, впервые она появляется на Востоке (см. [1], [3], [4], [5]). Лауреат

премии им. К. Д. Ушинского за научно-популярные книги (1976 г.) профессор Виленкин Н. Я. приводит легенду, дошедшую до нас из Индии: «Вот алмазная гора высотой в тысячу локтей. Раз в столетие прилетает птичка и точит свой клюв о гору. Когда она сточит всю гору, пройдет первое мгновение вечности» [4, с. 7–8].

В этой притче «вечность» уже задана, она – готовая, а не строящаяся, то есть в терминологии Аристотеля речь идет об актуальной бесконечности.

Этот текст – не исключение. В индийских сказаниях рассказывается, например, о битвах, в которых приняло участие 10^{23} обезьян [4], об испытаниях Будды, в ходе которых он называл громадные числа (Ван дер Варден приводит число 10^{53} [6, с. 73])¹. В древнеиндийской культуре большими числами «жонглируют», наслаждаются; возведение числа в степень – одна из форм медитации Будды.

Древние греки же не любят бесконечность и не оперируют ею. До Архимеда (287–212 г. до н. э.) не существовало числа более 10 000 (не было соответствующего термина), при этом само число 10 000 имело название «μῆριος» (с др.-гр. – «неисчислимо большое») [4]. *Horror infinitum* (ужас бесконечного) – закрепившееся выражение в Древней Греции.

Существует версия, что это отношение окончательно сформировалось после формулирования парадоксов Зенона [3, 4]. Решая основную проблему (что есть первоначало и каковы механизмы его воплощения в космос), со свойственной грекам обоснованностью на передний план выходит вопрос о движении. Парменид (ок. 540–470 гг. до н. э.) утверждает неизменность бытия, а его не менее известный ученик Зенон Элейский (ок. 490 – ок. 430 гг. до н. э.) в своих апориях демонстрирует противоречивый характер движения, тем самым подтверждая его иллюзорность. Рассмотрим знаменитый парадокс «Ахиллес и черепаха».

В настоящее время существует достаточно большое разнообразие трактовок интересующего нас парадокса, Аристотель приводит его в следующем виде: «Медленного (бегуна) никогда не догонит быстрый (бегун), ибо необходимо, чтобы догоняющий прежде достиг (той точки), откуда стартовал убегающий, поэтому более медленный (бегун) по необходимости всегда должен быть чуть впереди» [7, с. 81 (239 b)].

Идея апории восходит к сцене, изложенной в гомеровской «Илиаде» (VIII до н. э.): Ахиллес гонится за Гектором и останавливается, так и не догнав быстрого врага:

188. Гектора ж, в бегстве преследуя, гнал Ахиллес непрестанно.

Словно как пес по горам молодого гонит оленя.<...>

199. Словно во сне человек изловить человека не может,
Сей убежать, а другой уловить напрягается тщетно, –
Так и герои, ни сей не догонит, ни тот не уходит.

А если бы Ахиллес (более точно – Ахилл; суффикс «ес» указывает на принадлежность, отсюда словосочетание «Ахиллесова пята»; в данном случае имеет

¹ Для справки: общая площадь суши нашей планеты составляет 148 939 063,133 км². Если на всей этой поверхности рассадить обезьян плотно одну рядом с другой, то несложные подсчеты приводят нас к цифре $1,5 \times 10^{12}$ – такое количество обезьян можно разместить на земном шаре. На земле не могло поместиться то количество обезьян, о котором говорится в древних текстах.

место особенность перевода) гнался не за быстроногим Гектором, а за медленно ползущей черепахой? Из парадокса Зенона путем логических рассуждений следует, что Ахилл никогда не догонит черепаху.

Противоречие состоит в том, что эмпирический опыт говорит нам обратное: Ахилл догонит и перегонит черепаху. По преданию, эмпирический аргумент весьма демонстративным образом предъявил Диоген: услышав апорию, он встал и начал ходить. Эти события нашли отзвук в стихотворении «Движение» (1825 г.) у А. С. Пушкина:

«Движенья нет, сказал мудрец бродатый
Другой смолчал и стал пред ним ходить».

Зенон отбрасывает этот аргумент, так как, по его мнению, изменений (движения) не существует, а наш опыт – обман органов чувств.

Второй аргумент мы полагаем более весомым: решение парадокса предлагается средствами математики.

Удобно предположить, что расстояние от старта до финиша, которое нужно преодолеть Ахиллу, равно 1; черепаха, согласно апории, находится впереди Ахилла, например, на расстоянии $\frac{1}{2}$. Пусть для определенности Ахилл бежит в два раза быстрее черепахи. Тогда, пробежав расстояние $\frac{1}{2}$, Ахилл обнаружит, что черепаха успела за то же время преодолеть отрезок $\frac{1}{4}$ и по-прежнему находится впереди и т. д. Таким образом, Ахиллу нужно преодолеть сумму бесконечного количества отрезков расстояний.

$$\sum_{n=1}^{\infty} \frac{1}{2^n} = \frac{1}{2} + \frac{1}{4} + \frac{1}{8} + \dots = 1.$$

Данный ряд сходится к 1, то есть Ахилл, преодолев конечное расстояние, догонит (или перегонит) черепаху.

Решение задачи в общем виде. Будем считать, что расстояние между Ахиллом и черепахой равно 1. Далее, согласно рассуждениям, приведенным выше, шаговая дистанция, которую предстоит преодолеть Ахиллу – $\frac{v_c}{v_a}$. Обозначим ее за x , где v_c – скорость черепахи, v_a – скорость Ахилла. Тогда Ахиллу предстоит преодолеть сумму расстояний

$$1 + x + x^2 + \dots + x^n + \dots \quad (1).$$

Геометрическая прогрессия (1) сходится при $|x| < 1$ и расходится при $|x| \geq 1$. Областью сходимости является промежуток $(-1; +1)$. (см., например, [8, с. 572]).

Сумма ряда (1) в области сходимости равна $\frac{1}{1-x}$, где $x = \frac{v_c}{v_a}$. Таким образом, если $\frac{v_c}{v_a} < 1$, то они

Ахилл и черепаха бегут со скоростями, соотношение которых $\frac{v_c}{v_a} < 1$, то они встретятся, когда Ахилл преодолеет расстояние $\frac{1}{1-x}$. Совершенно очевидно, что

если $v_c = v_a$, то есть $\frac{v_c}{v_a} = 1$, тогда $\frac{1}{1-1}$ не имеет смысла и из опыта понятно, что Ахилл не догонит черепаху.

Обычно критика решения парадокса указанным способом сводится к тому, что математика сама прибегает к бесконечным процессам (мы исследовали сумму бесконечного ряда, определяли область сходимости путем вычисления предела и т. д.), а на это обстоятельство также была направлена и критика Зенона.

Студентом математического факультета ТНУ им. В. И. Вернадского Бариновым В. С. было предложено решение апории без обращения к бесконечности (предельным переходам и т. п.) [9]. Составлялась сумма из интервалов времени, необходимого Ахиллу для погони. Эта сумма представляла собой геометрическую прогрессию. Далее показывалось, что она не превышает наперед заданного числа. Это конечное число и есть время, которое понадобится Ахиллу, чтобы догнать черепаху (подробные математические выкладки см. [9, с. 133–134]).

Оказывается, древние греки предъявляли математическое доказательство Зенону. Опираясь на эти сведения, историк математики Г. Г. Цейтен [10] делает вывод, что древние греки умели вычислять сумму геометрической прогрессии, потому что только таким способом можно сосчитать сумму отрезков: «Противники Зенона должны были знать, что сумма рассматриваемых членов, взятых в бесконечном количестве, равна $n/n-1$. Эти положительные результаты содержатся столь очевидным образом в нелепых, по мнению Зенона, рассуждениях его противников... Мы видим, таким образом, что в середине V века до н. э. занимались суммированием, которое производил впоследствии Архимед с помощью гарантирующего более надежные результаты способа» [10, с. 56] При этом Цейтен добавляет, что ему не совсем понятно, как это доказательство осуществлялось технически.

Итак, Зенон отвергает как доказательство средствами математики, так и обоснование чувственным опытом. По всей видимости, аргументами для мыслителя должно было стать разрешение парадокса на том языке, на котором задана апория, то есть логическими средствами, а не эмпирическими или математическими. В настоящее время написан ряд замечательных работ, описывающих нашу проблему в этом контексте.

Поскольку парадокс возникает в результате специфики формулировки, поставленная в нем проблема (возможность догнать черепаху), написанная другими словами, будет решена достаточно просто. Применяя разработки в области аналитической философии, в частности теорию языковых игр Л. Витгенштейна, можно утверждать, что парадокс возникает из-за фактического контекста использования языка.

Действительно, при вдумчивом рассмотрении можно заметить, что автор парадокса намеренно привязывает нас к точкам (см. формулировку Аристотеля), от которых черепаха каждый раз начинает движение.

Гилберт Райл (1900–1976), объясняет в главе «Ахиллес и черепаха» книги «Дилеммы» апорию тем, что мы используем слова, осмысленные в одном контексте, в совершенно другом, не подходящем для них контексте (в настоящее

время на русский язык переведены первые две главы этой книги, перевода интересующей нас главы нет).

Известный методолог науки М. С. Козлова во вступительной статье к книге Райла коротко характеризует каждую главу [11, с. 350]. В отношении парадокса она пишет: «...ловушка, порождаемая неявным переносом логической необходимости на реальный ход событий. Кстати, “ключ” к механизму возникновения данной ловушки (и родственных ей затруднений) был дан в “Логико-философском трактате” Л. Витгенштейна. Вслушаемся, о чем говорят следующие афоризмы: «5.135 Из существования какой-то одной ситуации никак нельзя заключать о существовании другой, совершенно отличной от нее ситуации. 5.136 Какой-то причинной связи, которая оправдывала бы такое заключение, не существует. 5.1361 Выводить [дедуцировать] события будущего из событий настоящего невозможно... 5.1362... Поступки, которые будут совершены впоследствии, не могут быть познаны сейчас. Знать о них можно было бы лишь в том случае, если бы причинность – подобно связи логического вывода – представляла собой внутреннюю необходимость...» [12, с. 38].

Таким образом, парадокс объясняется тем, что сама формулировка подталкивает нас к выводу: Ахилл не догонит черепаху. Можно согласиться с Л. Витгенштейном: в действительности нет жесткой причинной связи в отношении будущих событий, между точкой, от которой начинает движение черепаха, и результатом соревнования в беге.

Полагаю, что именно такое объяснение мог принять Зенон, поскольку математические и эмпирические доказательства, предъявленные современниками, он отвергает. Объяснение может быть дано только на языке логики, и представители аналитической философии XX века его продемонстрировали.

После парадоксов элеатов древние греки с осторожностью оперируют с бесконечностью. Финальную точку в этом вопросе поставил Аристотель. Со свойственной ему удивительной тщательностью и прозорливостью он указывал на пять оснований, приводящих к мысли о существовании бесконечности: «А что бесконечное существует, уверенность в этом, скорее всего, возникает у исследователей из пяти оснований: из времени (ибо оно бесконечно), из разделения величин (ведь и математики пользуются бесконечным); далее что только таким образом не иссякнут возникновение и уничтожение, если будет бесконечное, откуда берется возникающее. Далее, из того, что конечное всегда граничит с чем-нибудь, так что необходимо, чтобы не было никакого предела, раз необходимо, чтобы одно всегда граничило с другим. Но больше всего и главнее всего – что доставляет для всех затруднение – на том основании, что мышление не останавливается...» [7, с. 57 (203 b)].

И все же, несмотря на свои веские доводы в пользу бесконечности, Аристотель отказался принять идею о существовании актуально бесконечного мира, сказав, что «доверять мышлению в вопросе о бесконечном мышлении странно» [7, с. 68 (208 a)]. Вывод философа таков: ... «бесконечного нет: бесконечное существует не иначе как потенциальное» [7, с. 64 (206 b)].

Итак, Аристотель накладывает «запрет» на оперирование бесконечностью. Авторитет Аристотеля оказался столь велик, что бесконечность и в онтологическом статусе (как бесконечность пространства), и в гносеологическом (как метод в математике) появляется лишь в XVI веке. Для древних греков отказ от оперирования понятием бесконечности оказался (по удачному выражению Григоряна А. А. [13]) одним из невидимых кругов, преодоление которого в дальнейшем определило точки развития науки. Действительно, только введение бесконечности как метода в математике позволило появиться дифференциальному и интегральному исчислению. На этой основе формируется классическая механика Ньютона. Далее, используя идею бесконечности, на рубеже XIX–XX веков создаются практически все фундаментальные структуры современной математики.

В онтологическом статусе бесконечность окончательно закрепились вследствие работы Джордано Бруно «О бесконечности вселенной и мирах» [14]. В диалоге первом [14, с. 160–183] Бруно опровергает Аристотеля и критикует чувственное познание; его рациональные аргументы небесспорны, так как философ прибегает к доказательству от противного (пустота, по его мнению, не может быть ограничена). Слабость логической полемики эпохи Возрождения в сравнении с предыдущими двумя эпохами отмечают Скирбекк Г. и Гилье Н. [15, с. 258]. Однако все это не мешает Бруно сделать вывод: «Мы говорим, что существует бесконечное, то есть безмерная эфирная область, в которой находятся бесчисленные и бесконечные тела вроде Земли, Луны, Солнца, называемые нами мирами...» [14, с. 186–187]. Принятие этого тезиса, по сути, без доказательства уже далее позволяет Бруно вполне аккуратно строить теорию о множественности миров.

Бесконечны ли космические пространства? Окончательного ответа наука не дает. Иммануил Кант остается по-прежнему прав: доводы «за и против» в отношении принятия или отказа от бесконечности вселенной в пространстве и во времени равносильны. До сегодняшнего дня человек не в состоянии указать ни один онтологический объект, обладающий бесконечным количеством элементов. Об этом писали такие теоретики бесконечных процессов и творцы науки XX века, как Д. Гильберт [16] и А. А. Марков [17]. Гипотеза о «бесконечности вселенной» более популярна, так как согласиться с этим загадочным тезисом удобнее, чем рассматривать антитезис об ограниченной вселенной (так как из последнего положения с необходимостью следует указать где, в каком месте расположены границы вселенной и что находится за этими пределами – именно это обстоятельство заставило Дж. Бруно утверждать обратное). Постановка последнего вопроса заводит разум в тупик, поэтому общепринятой точкой зрения является идея о бесконечности вселенной. Еще одним преимуществом будет соображение о том, что эта идея является поставщиком неограниченного количества теоретических построений (например моделей пространства). И тем не менее нужно понимать, что представление о бесконечности пространства является общепринятой гипотезой, а не доказанным утверждением.

Таким образом, мы рассмотрели современные подходы решения парадокса Зенона (в частности, два подхода решения математическими средствами – с использованием биннома Ньютона и с помощью геометрической прогрессии, не

прибегая к бесконечным процессам). Автору более близко решение парадокса в традиции аналитической философии. В рамках данной проблематики было прояснено и значение апорий – запрет на использование актуально бесконечного, отразившийся на формировании философской картины мира древних греков, а затем и на построении актуальной сегодня научной картины мира. Значение идеи бесконечного для последней представлено с двух позиций: онтологической и гносеологической (исследование идеи бесконечного в аксиологическом ключе см. в работе [18]).

Список литературы

1. Гайденок П. П. Эволюция понятия науки: становление и развитие первых научных программ / П. П. Гайденок. – М.: URSS, 2010. – 568 с.
2. Кабардин О. Ф. Физика. 7 класс: учеб. для образоват. организаций / О. Ф. Кабардин. – М.: Просвещение, 2017. – 174 с.
3. Шоркин А. Д. Схемы универсумов в истории культуры. Опыт структурной культурологии / А. Д. Шоркин. – Симферополь: Изд-во СГУ, 1996. – 214 с.
4. Виленкин Н. Я. В поисках бесконечности / Н. Я. Виленкин. – М.: Наука, 1983. – 161 с.
5. Вейль Г. О философии математики / Пер. с нем. А. П. Юшкевича. – М. – Л.: Гостехтеориздат, 1934. – 128 с.
6. Варден Ван дер Б. Л. Пробуждающаяся наука. Математика Древнего Египта, Вавилона и Греции / Пер. с голландского Веселовского И. Н. – М.: Физматгиз, 1959. – 459 с.
7. Аристотель. Физика. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 189 с.
8. Выгодский М. Я. Справочник по высшей математике / М. Я. Выгодский. – М.: Наука, 1964. – 870 с.
9. Сафонова Н. В., Баринов В. С. Преодолеваемы ли апории Зенона средствами математики? // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2008. – № 151. – С. 131–137.
10. Цейтен Г. Г. История математики в древности и в ср. века / Пер. А. П. Юшкевича. – М. – Л.: ЮНИТИ, 1938. – 231 с.
11. Райл Г. Дилеммы / Пер. с англ. и вступит. статья М. С. Козловой // Г. Райл. Понятие сознания. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги. – 1999. – 408 с.
12. Витгенштейн Л. Философские работы / Вступит. статья М. С. Козловой. Пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. Часть 1. – М.: Гнозис, 1994. – 612 с.
13. Григорян А. А. Социокультурные и метафизические круги и их преодоление в развитии математики / Под ред. А. Г. Барабашева // Стили в математике: социокультурная философия математики. Серия «Труды Московского семинара по философии математики». – СПб.: РГХИ, 1999. – С. 353–374.
14. Бруно Д. Философские диалоги. – М.: Алетейя, 2000. – 320 с.
15. Скирбекк Г., Гилье Н. История философии: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Пер. с англ. В. И. Кузнецова. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – 800 с.
16. Гильберт Д. Основания геометрии / Пер. с 7-го нем. изд. А. Д. Градштейна. – М.–Л.: Гостехиздат, 1948. – 491 с.
17. Марков А. А., Нагорный Н. М. Теория алгоритмов / А. А. Марков, Н. М. Нагорный. – М.: Наука, 1984. – 432 с.
18. Сафонова Н. В. Бесконечность космоса и ее консеквенты // Дни науки КФУ им. В. И. Вернадского. Сборник тезисов участников конференции. – 2017. – С. 980–982.

Safonova N. V. Concerning Zeno's Paradoxes // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 1. – P. 65–73.

In this work currently most popular ways of explaining Zeno's paradoxes including empirical, mathematical and logical are systemized, with mathematical way been reviewed in two forms: without appealing to infinity and in general formulation which allows calculating of the meeting point of Achilles and tortoise using any

given distances between them and velocities. According to the fact that Zeno rejected proofs using empirical and mathematic ways, the author concludes that paradoxes solving by appealing to logics in the way of analytical philosophical tradition been expedient.

Value of paradoxes comprehension in forming of rational knowledge and creating picture of the world in light of the idea of infinite is also shown, the last been reviewed by the author from two points of view: ontological and gnoseological.

Keywords: Zeno's paradoxes, Wittgenstein's theory of 'language games', analytical philosophy, infinity.

References

1. Gaidenko P. P. Evolyutsiya ponyatiya nauki: stanovlenie i razvitie pervykh nauchnykh programm [Evolution of the Notion of Science: Formation and Development of the First Scientific Programmes]. Moscow, Urss Publ., 2010, 568 p.
2. Kabardin O. F. Fizika. 7 klass: ucheb. dlya obrazovat. organizatsii [Physics. 7th Form: Manual for Educational Organizations]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2017, 174 p.
3. Shorkin A. D. Skhemy universumov v istorii kul'tury. Opyt strukturnoi kul'turologii [The Schemes of Universes in the History of Culture. The Experience of the Structural Culture Science]. Simferopol', SGU Publ., 1996, 214 p.
4. Vilenkin N. Ya. V poiskakh beskonechnosti [Looking for the Infinity]. Moscow, Nauka Publ., 1983, 161 p.
5. Weil G. O filosofii matematiki [About Philosophy of Mathematics]. Moscow-Leningrad, Gostekhizdat Publ., 1934, 128 p.
6. Waerden Van der B. L. Probuzhdayushchayasya nauka. Matematika Drevnego Egipta, Vavilona i Gretsii [An Awakening Science. Mathematics of the Ancient Egypt, Babylon and Greece]. Moscow, Fizmatgiz Publ., 1959, 459 p.
7. Aristotle. Fizika [Physics]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1937, 189 p.
8. Vygodskii M. Ya. Spravochnik po vysshei matematike [Reference Book on Advanced Mathematics]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 870 p.
9. Safonova N. V., Barinov V. S. Preodolevaemy li aporii Zenona sredstvami matematiki? [Is it Possible to Overcome Zeno's Paradoxes by Means of Mathematics?]. Culture of the Peoples of the Black Sea, Simferopol, 2008, no 151, pp. 131-137.
10. Zeuthen G. G. Istoriya matematiki v drevnosti i v sr. veka. [History of Mathematics in the Ancient Time and in the Middle Ages]. Moscow-Leningrad, YuNITI Publ., 1938, 231 p.
11. Ryle G. Dilemmy [Dilemmas]. In: Ponyatie soznaniya. [The concept of Mind]. Moscow, Ideya-Press Publ., House of the intellectual book Publ., 1999, 408 p.
12. Wittgenstein L. Filosofskie raboty [Philosophical Works]. Moscow, Gnozis Publ., 1994, 612 p.
13. Grigoryan A. A. Sotsiokul'turnye i metafizicheskie krugi i ikh preodolenie v razvitii matematiki [Sociocultural and Metaphysical Circles and their Overcoming in the Development of Mathematics]. Trudy «Moskovskogo seminar po filosofii matematiki» [Proc. of the Moscow seminar on the philosophy of mathematics]. St.Petersburg, RGKhI. Publ., 1999, pp. 353-374.
14. Bruno G. Filosofskie dialogi [Philosophical Dialogues]. Moscow, Aleteia Publ., 2000, 320 p.
15. Skirbekk G., Gilje N. Istoriya filosofii: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii [History of Philosophy]. Moscow, VLADOS Publ., 2001, 800 p.
16. Hilbert D. Osnovaniya geometrii. [Bases of Geometry]. Moscow-Leningrad, Gostekhizdat Publ., 1948, 491p.
17. Markov A. A., Nagornyi N. M. Teoriya algorifmov [Theory of Algorithms]. Moscow, Nauka Publ., 1984, 432 p.
18. Safonova N. V. Beskonechnost' kosmosa i ee konsekventy [The Infinity of Cosmos and its Consequents]. In: Dni nauki KFU im. V. I. Vernadskogo. Sbornik tezisov uchastnikov 3 konferentsii. [Proc. Days of Science Crimean Federal V. I. Vernadskiy University. Theses of participants of the 3rd conference]. 2017, pp. 980-982.

УДК 165.23

**ДИАЛЕКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
МАТЕМАТИКИ И МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ
КАК АНТИТЕЗА ЧИСТОЙ МАТЕМАТИКИ
И МАТЕМАТИКИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ**

Титов А. В.

Российский университет транспорта (МИИТ), г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: a.v.titov@mail.ru

В настоящее время математика приобретает все более «фрагментарный» характер. С одной стороны, возникают новые абстрактные направления в «чистой» математике, например теория категорий. С другой стороны, математики «замыкаются» в рамках выбранных ими дисциплин. Растет разнообразие направлений как в «чистой» математике, так и в ее приложениях, в частности в моделировании широкого класса задач. Все это ставит вопрос о поиске единой основы (стихии), на которой могли бы базироваться все направления и в которой могли они бы обрести органическое единство.

Вопрос о поиске оснований математики, о необходимости рассмотрения различных направлений математики на единой математической основе стоит давно. Однако все рассматриваемые основания сами имеют вид математических объектов, описанных на аксиоматической основе. В таком виде трудно проследить связь между различными типами самих оснований, математика теряет единство.

Для того чтобы единство математики не терялось при ее развитии, необходима единая философская основа, которая могла бы послужить базой для объяснения процессов развития математики.

В статье выдвигается идея в качестве такой основы применить к математике метод, предложенный Гегелем в «Науке логики», а именно рассмотреть процесс развития математики и формирования ее понятий с диалектической точки зрения.

Ключевые слова: диалектика, чистая математика, математика естествознания, становление, снятие, оценка, семантика, математическая структура, решетка.

В настоящее время математика сталкивается с новыми для нее проблемами как в фундаментальной области, так и в области ее приложений. С одной стороны, границы математики и ее приложений невероятно расширились, деятельность в области математики продолжает «разрастаться», но с другой, в результате этой деятельности зачастую теряется связь между различными ее разделами, то есть математика утрачивает свое единство, ускользает основа, на которой достигается общность ее «частей» и интересов. Встает вопрос о разработке новых оснований математики. Возникают даже мнения о необходимости «новой математики», принципиально отличной от существующей, при этом совершенно упускается из виду не только грандиозность созданного трудом поколений творения, но стройность и эффективность этого творения во многих областях человеческой

деятельности. В то же время объективным является осознание ограниченности возможностей математики в тех или иных областях ее приложений. Это приводит к возникновению ряда несвязанных, а порой и слабо обоснованных методов решения прикладных задач. Такое положение выдвигает на первый план поиск и осмысление принципов и методологии, которые позволили бы с единой позиции осмыслить процесс развития математического знания.

Следует отметить, что поиски новых оснований математики ведутся, как правило, методами самой математики, вводимые объекты имеют математическую природу и вводятся в соответствии с предпочтениями и опытом вводящих их математиков. В таком виде трудно проследить связь между различными типами самих оснований, математика в итоге теряет единство.

Для сохранения единства математики в процессе ее развития необходима единая философская основа, которая могла бы послужить базой для объяснения, а возможно, и регулирования процессов развития математики и анализа их результата.

В диалектике ключевое значение имеют категории «становление» и «снятие», которые определяют динамику развития понятия в себе, эти категории могут быть использованы и при анализе развития математики.

Целью работы является определение общих моментов развития математического знания на основе применения диалектического подхода, изложенного в работах Гегеля [1, 4]. По мнению автора, этот способ позволит, во-первых, рассмотреть процесс развития математики в единстве его моментов, рассмотреть то, что «эмпирически кажется таким случайным, разорванным и клочковатым» [5, с. 32], как естественный результат процесса развития, во-вторых, критически рассмотреть некоторые результаты этого процесса.

В «Науке логики» Гегель ставит вопрос о необходимости выработки метода, который способен (по его словам) сделать логику наукой. При этом он отмечает несостоятельность попыток заимствовать у математики ее метод. Методом философской науки Гегель называет «осознание формы внутреннего самодвижения ее развития» [1, с. 43]. В основе такого метода, как полагает Гегель, должно лежать «осознание» того, что отрицательное в равной степени положительно. Противоречие в его трактовке ведет к отрицанию лишь особенного содержания. Результат этого отрицания включает в себя отрицаемое, вместе с тем выходя за его границы. То есть результатом становится новое понятие, более богатое содержанием, чем исходное, которое «снимается» этим результатом. Гегель придает особое значение понятию «снятие» (Aufheben). «Снимаемое» не исчезает, но становится «моментом» нового понятия. Таким образом, отрицание, понимаемое положительно, и порожаемое им снятие лежат в основе раскрытия понятия во всей его полноте.

Приведенный подход, если использовать его при анализе процесса развития математики, позволяет рассматривать математику и формальную математическую логику как динамические системы, движение которых заключается в раскрытии системы частных типов структур и логического исчисления.

Гегель неоднозначно относился как к методу, принятому в математике, так и к ее предмету. С одной стороны, он считает, что «в арифметике числа берутся как нечто лишнее понятия, берутся как нечто..., что...не есть мысль» [1, с. 42], с другой – отмечает, что именно в математике достигнуты результаты, выводящие ее за пределы рассудочного мышления. В частности, это касается понятия бесконечно малой величины: «Величины эти определены как величины, существующие в своем исчезновении... Математика обязана своими самыми блестящими успехами тому, что она приняла то определение, которого не признает рассудок» [1, с. 89].

Из приведенного можно сделать вывод, что не все, чем оперирует математика, «не есть мысль». Более того, ход развития математики, ее современное состояние все более указывают на то, что объекты ее рассмотрения все менее подходят под определение «числа, лишнего понятия».

Используя диалектический метод в своем исследовании «Диалектические основы математики», А. Ф. Лосев рассматривает число именно как понятие. Корни отношения к числу, принятого в его работе, восходят еще к античности. В работе Лосева число рассматривается как понятие, а философия числа и – далее – философия математики есть раскрытие этого понятия как результат саморефлексии духа. Тем самым по отношению к числу применяется «позиция» Гегеля, предложенная им в отношении к исследованию логики, сводящаяся к тому, чтобы рассматривать понятие «в его собственной имманентной деятельности или, что то же самое, в его необходимом развитии...» [1, с. 22].

Основу такого развития составляет противоречие моментов «полярности», истиной которых является становление. Моментами этого противоречия являются в диалектике «бытие» и «ничто» или (в сфере определенности) «нечто» и «иное». Рассматривая в отношении к развитию понятия числа и математики в целом, Лосев определяет несколько видов такой полярности, начиная с антитезы «чистой математики» и «математики естествознания», числа как отвлеченного понятия и числа как предметного явления. Таким образом, математика естествознания есть инобытие чистой математики. Здесь налицо пара – нечто и иное, благодаря отношению к которому нечто «осуществляет (erfüllt) свое определение» [1, с. 106].

Современная математика по природе своей вступает в конфликт с методами познания, принятыми в естествознании. Ее объекты и правила вывода порождены теоретическими построениями, а не обращением к эмпирической базе. Другое дело, что эмпирика часто доминирует над сознанием человека (как поставщик идей), навязывая ему те или иные определения и представления, над истинностью которых человек часто не задумывается. Однако сознание не может не стремиться выйти за пределы опыта, что и составляет суть абстракции, но выход может заключаться не только в «простом» обобщении, но и в стремлении к такому обобщению, которое выходит уже в сферу дополненности к тому, что диктует опыт. Это подтверждается и в работах ведущих математиков. В частности, новое понимание формальной логики, расширяющее ее понимание как анализа типов рассуждений, отмечается в работе Гольдблатта: «Аналогично тем исследованиям структуры, которые относятся к так называемым «логикам», уже вышли за пределы своих исходных основ (анализа принципов рассуждений)» [2, с. 11].

Развитие как раскрытие внутреннего содержания математики и формальной логики, приводящее к появлению ее новых типов, можно рассматривать как процесс выхода имеющихся форм за собственные границы, характеризуемый в диалектике Гегеля как «снятие» (Aufheben) этих форм. Это такое развитие, при котором старая форма не исчезает, но сохраняется как «момент» новой, которая, помимо нее, включает в себя и ее отрицание, объединяя их в новом единстве как моменты этого единства.

Примером этого можно назвать развитие геометрии, где до возникновения неевклидовой геометрии казалось, что возможен только один тип пространства с законами, определенными Евклидом. Отказ от необходимости пятого постулата и замене его новыми привел к множественности типов геометрии, в которой евклидова геометрия заняла свое место.

Другим примером может служить изменение представлений о числе.

Как утверждает Шпенглер, «Не существует и не может существовать никакого числа в себе. Есть множество миров чисел, так как есть множество культур. Мы обнаруживаем индийский, арабский, античный, западный тип математического мышления и вместе тип числа» [3]. Считая западную культуру преемницей античной, будем рассматривать эволюцию взглядов на число по оси «античный мир – западный мир». За начало отсчета примем Пифагорейско-Платоновский взгляд на число. Можно обнаружить две развившиеся из него в дальнейшем числовые системы. Первая, развиваемая Платоном и Ямвлихом, в своей основе содержит представление о числе как о сущности всех вещей. Вторая, выросшая из теории абстракции в «Метафизике» Аристотеля, характеризуется высокой степенью формализации числа. Развитие воззрений на число в западной культуре было до последнего времени развитием второй системы. Результатом этого явилась позитивистская концепция числа. Созданная на ее основе числовая система базируется на «голом» счете монотонно следующих единиц. В настоящее время наблюдается эволюция взгляда на число, начало которой положено трудами Г. Кантора по теории множеств. Пересмотр проходит в русле Пифагорейско-Платоновской традиции, все более проявляется структурность числа.

Наконец язык теории категорий может служить примером возможности обобщения в нем языков теории множеств и теории структур.

Например, мономорфной в теории категорий называют стрелку $a \rightarrow b$, которая сократима слева, то есть такую, что $\text{if } f \circ g = f \circ h \text{ to } g = h$.

В теории множеств этому соответствует инъективное отображение. Но это понятие охватывает также отношение порядка, которое представляется стрелкой $a \rightarrow b$, если $a < b$ (то есть отношение в языке теории структур заменяется стрелкой в языке теории категорий), и операции, например, над натуральными числами: $m+n=m+p \Rightarrow n=p$. Здесь натуральное число на языке теории категорий есть стрелка, а композиция является операцией сложения чисел.

Уже из этих примеров видно, что понятие стрелки в теории категорий включает такие понятия, как отображение в теории множеств (и не только), отношение, число, а в более широком смысле – и элемент алгебраической структуры и, вероятно, многое другое, что еще не описано языками различных разделов математики. Если

это так, то можно надеяться на то, что потенциал теории категорий позволит расширить рамки моделирования на объекты и процессы, которые пока не могут моделироваться с достаточной степенью адекватности на языках других разделов математики.

Математика, как и всякая наука нового времени, ориентируется на методы, диктуемые рефлектирующим рассудком, как его определял Гегель. То есть оперирует абстрактными определениями, которые разделяют между собой определяемые предметы. Однако ход развития математического знания выводит ее за пределы рассудочной логики (см. приведенный нами пример высказывания Г. В. Ф. Гегеля в отношении понятия бесконечно малой величины).

Это может означать, что математика как понятие, являясь продуктом саморефлексии духа, сама в процессе саморазвития составляет свой конечный продукт, то есть понятие математики составляет конечный результат развития математики. Предмет же математики следует определить, так как рассматривать ее как науку о числах в привычном понимании этого слова уже нельзя. В частности, объектом математического знания стали структуры или, следуя выражению И. Р. Шафаревича, числоподобные структуры. В этом определении остается все же элемент противопоставления новых объектов математики (структур) числу. Развиваемый Лосевым диалектический анализ числа как понятия позволяет снять это противопоставление, рассматривая число в различных моментах его развития. Само понятие числа есть понятие, содержащее структуру.

По мнению А. Ф. Лосева, структурные свойства числа раскрываются в развитии триады: интенсивное число – экстенсивное число – эйдетическое число, причем первые два элемента этой триады составляют диалектическую противоположность, третий же является разрешением этой противоположности как их диалектический синтез: «Понятие числа, положенное как таковое, взятое как тезис, есть, вообще говоря, интенсивное число... Этому утверждению числа в виде раздельного акта противостоит отрицание числа в виде раздельного акта, то есть утверждение его в виде особой числовой слитности и неразличимости – континуума... Наконец, мысль требует и объединения числовых и континуальных построений... целесообразно это синтетическое число назвать эйдетическим числом...» [5, с. 36].

Таким образом, представление математиков о расширении понятия числа в сторону развития теории структур получает философское обоснование у Лосева – он диалектически обосновывает развитие понятия числа как структуры.

Этот подход предполагает также, что математическая логика не составляет голую форму математического знания, не абстрагируется от него, но сами логические формы лежат в основе математических структур, которые являются «материей математики». Фон Нейман предложил вариант построения натурального ряда как теоретико-множественной «конструкции», начинающейся с пустого множества. Приведенное построение можно рассматривать как «отражение» принятого в диалектике положения о том, что математика (как и логика) должна развиваться из простого начала, которое есть полярность [1, с. 23].

В математике, возможно, роль такого полярного начала могут играть пустое множество и его дополнение, которое, в случае когда имеем только пустое множество, есть снова пустое множество. То есть $\emptyset = \emptyset$.

В «Диалектических началах математики» Лосев так формулирует развитие понятия числа и простого начала: «Интенсивно-экстенсивно-эйдетическое число... есть раздельность, и в этом смысле оно есть инобытие первоначала. В чем же их синтез? Какую форму примет тут “становление” и “ставшее”? Первопринцип есть вечное творчество, вечное возникновение, поток для всего возникающего; это базированность на самом себе и независимость ни от чего, то есть полная свобода» [5, с. 36].

Эту базированность числа на самом себе можно видеть в «схеме» фон Неймана, в которой натуральный ряд порождается пустым множеством: $\emptyset, \{\emptyset\}, \{\emptyset, \{\emptyset\}\} \dots$, то есть натуральный ряд возникает из бесконечного соотношения с собой пустого множества, при этом натуральные числа являются теми формами конечного и изменяющегося нечто, которые и участвуют в этом бесконечном соотношении.

Введенное Лосевым понятие эйдетического числа позволяет подойти к анализу проблемы, о которой все чаще говорят в прикладной математике, а именно проблемы формирования «математики качества». При этом чаще всего проблема формулируется в виде тезиса, содержание которого туманно даже для выдвигающих его.

Прикладная математика развивается как средство моделирования природных, а затем и социальных процессов. По мере усложнения предмета моделирования в прикладной математике все более стали проявляться противоречивые и нераздельные моменты целого, она стала «спонтанно» приходить к необходимости рассмотрения «операций» с качествами, а не числами (количествами). Примером такой техники может служить так называемая *теория нечетких множеств*. Эту теорию можно отнести как раз к попытке создания математики на весьма зыбких основаниях.

Рассмотрим эту проблему на позициях Гегелевского «снятия». То, что «снято», например тот или иной раздел математики, вступив в единство со своей противоположностью, должно выйти за свои границы и стать «моментом» нового раздела. В частности, по этой логике «теория нечетких множеств» должна включать в себя как момент классическую теорию множеств. В «теории» Заде этого не было, с чем связаны, на наш взгляд, некоторые «несуразности» этой «теории». Однако в одной из работ Любецкого дано определение нечеткого множества, вполне подходящее под критерий снятия [6, с. 382], к сожалению, оно не получило дальнейшего развития. Необходимо добавить: работы, в которых предпринимались бы попытки связать «математику качества» с математикой меры, автору не попадались.

Дальнейшее развитие теории нечетких множеств, ее превращение в строгую математическую теорию требует устранения из нее субъективного момента и введения указанных интуиций в рамки строгой математической теории, другими словами, подведения под нее строгой математической базы, основанной на обобщенном понятии числа, синтезирующем в себе число как количество, меру и

структуру. Философским обоснованием здесь может служить описанный А. Ф. Лосевым синтез интенсивного и экстенсивного числа в канторовой теории множеств: «Это и значит, что множество есть синтез интенсивного и экстенсивного числа. Так как “эйдос” есть термин, указывающий на такую “сущность”, которая дана оптически-фигурно (мысленно или физически), то целесообразно это синтетическое число назвать эйдетическим числом, тем более, что и сам Кантор, создатель этой дисциплины, употреблял здесь именно греческое обозначение ἄριθμοί εἰδητικοί, “эйдетические числа”» [5, с. 36]. В теории нечетких множеств мы можем встретить такие «сущности» (данные оптически-фигурно), а именно играющие в ней первостепенное значение функции принадлежности, которые при всей похожести на функции распределения обладают менее формальной сутью.

В своих работах по логике Гегель определил количество как внешнюю бытию определенность. По его мнению, лишь в мере количественная определенность становится тождественной бытию, внутренне присущей ему.

Введение в рассмотрение числа как структуры и указанная связанность в понятии меры количества и качества позволяет ставить вопрос о развитии математики в направлении включения качества как элемента рассмотрения. При этом, конечно, должно быть «расширено» само понятие меры, принятое в математике.

Из приведенных рассуждений можно сделать вывод, что математическое знание и на субъективно-личностном уровне развивается как диалектический синтез противоположности первопринципа числа и наличного бытия числа.

Структурность понятия числа, понятие меры как отражения связи качественного с количественным можно проследить и при исследовании форм логического исчисления, на основе рассмотрения оценок на различных типах алгебраических структур или – в более общей форме – на основе обобщенного нестандартного анализа на языке теории категорий.

Мысль о зависимости характера формальной логики от содержания или, выражаясь языком математики, семантики оценки прослеживается как в философских трудах, так и в работах ведущих математиков [1, 2].

Нестандартный анализ может служить примером разрешения противоречия в новое единство, то есть примером расширения понятия, на основе введения новой меры на исследуемой структуре. При непосредственном восприятии истинности того или иного утверждения объект, в данном случае математический, рассматривается в целом. В частности, пусть речь идет о сравнении функций $f(x)$ и $g(x)$. Возможны четыре вида отношения между ними: $f(x) < g(x)$, $f(x) > g(x)$, $f(x) = g(x)$, $f(x)$ и $g(x)$ несравнимы. При этом для каждого конкретного x выполняется одно из первых трех отношений, четвертая возможность означает, что в разных точках выполняются разные из первых трех отношений. Каждое из приведенных отношений между функциями считается выполненным, если оно выполнено для всех x . Таким образом, сравнение таких объектов как «функция» отождествляется со сравнением таких объектов как «значение функции в точке». При этом результат непосредственного восприятия отношения между функциями может измениться при введении специальной меры на множестве значений функции.

В этом, собственно, и заключается то, что Гегель обозначил как выход за пределы непосредственного, определение и разделение его. В то же время переход к рассмотрению значений функций в точке позволяет говорить о локальной истинности одного из отношений или об их истинности в определенных областях определения функции.

Разделение рефлексии здесь заключается в том, что разделяются истинные и не истинные высказывания относительно выполнения отношения. Причем оно выполнено, если это отношение выполнено для значений во всех точках области определения. Методы нестандартного анализа позволяют рассматривать случаи, когда невыполнение отношения на области меры 0 не влияет на результат, утверждение об истинности отношения остается в силе – пример того, как объединяются утверждения, первоначально противоречивые.

Используя понятие «оценка» для анализа типов логического исчисления, можно проследить, как количественные изменения значений истинности и сопоставляемая им мера определяют качественный тип логики, зафиксированный в системе аксиом логического исчисления.

Обобщая, можно поставить вопрос о зависимости логического исчисления как алгебраической структуры от вида оценки.

В работах [6, 7] А. В. Любецкий описывает специальный вид оценки применительно к задачам нестандартного анализа, рассматриваемого им в обобщенной форме как «алгебро-логический метод, основанный на рассмотрении оценок и в основном применяемый для изучения объектов, представимых в виде глобальных элементов некоторого пучка» [6, с. 341].

Оценка определяется так: «Оцениванием (оценкой) в данном языке для фиксированной решетки X называется сопоставление каждой формуле ϕ элемента из X , обозначаемого $\|\phi\|_X$ или короче $\|\phi\|$, причем логические связи языка моделируются операциями в решетке X . Последнее означает, что $\|\phi \wedge \psi\| = \|\phi\| \wedge \|\psi\|$, $\|\phi \vee \psi\| = \|\phi\| \vee \|\psi\|$, $\|\phi \rightarrow \psi\| = \|\phi\| \rightarrow \|\psi\|$, $\|\neg \phi\| = \neg \|\phi\|$ » [7, с. 101].

Такой вид оценки позволяет, как это уже было описано на примере отношения между функциями в обобщенной форме, заменять отношения между исследуемыми объектами (формулами, функциями и т. д.) отношениями между отдельными «элементами» некоторой решетки с учетом введенной на ней меры.

В статье [8] отстаивается точка зрения, согласно которой этот метод эффективен при изучении типов формальной логики и позволяет рассматривать взаимосвязь между различными типами логики на основе исследования взаимосвязи порождающих их структур, на которых принимает значение оценка.

В работе [9] показано, что выбором структуры $\mathfrak{I}(I)$ на множестве всех подмножеств некоторого индексного множества $P(I)$ ($\mathfrak{I}(I) \subseteq P(I)$) и отношения эквивалентности на нем (меры на значениях истинности) может быть получена как интуиционистская логика, так и двойственная ей, то есть логика, в которой имеет место оценка формулы $\|a \wedge \neg a\| \geq 0$.

Там же показано, что разделение оценки позволяет ввести обобщенную формулировку правила *modus ponens* для случая, когда в качестве такой структуры

выбран фильтр на решетке множеств: $\|\varphi_k\| \in j, \|\varphi_k \Rightarrow \varphi_k^1\| \in j$ влечет $\|\varphi_k^1\| \in j$, где j – фильтр на алгебре оценок. При этом общепринятая формулировка этого правила есть его частный случай при $j=1$.

Исследование логик на основе использования обобщенного нестандартного анализа позволяет исследовать на единой основе и систематизировать неклассические логики, аксиоматика которых строилась на синтаксической основе. В частности, в работе [10, с. 151] приводится вариант неклассической логики, в которой используется два вида отрицания, так называемой Н-В логики. Анализ аксиом этой логики, проведенный на основе оценки со значением на импликативной решетке общего вида показал, что аксиомы Н-В логики являются выводимыми теоремами для решеток общего вида с двумя дополнениями [8].

Дальнейшее развитие этого подхода может быть связано с использованием в нем языка теории категорий. В теории категорий «логики» как вид исследования структур представляют собой семейство функторов из категорий, соответствующих формальным теориям в категории структур, на которых принимает значение оценка, при этом оценка рассматривается как функтор, сохраняющий дополнительную структуру. При использовании языка теории категорий для исследования логических исчислений нельзя исключать и того, что логики будут рассматриваться как динамические системы, поскольку уже введен термин «локальная истинность». С этой целью в работе [2] рассматривается язык PL, в который включена новая связка ∇ , и если α – формула этого языка, то формула $\nabla\alpha$ читается «локально имеет место, что α ».

«Выявление» диалектического аспекта в развитии современной математики (если быть более точным, то принципа) становится актуальной задачей. Это связано с тем, что развитие математики, ее выход за имеющиеся на данный момент границы, с одной стороны, неизбежны, с другой – из-за своего «случайного» характера приводят к нарушению единства внутри математики, изолированности, несвязности ее разделов.

Тем самым нарушается органическое «единство» математики, ставится под вопрос само существование ее как понятия. Существующая изолированность различных областей математики и порождает «иллюзии» необходимости новой математики, что довольно естественно при наличии фактически множественности математик, порождаемой упомянутой изолированностью ее разделов и направлений развития.

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель, пер. с нем. – СПб.: Наука, 1997. – 799 с.
2. Гольдблатт Р. Топосы. Категорный анализ логики / Р. Гольдблатт, пер. с англ. – М.: Мир, 1983. – 438 с.
3. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер, пер. с нем. – М.: Мысль, 1993. – 663 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1 / Г. В. Ф. Гегель, пер. с нем. – М.: Мысль, 1974. – 451 с.
5. Лосев А. Ф. Диалектические основы математики / А. Ф. Лосев. – М.: Academia, 2013. – 797 с.
6. Любецкий В. А. Некоторые применения теории топосов к изучению алгебраических систем // П. Т. Джонсон. Теория топосов. – М.: Наука, 1986. – С. 376–433.
7. Любецкий В. А. Оценки и пучки. О некоторых вопросах нестандартного анализа // УМН. Т. 44, вып. 4 (269). – С. 99–153.
8. Титов А. В. Использование нефинитных методов в семантическом подходе к исследованию типов формальной логики // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Философия, Культурология, Политология, Социология. – 2016. – Т. 2 (68), № 4. – С. 143–156. [ISSN 1606-3715]
9. Титов А. В. Диалектика в развитии типов логических исчислений на основе структур значений оценки / А. В. Титов // Доказательство, очевидность, достоверность и убедительность в математике. Труды Московского семинара по философии математики / Под ред. В. А. Бажанова, А. Н. Кричевца, В. А. Шапошниковой. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 432 с.
10. Васюков В. Л. Категорная логика / В. Л. Васюков. – М.: АНО Институт логики, 2005. – 194 с.

Titov A. V. The Dialectical Aspects of the Development of Mathematics and Mathematical Logic as the Antithesis of Pure Mathematics and Mathematics of Science // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 1. – P. 74–84.

Currently mathematics is becoming increasingly "fragmented" nature. On the one hand there are new abstract movement in "pure" mathematics, like the theory of categories. On the other hand, mathematics is "closed" within their chosen disciplines. A growing variety of areas in pure mathematics and in its applications. Look for new grounds where you could be based all directions, and where could they would acquire an organic unity.

To ensure unity of mathematics in process of its development requires a common philosophical framework that could serve as the basis for explanation of the driving forces behind this development.

The article discusses the possibility of considering the development process of mathematics in the dialectical basis.

Key words: dialectic, pure mathematics, mathematics science, formation, removal, and formal logic, valuation, semantics, mathematical structure, measure, algebraic structure, the lattice of implicative lattice.

References

1. G. V. F. Hegel'. Nauka logiki [Wissenschaft der Logik]. St. Petersburg, Science Publ., 1997. 799 p.
2. R. Goldblatt. Toposy. Kategornyi analiz logiki [Topoi. The Categorical Analysis of Logic]. Moscow, World Publ., 1983, 468 p.
3. O. Shpengler. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii [The Decline of Europe. Essays on Morphology of World History]. Moscow, Thought Publ., 1993, 663 p.
4. G. V. F. Hegel'. Entsiklopediya filosofskikh nauk [Encyclopedia of Philosophical Sciences. vol. 1]. Moscow, Thought Publ., 1974, 451 p.
5. A. F. Losev. Dialekticheskie osnovy matematiki [The Dialectical Foundations of Mathematics]. Moscow, Academia Publ., 2013, 797 p.
6. V. A. Lyubetskii. Nekotorye primeneniya teorii toposov k izucheniyu algebraicheskikh sistem [Some Applications of Topos Theory to the Study of Algebraic Systems]. P. T. Johnson. Topos theory. Moscow, Science Publ., 1986. pp. 376–430.
7. V. A. Lyubetskii. Otsenki i puchki. O nekotorykh voprosakh nestandartnogo analiza [Valuations and Sheaves. On Some Questions of Nonstandard Analysis]. Russian Mathematical Surveys, 1989, 44, 4 (269), pp. 99–153.
8. A. V. Titov. Ispolzovanie nefinitnykh metodov v semanticheskom podkhode k issledovaniyu tipov formal'noi logiki [The Use of Non-finite Methods in Semantic Approach to the Study of Formal Logic Types.]. Uchenye zapiski Krymskogo gosudarstvennogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya: Filosofiya, Kul'turologiya, Politologiya, Sociologiya [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy]. Political science. Culturology, 2016, Vol 2 (68), no. 4, pp. 143–154.
9. A. V. Titov. Dialektika v razvitiy tipov logicheskikh ischislenii na osnove struktur znachenii otsenki [The Dialectic in the Development of Types of Logical Calculi on the Basis of Structures of the Estimated Values]. Dokazatel'stvo ochevidnost', dostovernost' i ubeditel'nost' v matematike. Trudy Moskovskogo seminara po filosofii matematiki [Proof. Moscow Studies in the Philosophy of Mathematics] ed. by V. A. Bazanova, A. N. Krichevets, V. A. Shaposhnikov, Moscow, Book house "LIBROKOM", 2014, 432p.
10. Vasyukov V. L. «Kategor'naya logika» ["Categorical logic"]. Moscow, ANO Institute of logics, 2005, 194 p.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 4 (70). 2018. № 1. С. 85–96.

УДК: 323.23

УКРАИНСКИЕ ПРЕЗИДЕНТЫ И КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ: ПРОБЛЕМЫ, ОБЕЩАНИЯ, ИТОГИ

Демешко Н. Э.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: natalidem93@mail.ru

В статье раскрывается технологическая составляющая взаимодействия украинских президентов с крымско-татарским этносом. Актуальность данного исследования определяется реакцией международного сообщества на воссоединение Крыма с Россией. С 2014 года иностранные политические, научные и культурные элиты наиболее активно начинают использовать крымско-татарский вопрос в информационном противостоянии с Россией. При этом Украина не является исключением и выступает на современном этапе одним из проводников интересов западных государств по влиянию на российское этноцивилизационное пространство посредством крымско-татарского фактора. Это явно прослеживается в многочисленных обвинениях России в нерешении крымско-татарского вопроса, притеснении основных прав и свобод крымских татар на территории российского Крыма. Изучение опыта взаимодействия политической элиты Украины с крымскими татарами необходимо для нивелирования попыток идеализации совместного прошлого Украины и крымских татар. Последние используются иностранными государствами для оказания деструктивного влияния на международный и внутригосударственный имидж России. В данном исследовании на основании изучения политической литературы, предвыборных программ действующего и экс-президентов Украины, правительственных указов, публикаций средств массовой информации автор определяет политические технологии, применяемые президентами Украины относительно крымских татар с 1991 по 2017 гг.

Ключевые слова: крымские татары, президенты, Украина, политические технологии.

В результате восстановления российского суверенитета над Крымским полуостровом был актуализирован вопрос реинтеграции Крыма в условиях многонационального населения полуострова и последующей негативной западной реакции на действия Российской Федерации.

Россия, являясь островом, откатившимся после развала СССР к своим усеченным границам, все же не смогла даже в таком образе избавиться от принадлежности к восточным типам империй, которые отличаются от западных: отсутствием заморских территорий, многонациональностью, многоконфессиональностью и другими имперскими характеристиками. При этом в

их историческом опыте ослабление и разрушение были связаны с развитием национальных и националистических движений на своих перифериях [9, с. 18–19]. В практическом контексте ослабление или усиление современной России будет связано с успешным разрешением или неразрешением эффективных механизмов интеграции различных национальностей в общероссийское пространство. Эти факторы прекрасно понимаются и применяются конкурентными геополитическими системами, которые активно используют национальный вопрос с целью ослабления России на внутригосударственном и международном уровнях. Данные механизмы прослеживаются на примере крымско-татарского народа. Международный резонанс многочисленных обвинений в отношении России в нерешенности крымско-татарского вопроса, притеснении основных прав и свобод данного этноса на территории Крыма формирует актуальность изучения опыта взаимодействия украинской политической элиты с ним. Это позволит нивелировать попытки идеализации взаимоотношений правительства Украины с крымскими татарами.

Цель данной работы заключается в системном исследовании политики украинских президентов относительно крымских татар. В рамках достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

1. Изучить политическую литературу, посвященную взаимодействию крымских татар с украинским правительством;
2. Проанализировать предвыборные программы президентов Украины;
3. Исследовать правительственные указы в отношении крымских татар 1991–2017 гг.;
4. Рассмотреть публикации средств массовой информации о положении крымских татар на территории Крыма;
5. Определить политические технологии, применявшиеся украинской политической элитой для взаимодействия с крымско-татарским этносом.

Исследование проходило в рамках разработанной научной методологии, которая заключается в применении системного, геополитического и цивилизационного подходов. В качестве основных методов исследования используются: изучение литературы и документов, контент-анализ, анализ, типологизация, мониторинг средств массовой информации, изучение и обобщение опыта взаимодействия украинских президентов с крымско-татарским этносом.

Изучение политической литературы, предвыборных программ, указов, публикаций средств массовой информации, отображающих взаимодействие украинской политической элиты с крымскими татарами с 1991 по 2017 гг., позволило выделить политические технологии, применяемые президентами Украины:

1. Обещания крымско-татарскому электорату в ходе избирательных кампаний;
2. Создание политических и экономических механизмов для установления контроля над представителями крымско-татарского этноса;
3. Применение санкций относительно представителей крымско-татарской политической элиты, которая выбирала позицию, не совпадающую с президентской;
4. Внедрение в массовое сознание выгодных власти этноисторических мифов и этнических символов;

5. Использование крымско-татарской политической элиты для нивелирования пророссийских настроений населения Крыма;

6. Поддержание амбиций националистических «лидеров» крымских татар, стремящихся аргументировать притязания на власть и территорию Крыма посредством доказательств автохтонности крымско-татарского народа;

7. Популяризация идеи об уязвимом положении крымских татар на территории российского Крыма;

8. Использование картографии в формировании представлений о территориальной принадлежности Крыма Украине;

9. Интернационализация крымско-татарского вопроса.

Теперь рассмотрим данные политические технологии более подробно.

1. Обещания крымско-татарскому электорату в ходе избирательных кампаний. Чаще всего в них фигурировали восстановление прав, предоставление земли и автономии. Стоит отметить, что контент-анализ предвыборных программ четырех президентов Украины: Л. М. Кравчука [22], Л. Д. Кучмы [23, 24], В. А. Ющенко [26], В. Ф. Януковича [27] – показал отсутствие упоминания в этих документах крымских татар и Крыма. Исключением является П. А. Порошенко, выборы которого происходили после событий весны 2014 года. В предвыборной программе действующего президента Украины крымские татары упоминаются единожды – как коренное население Крыма, которое требует защиты со стороны украинского государства [25]. Данное исключение объясняется стремлением дестабилизировать российское пространство с помощью крымско-татарского вопроса.

Стоит отметить, что многочисленные обещания о восстановлении прав, предоставлении земли и автономии традиционно звучали в устной форме. Наиболее показательным в этом отношении является В. А. Ющенко. Так, например, будучи кандидатом в президенты Украины в 2004 году Ющенко обещал решить земельный вопрос в Крыму, реабилитировать крымских татар [4]. При этом на первой встрече с представителями крымско-татарской общественности в 2005 году президент потребовал, чтобы из старой декларации Курултая 1991 года они убрали слова о борьбе крымско-татарского народа за национальное освобождение [34]. Дальнейшие действия (принятие закона № 578-V «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины по поводу усиления ответственности за самовольное занятие земельного участка») [11] также не соответствовали обещаниям Ющенко. Данную тенденцию можно объяснить цитатой из работы французского историка, социолога и психолога Г. Лебона: «написанная программа кандидата не должна быть чересчур категоричной, так как противники могут ею воспользоваться и предъявить ему ее впоследствии; но зато словесная программа должна быть самой чрезмерной. Он может обещать без всяких опасений самые важные реформы. Все эти преувеличенные обещания производят сильное впечатление в данную минуту, в будущем же ни к чему не обязывают» [17, с. 349].

2. Создание политических и экономических механизмов для установления контроля над представителями крымско-татарского этноса через интеграцию структур «Курултай-Меджлиса» во властную систему Украины с помощью

включения представителей Меджлиса в проходные части партийных списков на выборах депутатов украинского парламента (от партий «Народное движение Украины», «Народный Рух Украины», «Наша Украина», блок «Наша Украина – Народная самооборона», «Батьківщина», Блок Петра Порошенко), а также посредством своеобразной легализации Меджлиса в день 55-летней годовщины депортации крымских татар. Президент Л. Д. Кучма 18 мая 1999 г. учредил Совет представителей крымских татар при Президенте Украины [19, с. 214] и достаточно эффективно использовал созданный им орган для установления контроля над крымско-татарской политической элитой.

3. Применение санкций относительно представителей крымско-татарской политической элиты, которая выбирала позицию, не совпадающую с президентской. Данную технологию подтверждают действия Кучмы перед выборами 2004 года, когда им было наложено вето на «Закон о восстановлении прав лиц, депортированных по национальному признаку» [20]. Эти действия можно оценивать как ответ на решение Меджлиса поддержать на президентских выборах В. А. Ющенко, которое противоречило выбору действующего президента, поскольку своим преемником он считал В. Ф. Януковича [16].

В. Ф. Янукович, убедившись в проблематичности выстраивания конструктивного диалога с представителями Меджлиса (первую встречу с президентом Украины представители данной организации проигнорировали) [33], издал указ, существенно изменивший принципы комплектования и персональный состав Совета представителей крымских татар. Теперь совещательный орган формировался Администрацией Президента. Совет был сокращен с 33 человек до 19. Из 19 его членов только 8 – представители Меджлиса, остальные являлись давними и непримиримыми критиками структуры «Курултай-Меджлис». Не менее важно то обстоятельство, что эта структура фактически утратила непосредственную коммуникацию с президентом [19, с. 215].

4. Внедрение в массовое сознание выгодных власти этноисторических мифов и этнических символов. В ходе реализации этой политической технологии в большей степени было задействовано два направления: депортация крымско-татарского народа в 1944 году и национальные герои. Использование национальной трагедии крымских татар прослеживалось в подписании указов, связанных с 18 мая 1944 года, которые не несли практической пользы для данного народа и ограничивались исключительно эмоциональным уровнем, а также формированием антироссийского мировоззрения у отдельных его представителей. Так, перед выборами президент Украины Л. М. Кравчук подписал Указ 14 апреля 1994 года «О мероприятиях по ознаменованию памяти жертв депортации из Крыма». 18 мая (день депортации крымских татар) был объявлен Днем скорби и памяти [36].

Третий президент Украины В. А. Ющенко 30 апреля 2009 года подписал Указ «О мерах в связи с 65-й годовщиной депортации из Крыма крымских татар и других лиц по национальным признакам». По поручению президента Служба безопасности Украины (СБУ) рассекретила материалы о депортации и создала в Главном управлении СБУ в Крыму специальное следственное подразделение, которое должно было заниматься расследованием преступлений против крымских татар с

целью возбуждения уголовного дела по факту депортации крымско-татарского народа и представителей других национальных меньшинств из Крыма [12].

После политических событий 2014 года украинский парламент 12 ноября 2015 года принял постановление (№ 2493) о признании депортации крымских татар геноцидом, 18 мая на территории Украины отмечается как День памяти жертв геноцида [3].

Стоит отметить, что указание на умышленное уничтожение советской властью крымских татар прослеживается и в публикациях украинского научного сообщества [2], которое также оказывает значительное влияние на формирование антироссийского мировоззрения у представителей крымско-татарского этноса.

Вторым направлением по внедрению в массовое сознание выгодных власти этноисторических мифов и этнических символов являлись образы национальных героев. Это можно объяснить тем, что национальный герой – это идейный ориентир народа. Учитывая восточный менталитет крымских татар и особую роль авторитетов для данного этноса, одним из способов формирования эмоционально отрицательного восприятия России крымскими татарами является искажение политических взглядов национальных героев, что явно прослеживается на примере И. Гаспринского. На территории Крыма в украинский период истории полуострова с 1992 года начинают публиковаться исследования, в которых политика царской России характеризуется как колониальная, тормозившая распространение просвещения среди местного населения [1, с. 12]. В данных работах крымско-татарский просветитель, редактор-издатель газеты «Переводчик-Терджиман» И. Гаспринский изображается «изобличителем сущности колонизаторской политики царского правительства к малым, в частности к тюрко-татарским народам» [8, с. 36–37]. Указывается, что Гаспринский стремился добиться «освобождения его от гнета самодержавия» [1, с. 30], а также «открыто заявлял о политике угнетения, оскорбления, унижения, которая, по сути, направлена к постепенному уничтожению» [8, с. 36–37]. Анализ содержания работ Гаспринского: «Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина», «Русско-восточное соглашение. Мысли, заметки и пожелания» [5], а также материалов газеты «Переводчик-Терджиман» не подтверждает тезисы данных исследователей. Более того, в статьях периодического издания прослеживается явный вектор публикаций противоположного характера, направленный на формирование идентичности мусульман России с целью интеграции данного этноса в общероссийское политическое, экономическое и культурное пространство [10, с. 52].

Следующим шагом являлось разрушение советских символов (особенно образов победы народов СССР в Великой Отечественной войне) и подмена смысловой нагрузки понятия «герой». Данные методы начали применяться украинской политической элитой в первом десятилетии XXI в., когда начался цивилизационный раскол Украины, который подразумевал наличие разных героев периода Великой Отечественной и Второй мировой войн. В этом контексте украинская политическая элита, а также представители Меджлиса стремились

показать равнозначность исторических личностей Гаспринского и фашистского пособника Кырымала, останки которого в 2007 г. были доставлены из Германии в Крым для перезахоронения на территории крымско-татарского медресе «Зынджырлы» рядом с Гаспринским. Активисты Меджлиса провозгласили Кырымала «выдающимся государственным деятелем крымско-татарского народа» [32].

Вышеприведенные действия можно объяснить продолжением политики В. А. Ющенко по пересмотру истории Великой Отечественной войны с использованием антироссийского подхода для формирования в коллективной памяти образа единого врага украинцев и крымских татар в лице России. Украинское правительство таким способом пыталось сформировать единую политическую нацию.

5. Использование крымско-татарской политической элиты для нивелирования пророссийских настроений населения Крыма. На выборах президента Украины Меджлис неизменно рекомендовал крымско-татарскому электорату голосовать за претендентов на пост главы государства, явно тяготеющих к прозападной геополитической ориентации. Так, нерешенность основополагающих вопросов обустройства крымско-татарских репатриантов в ходе первого срока правления Кравчука не помешала Меджлису на 34-м заседании принять решение рекомендовать крымским татарам участвовать в выборах, отдавая свои голоса за действующего президента [36]. М. Джемилев, в тот период лидер Меджлиса, следующим образом прокомментировал данное решение: «На выборах 1994 года мы поддержали Кравчука, поскольку по сравнению с его соперником он казался нам более независимым, менее пророссийским» [28]. Идентичная тенденция прослеживалась и через десять лет. На выборах 2004 года крымские татары массово поддержали В. А. Ющенко, в отличие от других жителей Крыма, в большей степени тяготеющих к кандидатуре В. Ф. Януковича [15].

6. Поддержание амбиций националистических «лидеров» крымских татар, стремящихся аргументировать притязания на власть и территорию Крыма посредством доказательств автохтонности крымско-татарского народа. Эта политическая технология начала активно использоваться после включения Крыма под юрисдикцию Российской Федерации. Только после данного события Украина присоединилась к Декларации ООН 2007 года (№ 61/295) «О правах коренных народов» [31]. Стоит отметить, что десять лет назад Украина была одним из 10 государств, не присоединившихся к данному документу. Интерес представляет ответ Ю. Решетникова (занимающего на тот момент пост председателя Государственного комитета по делам национальностей и религий) на вопрос, почему Украина воздержалась при принятии Генассамблеей ООН «Декларации о правах коренных народов мира»: «В соответствии со статьей 11 конституции Украины государство способствует консолидации и развитию украинской нации. А в соответствии со статьей 92 основного закона, вопросы, связанные со статусом коренных народов, определяются исключительно законами Украины. Позиция Украины в этом вопросе простая и четкая: международные документы не должны

стать фундаментом для сепаратистских настроений и нарушения территориальной целостности государства» [14].

Стоит отметить, что статус коренного народа позволил бы претендовать крымским татарам на земли, территории и ресурсы, которым владел народ в прошлом [21, с. 25–26], или компенсацию, квоту на места в парламенте [21, с. 22], а также автономию [21, с. 72].

7. Популяризация идеи об уязвимом положении крымских татар и украинцев на территории российского Крыма. Использование данной технологии подтверждают публикации в украинских средствах массовой информации («Крым. Реалии», «Голос Крыма», «Крымские новости» QNA, «События Крыма», «Новости Крыма за 15 минут») [6], а также интервью Порошенко [29], его предвыборная программа [25] и проекты украинских активистов, в которых постоянно акцентируется внимание на притеснениях прав и свобод крымских татар, арестах, обысках домов и убийствах. По инициативе координатора общественной организации «Крым SOS» Тамилы Ташевой в партнерстве с Управлением верховного комиссариата ООН по делам беженцев был реализован проект «Интерактивная карта насилия». Карта регулярно обновляется, формируя у пользователей сети Интернет восприятие российского полуострова как «зоны страха и бесправия» [7]. Таким образом, происходит попытка объединения двух национальных идей (украинской и крымско-татарской) путем формирования устойчивого мнения о внешней угрозе со стороны Российской Федерации.

8. Использование картографии в формировании представлений о территориальной принадлежности Крыма Украине. Данная политическая технология приобрела практическую значимость после событий 2014 года. Через научную литературу и СМИ систематически распространяются изображения территории Крымского полуострова в составе Украины. Широкое использование этой технологии можно объяснить тем, что «карта как способ “свертывания” и соединения разнородной информации обладает не просто огромной, почти мистической эффективностью. Карта мобилизует пласты неявного знания и мобилизует подсознание, гнездящиеся в нем иррациональные установки и предрассудки – надо только умело подтолкнуть человека на нужный путь работы мысли и чувства. При этом возможности создать в воображении человека именно тот образ, который нужен идеологам, огромны. В то же время карта воспринимается как продукт уважаемой и старой науки и воздействует на сознание человека всем авторитетом научного знания» [13, с. 52].

9. Интернационализация крымско-татарского вопроса. Применение указанной политической технологии демонстрируют: приглашение украинским правительством представителей международных организаций для оценки положения в области прав человека на территории Крыма [18], подача Украиной в январе 2017 года иска в Международный суд против России, в котором фигурирует вопрос о дискриминации крымских татар на территории Крыма [35], а также многочисленные обращения Порошенко к мировому сообществу о недопустимости запрета Меджлиса и нарушении правительством России прав крымских татар [30].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, украинское правительство не решало экономических и социальных проблем крымских татар, но компенсировало это в пространстве идей и смыслов в сфере «мягкой силы».

Во-вторых, украинская политическая элита давала обещания крымским татарам, которые невозможно было реализовать по различным причинам, либо предоставляла обещанное, когда уже не владела данными ресурсами.

В-третьих, политический союз украинской и крымско-татарской политических элит является ситуативным и, по всей видимости, не долговременным, поскольку одновременное существование двух националистических идей возможно при условии наличия общего внешнего врага, которым в данном случае объявляется Россия. При этом создание и поддержание такого имиджа происходит на политическом, информационном и научном уровнях.

Список литературы

1. Аблаев Э. А. Исмаил Гаспринский – гуманист, педагог, просветитель / Э. А. Аблаев. – Симферополь: Таврия, 2010. – 156 с.
2. Белицер Н. Депортация крымских татар как еще один геноцид в СССР. URL: <http://islam.in.ua/ru/islamovedenie/deportaciya-krymskih-tatar-kak-eshche-odin-genocid-v-sssr> (Дата обращения: 13.12.2017).
3. Верховна Рада України ухвалила Постанову «Про визнання геноциду кримськотатарського народу». URL: <http://rada.gov.ua/onion.gold/news/Novyny/119029.html> (Дата обращения: 04.12.2017).
4. Волков В. В. Возможна ли история крымских татар с чистого листа? URL: <http://rusrand.ru/analytics/vozmozhna-li-istorija-krymskih-tatar-s-chistogo-lista> (Дата обращения: 04.12.2017).
5. Гаспринский И. Россия и Восток / И. Гаспринский. – Казань: Татарское книжное издательство, 1993. – 132 с..
6. Губа К. Информационные диверсии против российского Крыма. URL: <http://ukraina.ru/analytics/20151008/1014499682.html> (Дата обращения: 13.12.2017).
7. Гузенкова Т. С., Неменский О. Б., Хизриева Г. А. Крымские татары: особенности и проблемы интеграции в российское пространство. URL: <http://newknowledge.ru/articles/krymskie-tatary-osobennosti-i-problemy-integracii-v-rossijskoe-prostranstvo/> (Дата обращения: 11.12.2017).
8. Зиядинов Ф. Исмаил Гаспринский – великий просветитель / Ф. Зиядинов. – Симферополь: Тарпан, 2001. – 256 с.
9. Ирхин А. А. Геополитические циклы Евразии и национальные интересы Украины / А. А. Ирхин. – Севастополь: Рибэст, 2011. – 294 с.
10. Ирхин А. А., Демешко Н. Э. Роль И. Гаспринского в формировании идентичности русских мусульман // Вестник развития науки и образования. – 2015. – № 6. – С. 49–58.
11. Итоги национальной политики. URL: <https://avdet.org/ru/2010/01/18/itogi-natsionalnoj-politiki-2009/> (Дата обращения: 04.12.2017).
12. Как Виктор Ющенко с межлисом встречался. URL: <http://old.kreho.info/index.php?name=News&op=article&sid=2747> (Дата обращения: 04.12.2017).
13. Кара-Мурза С. Г. Демонтаж народа / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2015. – 704 с.
14. Киев пояснил крымским татарам, почему Украина не поддержала декларацию ООН о правах коренных народов. URL: <http://restin.crimea.ua/article.php?id=63558> (Дата обращения: 04.12.2017).
15. Крымские татары: 25 лет на родине. URL: http://flot2017.com/posts/new/_4106 (Дата обращения: 12.12.2017).

16. Кучма назвал имя преемника: Янукович. URL: <https://rusk.ru/newsdata.php?idar=704115> (Дата обращения: 03.12.2017).
17. Лебон Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – М.: АСТ, 2017. – 384 с.
18. Миссия по оценке положения в области прав человека в Украине. Положение в области прав человека и прав национальных меньшинств (миссия БДИПЧ: 6 марта – 1 апреля 2014 г.; миссия ВКНМ: 8 марта – 17 апреля 2014 г.). URL: <http://www.osce.org/ru/odihr/122194?download=true> (Дата обращения: 13.12.2017).
19. Никифоров А. Р. Политические процессы в крымскотатарском национальном движении (2010–2013 гг.). URL: <http://kniga.lib-i.ru/26raznoe/11858-1-etnopolitika-udk-32315-3275-316722-nikiforov-kand-ist-nauk-docent-tavricheskiy-nacionalniy.php> (Дата обращения: 04.12.2017).
20. Осман Д. Крымские татары и Украина: работа над ошибками. URL: <https://ru.krymr.com/a/26529182.html> (Дата обращения: 04.12.2017).
21. Осуществление Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. URL: <http://www.undp.org/content/dam/undp/library/Democratic%20Governance/Human%20Rights/RightsOfIndigenousPeoples-HandbookForParliamentarians-RU.pdf> (Дата обращения: 04.12.2017).
22. Передвиборна програма кандидата у Президенти України Кравчука Леоніда – 1991. URL: <https://constituanta.blogspot.com/2014/10/1991.html> (Дата обращения: 04.12.2017).
23. Передвиборна програма кандидата у Президента України Кучми Леоніда – 1994. URL: <https://constituanta.blogspot.com/2014/10/1994.html> (Дата обращения: 04.12.2017).
24. Передвиборна програма кандидата у Президента України Кучми Леоніда – 1999. URL: <https://constituanta.blogspot.com/2014/10/1999.html> (Дата обращения: 12.12.2017).
25. Передвиборна програма кандидата в Президенти України Порошенка Петра – 2014. URL: https://constituanta.blogspot.com/2014/10/2010_27.html (Дата обращения: 04.12.2017).
26. Передвиборна програма кандидата у Президента України Ющенка Віктора – 2004. URL: https://constituanta.blogspot.com/2014/10/2004_24.html (Дата обращения: 04.12.2017).
27. Передвиборна програма кандидата на пост Президента України Януковича Віктора – 2010. URL: https://constituanta.blogspot.com/2014/10/2010_25.html (Дата обращения: 04.12.2017).
28. Петухов С. Мустафа Джемилев: Перед выборами все начинают нас любить. URL: <https://avdet.org/ru/2011/10/03/mustafa-dzhemilev-pered-vyborami-vse-nachinayut-nas-lyubit/> (Дата обращения: 04.12.2017).
29. Порошенко на Генассамблее ООН поднимет вопрос о притеснениях крымскотатарского народа в Крыму. URL: <https://www.segodnya.ua/politics/pnews/poroshenko-na-genassamblee-onn-podnimet-vopros-o-pritesneniyah-krymskotatarskogo-naroda-v-krymu-651178.html> (Дата обращения: 02.12.2017).
30. Порошенко обратился к мировому сообществу из-за запрета Меджлиса. URL: <https://rian.com.ua/society/20160413/1008345429.html> (Дата обращения: 09.11.2017).
31. Постановление о правах крымско-татарского народа надо было принимать раньше – Джемилев. URL: <https://www.segodnya.ua/politics/pnews/postanovlenie-o-pravah-krymskotatarskogo-naroda-nado-bylo-prinimat-ranshe-dzhemilev-504057.html> (Дата обращения: 04.12.2017).
32. Сенюткина О. Н. Исмаил Гаспринский: личность и время. URL: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?2577> (Дата обращения: 04.12.2017).
33. Сергеева А. Крымско-татарский меджлис демонстративно отказался от встречи с Януковичем. URL: <https://newdaynews.ru/crimea/294785.html> (Дата обращения: 04.12.2017).
34. Сергеева А., Дорофеев А. Министр иностранных дел Украины поддерживает создание крымско-татарского государства. URL: <http://www.zaistinu.ru/articles?aid=1011&makecomment=1> (Дата обращения: 12.12.2017).
35. Суд ООН в Гааге отказался наказывать Россию за «финансирование терроризма» в Украине, но признал ущемление прав крымских татар. URL: <https://www.currenttime.tv/a/28439269.html> (Дата обращения: 10.11.2017).

36. Червонная С. М. Возвращение крымскотатарского народа: проблемы этнокультурного возрождения. Крымскотатарское национальное движение. Том 4.: 1994–1997 годы. URL: http://old.iea.ras.ru/books/11_KRIM4/100320041601_4.htm (Дата обращения: 04.12.2017).

Demeshko N. E. Ukrainian Presidents and Crimean Tatars: Problems, Promises, Results // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 1. – P. 85–96.

In the article the technological component of the interaction the Ukrainian presidents with the Crimean Tatar ethnos reveals. The relevance of this research is decided by the reaction of the international community to reunion the Crimea to Russia. Since 2014 foreign political, scientific and cultural elite begins to use the Crimean Tatar question in information opposition with Russia very actively. At the same time Ukraine isn't an exception. At the present stage Ukraine acts as one of the interests conductor of the western states to influence on the Russian ethno-civilization space by means of the Crimean Tatar factor. It is obviously traced in numerous blames of Russia. The state is accused of basic rights oppression and liberty of the Crimean Tatars on the Crimean territory. It is necessary to study experience of the interaction between the Ukrainian political elite and the Crimean Tatars in order to level destructive influence of the foreign states on the international and interstate image of Russia. In this research the author defines the political technologies applied by Ukraine presidents towards Crimean Tatars from 1991 to 2017 on the basis of the studying of political literature, election programs Ukraine operating and ex-presidents, government decrees, publications of mass media.

Key words: Crimean Tatars, presidents, Ukraine, political technologies.

References

1. Ablaev E. A. Ismail Gasprinskii – gumanist, pedagog, prosvetitel' [Ismail Gasprinsky is the Humanist, the Teacher, the Educator]. Simferopol, Tavriya Publ., 2010, 156 p.
2. Belitser N. Deportatsiya krymskikh tatar kak eshche odin genotsid v SSSR [Deportation of the Crimean Tatars as one More Genocide in the USSR]. URL: <http://islam.in.ua/ru/islamovedenie/deportatsiya-krymskikh-tatar-kak-eshche-odin-genocid-v-sssr> (Accessed: 13 December 2017)
3. Verhovna Rada Ukrayini uhvalila Postanovu «Pro viznannya genotsidu krimskotatarskogo narodu» [The Government of Ukraine has Approved the Resolution "About Recognition of Genocide of the Crimean Tatar Nation"]. URL: <http://rada.gov.ua/onion.gold/news/Novyny/119029.html> (Accessed: 04 December 2017)
4. Volkov V. V. Vozmozhna li istoriya krymskikh tatar s chistogo lista? [Whether the History of the Crimean Tatars from Scratch is Possible?] URL: <http://rusrand.ru/analytics/vozmozhna-li-istoriya-krymskikh-tatar-s-chistogo-lista> (Accessed: 04 December 2017)
5. Gasprinskii I. Rossiya i Vostok [Russia and East]. Kazan', Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1993, 132 p.
6. Guba K. Informatsionnye diversii protiv rossiiskogo Kryma [Information Diversions against the Russian Crimea]. URL: <http://ukraina.ru/analytics/20151008/1014499682.html> (Accessed: 13 December 2017)
7. Guzenkovova T. S., Nemenskii O. B., Khizrieva G. A. Krymskie tatary: osobennosti i problemy integratsii v rossiiskoe prostranstvo [Crimean Tatars: Features and Problems of Integration into the Russian Space]. URL: <http://newknowledge.ru/articles/krymskie-tatary-osobennosti-i-problemy-integracii-v-rossiiskoe-prostranstvo/> (Accessed: 11 December 2017)
8. Ziyadinov . Ismail Gasprinskii – velikii prosvetitel' [Ismail Gasprinsky is the Great Educator]. Simferopol, Tarpan Publ., 2001, 256 p.
9. Irkhin A. A. Geopoliticheskie tsikly Evrazii i natsional'nye interesy Ukrainy [Geopolitical Cycles of Eurasia and Ukraine National Interests]. Sevastopol', Ribest, 2011, 294 p.
10. Irkhin A. A., Demeshko N. E. Rol' I. Gasprinskogo v formirovanii identichnosti russkikh musul'man [The Role of Ismail Gasprinsky in Shaping the Identity of Russian Muslims]. Vestnik razvitiya nauki i obrazovaniya [Bulletin of Science and Education Development]. 2015, № 6, pp. 49–58.
11. Itogi natsional'noi politiki [Results of National Policy]. URL: <https://avdet.org/ru/2010/01/18/itogi-natsionalnoj-politiki-2009/> (Accessed: 04 December 2017)

12. Kak Viktor Yushchenko s medzhlisom vstrechalsya [As Viktor Yushchenko Met Majlis]. URL: <http://old.kr-eho.info/index.php?name=News&op=article&sid=2747> (Accessed: 04 December 2017)
13. Kara-Murza S. G. Demontazh naroda [Dismantling of the National]. Moscow, Algoritm Publ., 2015, 704 p.
14. Kiev pojasnil krymskim tatarom, pochemu Ukraina ne podderzhala deklaratsiyu OON o pravakh korennykh narodov [Kiev has Explained to the Crimean Tatars why Ukraine hasn't Supported the Declaration of the UN on the Rights of Indigenous People]. URL: <http://restin.crimea.ua/article.php?id=63558> (Accessed: 04 December 2017)
15. Krymskie tatory: 25 let na rodine. URL: http://flot2017.com/posts/new/_4106 [Crimean Tatars: 25 Years in the Homeland] (Accessed: 12 December 2017)
16. Kuchma nazval imya preemnika: Yanukovich [Kuchma has Told the Name of the Successor: Yanukovich]. URL: <https://rusk.ru/newsdata.php?idar=704115> (Accessed: 03 December 2017)
17. Lebon G. Psikhologiya narodov i mass [Psychology of the People and Masses]. Moscow, AST Publ., 2017, 384 p.
18. Missiya po otsenke polozheniya v oblasti prav cheloveka v Ukraine. Polozhenie v oblasti prav cheloveka i prav natsional'nykh men'shinstv. (Missiya BDIPCh: 6 marta–1 aprelya 2014 g.; missiya VKNM: 8 marta–17 aprelya 2014 g.) [Mission for Assessment of Situation with Human Rights in Ukraine. Situation with Human Rights and Rights of Ethnic Minorities]. URL: <http://www.osce.org/ru/odihr/122194?download=true> (Accessed: 13 December 2017)
19. Nikiforov A. R. Politicheskie protsessy v krymskotatarskom natsional'nom dvizhenii (2010–2013 gg.) [Political Processes in the Crimean Tatar National Movement (2010–2013)]. URL: <http://kniga.lib-i.ru/26raznoe/11858-1-etnopolitika-udk-32315-3275-316722-nikiforov-kand-ist-nauk-docent-tavricheskiy-nacionalniy.php> (Accessed: 04 December 2017)
20. Osman D. Krymskie tatory i Ukraina: rabota nad oshibkami [Crimean Tatars and Ukraine: Correction of Mistakes]. URL: <https://ru.krymr.com/a/26529182.html> (Accessed: 04 December 2017)
21. Osushchestvlenie Deklaratsii Organizatsii Ob"edinennykh Natsii o pravakh korennykh narodov [Implementation of the United Nations Declaration on the Rights of Indigenous People] URL: <http://www.undp.org/content/dam/undp/library/Democratic%20Governance/Human%20Rights/RightsOfIndigenousPeoples-HandbookForParliamentarians-RU.pdf> (Accessed: 04 December 2017)
22. Peredviborna programa kandidata u Prezidenti Ukrayini Kravchuka Leonida 1991 [The Election Program of the Candidate for President of Ukraine Kravchuk Leonid (1991)]. URL: <https://constituanta.blogspot.com/2014/10/1991.html> (Accessed: 04 December 2017)
23. Peredviborna programa kandidata u Prezidenta Urayini Kuchmi Leonida 1994 [The Election Program of the Candidate for President of Ukraine Kuchma Leonid (1994)]. URL: <https://constituanta.blogspot.com/2014/10/1994.html> (Accessed: 04 December 2017)
24. Peredviborna programa kandidata u Prezidenta Urayini Kuchmi Leonida 1999 [The Election Program of the Candidate for President of Ukraine Kuchma Leonid (1999)]. URL: <https://constituanta.blogspot.com/2014/10/1999.html> (Accessed: 12 December 2017)
25. Peredviborna programa kandidata v Prezidenti UkraYini Poroshenka Petra 2014 [Election Program of the Candidate for President of Ukraine Poroshenko P. (2014)]. URL: https://constituanta.blogspot.com/2014/10/2010_27.html (Accessed: 04 December 2017)
26. Peredviborna programa kandidata u Prezidenta Urayini Yuschenka Viktora 2004 [Election Program of the Candidate for President of Ukraine Yushchenko Victor (2014)]. URL: https://constituanta.blogspot.com/2014/10/2004_24.html (Accessed: 04 December 2017)
27. Peredviborna programa kandidata na post Prezidenta Ukrayini Yanukovicha Viktora 2010 [Election Program of the Candidate for President of Ukraine Yanukovich Victor (2010)]. URL: https://constituanta.blogspot.com/2014/10/2010_25.html (Accessed: 04 December 2017)
28. Petukhov S. Mustafa Dzhemilev: Pered vyborami vse nachinayut nas lyubit' [Moustapha Dzhemilev: Before Elections all Begin to Love us]. URL: <https://avdet.org/ru/2011/10/03/mustafa-dzhemilev-pered-vyborami-vse-nachinayut-nas-lyubit/> (Accessed: 04 December 2017)
29. Poroshenko na Genassamblee OON podnimet vopros o pritesneniyakh krymskotatarskogo naroda v Krymu [Poroshenko on General Assembly of the UN will Bring up a Question of Oppressions the Crimean Tatar People in the Crimea]. URL: <https://www.segodnya.ua/politics/pnews/poroshenko-na->

- genassamblee-oon-podnimet-vopros-o-pritesneniyah-krymskotatarskogo-naroda-v-krymu-651178.html (Accessed: 02 December 2017)
30. Poroshenko obratilsya k mirovomu soobshchestvu iz-za zapreta Medzhliisa [Poroshenko has Addressed the World Community Because of Majlis the Ban]. URL: <https://rian.com.ua/society/20160413/1008345429.html> (Accessed: 09 November 2017)
 31. Postanovlenie o pravakh krymsko-tatarskogo naroda nado bylo prinitat' ran'she – Dzhemilev [The Resolution on the Rights of the Crimean Tatar People Should be Adopted Earlier – Dzhemilev]. URL: <https://www.segodnya.ua/politics/pnews/postanovlenie-o-pravah-krymskotatarskogo-naroda-nado-bylo-prinitat-ranshe-dzhemilev-504057.html> (Accessed: 04 December 2017)
 32. Senyutkina O. N. Ismail Gasprinskii: lichnost' i vremya [Ismail Gasprinsky: Personality and Time]. URL: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?2577> (Accessed: 04 December 2017)
 33. Sergeeva A. Krymsko-tatarskii medzhliis demonstrativno otkazalsya ot vstrechi s Yanukovichem [The Crimean Tatar Majlis has Defiantly Refused a Meeting with Yanukovich]. URL: <https://newdaynews.ru/crimea/294785.html> (Accessed: 04 December 2017)
 34. Sergeeva A., Dorofeev A. Ministr inostrannykh del Ukrainy podderzhivaet sozdanie krymsko-tatarskogo gosudarstva [The Minister of Ukraine Foreign Affairs Supports Creation of the Crimean Tatar State]. URL: <http://www.zaistinu.ru/articles?aid=1011&makecomment=1> (Accessed: 12 December 2017)
 35. Sud OON v Gaage otkazalsya nakazyvat' Rossiyu za "finansirovanie terrorizma" v Ukraine, no priznal ushchemlenie prav krymskikh tatar [The Court of United Nations Organization in the Hague has Refused to Punish Russia for "Terrorism Financing" in Ukraine, but Recognized Infringement of the Rights of the Crimean Tatars]. URL: <https://www.currenttime.tv/a/28439269.html> (Accessed: 10 November 2017)
 36. Chervonnaya S. M. Vozvrashchenie krymskotatarskogo naroda: problemy etnokul'turnogo vozrozhdeniya. Krymskotatarskoe natsional'noe dvizhenie. Tom 4.: 1994–1997 gody [Return of the Crimean Tatar People: Problems of Ethnocultural Revival. Crimean Tatar National Movement. Volume 4.: 1994–1997]. URL: http://old.iea.ras.ru/books/11_KRIM4/100320041601_4.htm (Accessed: 04 December 2017)

УДК 930.85:[321.151:2-447]

ГЕНДЕРНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПОСТРОЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ)

Дорофей Ю. О.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: julia_dorofej@mail.ru

Мировые постиндустриальные процессы влекут за собой фундаментальные изменения в культурно-нравственных структурах традиционно-патриархальных обществ. С распространением идей демократии и принципов гражданского общества одной из важнейших социальных задач становится преодоление всех видов дискриминации, в том числе и по признаку пола. В данной статье исследуется становление гендерного мировоззрения в контексте построения гражданского общества. Данный процесс рассмотрен на примере развития гендерной мировоззренческой позиции древнегреческого общества. Формирование общества граждан как такового начинает свою эволюцию именно в период античности. Античность – важная ступень в процессе формирования гендерных стереотипов европейского общества. Проанализированы социально-философские трактовки «мужского» и «женского», существовавшие в древнегреческой культурной традиции. Рассмотрены тенденции трансформации взглядов на природу женского начала. В гендерном ключе рассмотрены позиции Платона и Аристотеля не только как представителей классического периода античной философии, но и как представителей своего общества. Показана некоторая двойственность в утверждениях Платона и Аристотеля в контексте рассматриваемой проблемы. Предприняты попытки осмысления воспитательно-образовательной сферы как значимой в развитии древнегреческого общества граждан с позиции укрепившегося понимания гендерных ролей. Античность сформировала определенное гендерное мировоззрение, заложившее основы развития гендерной мировоззренческой позиции современного общества.

Ключевые слова. «мужское», «женское», гендер, гендерные роли, гражданское общество.

Современный этап общественного развития характеризуется качественными изменениями во всех сферах общественной жизни, в частности сменой мировоззренческих ориентаций и переосмыслением системы ценностей. В контексте постоянного развития личности изменяется и самосознание женщины, а именно осознание своей роли в обществе и стремление обратить на себя внимание общественности с целью оценки социальной значимости. Так, в период античности поднимается вопрос о социальной роли человека, наделенного определенными правами и обязанностями, в контексте развития объединения граждан. Соответственно, решения на уровне общества и государства принимаются исходя из общепринятых мировоззренческих установок. Рассмотрение гендерных аспектов

мировоззрения полезно и необходимо для изучения основ гендерного прогресса, формирования гендерной культуры в контексте демократического развития современной России.

Объект исследования. Мировоззрение античности в контексте формирования гражданского общества.

Предмет исследования. Гендерные особенности мировоззрения древнегреческого общества.

Цель исследования – продемонстрировать на примере древнегреческого общества процесс формирования гендерного мировоззрения, которое стало основой для распределения гендерных ролей в процессе формирования социальной политики государства и гражданского общества.

Задачи:

- анализ социально-философских трактовок «мужского» и «женского», существовавших в историко-философской и культурной традициях, выявление тенденций в трансформации взглядов на природу женского начала;
- изучение и анализ историко-философских воззрений о месте и роли женщин в древнегреческом обществе;
- исследование взаимосвязи гендерного мировоззрения древнегреческого общества и социальной политики, в частности в сфере воспитания и образования.

Методологической базой исследования являются диалектические принципы всеобщей связи и развития, метод социального детерминизма, историко-логический подход и анализ.

Научно-теоретической основой исследования античного периода стали изыскания А. Ф. Лосева [13; 1], который обосновал важность мифологического периода общества как отправной точки формирования мировоззрения цивилизации. Также необходимо выделить работы Н. Л. Гиндилиса и Г. А. Брандта [4; 8], касающиеся основ мировоззрения античного человека. Важным материалом исследования стали непосредственно мифы в интерпретации Н. А. Куна и К. Гловацкой [12]. Использованы первоисточники, а именно: произведения Гомера – «Илиада» и «Одиссея», Гесиода – «Труды и дни», Аристофана – «Лиссистрата»; трактаты Платона – «Пир» и «Государство», и Аристотеля – «Политика», так как именно эти философы, рассматривая различные модели идеального общества, не миновали проблемы гендерной стереотипизации, показав, согласно определению «гендер», «совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола» [5, с. 22].

Хронологические рамки нашего исследования охватывают основные периоды развития греческой мифологии: доолимпийский (архаический), олимпийский, позднего героизма – продолжавшиеся с III тыс. вплоть до XI в. до н. э. Кроме того, с целью рассмотрения взаимосвязи между зарождением (в мифологический период) и впоследствии установлением гендерных стереотипов охвачен период от Темных веков (XI–IX вв. до н. э.), Архаический период Греции (VIII–V вв. до н. э.) вплоть до

рассвета древнегреческого общества, а именно в его классический период, времена Платона и Аристотеля (VI–VI в. до н. э.).

Социальная политика – это часть внутренней политики государства, воплощенная в социальных программах и реальных условиях жизнедеятельности человека, с помощью которой оно регулирует отношения в обществе и удовлетворяет интересы различных групп населения. Сегодня социальным признается такое государство, политика которого направлена на создание своим гражданам условий для реализации социально-экономических и культурных прав. Одной из важнейших целей деятельности такого государства является сглаживание в обществе социальных противоречий и создание в идеале социального равенства.

Ст. 7 Конституции Российской Федерации гласит: «1. Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [10]. Кроме того, государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Совершенно естественно в этом контексте, что мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации.

Согласно мнению исследователей социальных процессов в обществе, гендерный подход в социальной политике любого государства, в том числе и России, направлен на выявление, критику и устранение механизмов воздействия социальных программ и политических действий, усугубляющих или воспроизводящих гендерное неравенство [14, 17].

С одной стороны, подобная политика формируется на предпочтениях, формирующихся обществом, с другой стороны, устойчивые гендерные стереотипы, в частности российского общества, не всегда соответствуют некоторым задекларированным нормам, оставаясь «на бумаге».

Конечно, во многом современные государственные ценности формировались на протяжении многовековой истории развития общества. И впервые принципы, связанные с понятием общества граждан как такового, начинают свою эволюцию с античных времен, с появлением первых городов-государств. Причем гендерная составляющая мировоззрения этого исторического периода развития человеческой цивилизации в контексте происходящих социальных процессов очевидна, но читается между строк, так как она не декларирована открыто.

Мы хотим обратиться к рассмотрению древнегреческого государства, деятельность которого в контексте социальной политики привела к установлению сформировавшихся гендерных стереотипов и норм, имеющих огромное значение для развития европейского гендерного мировоззрения, на государственном уровне.

Общество, развиваясь, прогрессирует во всех сферах деятельности, однако в то же время вырабатывает определенные модели поведения и связанные с ними стереотипы, соответствующие бытующему мировоззрению. В период каждой культурной эпохи в отношении полов формировалось соответствующее

мировоззрение, продуцирующее и укореняющее гендерные стереотипы с феминными и маскулинными характеристиками личности. Так, античность сформировала патриархальное мировоззрение, актуальное по сей день, однако демократические тенденции в современном обществе привели к возникновению гендерных исследований, которые помогают социуму преодолевать некие гендерные условности и стереотипы, бытующие в сознании общества на протяжении многих веков. Поэтому античность является важным этапом в формировании отношений между полами, в частности, гендерных стереотипов европейского общества в целом и в дальнейшем.

Рассматривая мифологический период античного мировоззрения, следует отметить, что миф – это совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвола, и мифологическое видение мира – это совершенно реальное отображение современного для древнего человека способа и уклада жизни, причин тех или иных природных или общественных процессов и т. д. [5; 13]. Так как важная роль мифологии – перенос общественно-родовых отношений на природу и на весь мир, соответственно, и вся природа становится огромной родовой общиной [1, с. 13], мы попытаемся восстановить социальный уклад в период от крито-микенской эпохи (III тыс. до н. э.) вплоть до начала Темных веков (до XI в. до н. э.). Кроме того, посредством древнегреческой мифологии можно увидеть сущность мировоззрения, в нашем случае гендерного.

По Лосеву, существовали два периода развития греческой мифологии. Первый, – дофессалийская или доолимпийская мифология (III тыс. до н. э.) – основа античной мифологии, порожденный периодом матриархата. Мировоззрение характеризуется представлением о мире и природе как о физическом теле. Земля представлена производительницей и кормилицей всего сущего. Несмотря на стереотипное первенство феминного в мировоззрении, оно ассоциируется, прежде всего, с природой. Такая ассоциация укореняется в течение всей античности. Например, Платон соглашается с тем, что первоначалом всего сущего была некая рождающая сила, по сути «женское» [15, с. 724]. Но уже в этот период в мировоззрении «женское» и «мужское» ассоциируется не только с соответствующими функциями, но и с определенными характеристиками личности, которыми наделяются мировоззренческие понятия «феминного» (нежные, преданные чувства к собственным детям) и «маскулинного» (принципиальность, рациональный расчет).

Второй период, фессалийская или олимпийская мифология (II тыс. до н. э.), как утверждают исследователи, основана на патриархальном мировоззрении, с ее централизацией вокруг Олимпа и переходом к героизму [1, с. 15]. Далее, с падением крито-микенской культуры, стиль поведения героев видоизменяется в творчестве Гомера.

Обобщая мифологию матриархата как стихийно-чудовищную, с ее тератологией (век чудовищ и страшилищ, миксантропов), Лосев утверждает о возрождении этой мифологической архаики в догомеровскую эпоху (III тыс. до н. э. – XI в. до н. э.) и эллинистическо-римскую (IV в до н. э. – III н. э.), которая

трансформировалась и завершилась в мифологии Великой матери, или Матери богов [1, с. 18]. Так, это Эринии (фурии), стоголовый великан Тифон, его жена Ехидна и дети: пес Цербер, Немейский лев, Лернейская гидра, пес Ортос и Химера; Пифон, Медуза Горгона и т. д. [12]. Впоследствии сформировалась двойственность «женского» образа. С одной стороны, возрождение архаики матриархата – рождающая сила (Гея, Рея, Деметра и др.), а также образы страшных чудовищ, ассоциируемых с силами, которые охраняют некий закон, – злобой, местью и завистью, которыми наделены впоследствии и некоторые женские мифологические образы олимпийского периода. С другой, веяния патриархата – образы, олицетворяющие слабость, повиновение и покорность (дриады, орестиады, наяды, nereиды). Существовали образы, объединяющие в себе эту двойственность (фурии). Таким образом, смирение преобразовывается в стереотип поведения женщины по отношению к мужчине в период установления патриархального мировоззрения.

В олимпийский мифологический период появляются герои, которые побеждают всех чудовищ и страшилищ, «некогда пугавших воображение человека, задавленного непонятной ему и всемогущей природой» [1, с. 19]. Например, со времен матриархальной мифологии, несмотря на то, что сегодня она уже не продуцируется, сохранились также греческие амазонки, всегда побеждаемые героической мифологией (патриархальной). В лице Геракла героическая эпоха (II тыс. до н. э.) достигает наивысшего расцвета, он является победителем природы (всевозможные чудовища, авгиевы конюшни), матриархата (отвоеванный пояс у амазонки). Интеллект и разум противопоставляются природе, как мужское начало противопоставляется женскому. Преобладание одного мировоззрения над другим привело к перераспределению гендерных ролей, вследствие этого переосмысливаются понятия «мужское»/«женское» («маскулинное»/«феминное»). На этот факт указывает А. Ф. Лосев, подмечая появление богов нового типа: «...Женские божества получили теперь новые функции в связи с эпохой патриархата и героизма» [1, с. 20]. Например, Ника – Победа – уже не страшный непобедимый демон, но богиня, являющаяся символом мощи самого Зевса. «Женское» подчиняется «мужскому» в поддержку его первенства, силы, мощи и справедливости. Уже в этот период закладывается, а в дальнейшем и развивается в стереотипное понимание «женского» как вторичного, дополняющего, воспроизводящего от первичного («мужского»).

Основными источниками информации в Гомеровскую эпоху (XI – IX вв. до н. э.) являются поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея» [9]. Гомер определяет человеку исключительную роль одного из главных действующих лиц, творца всех деяний и событий, при этом Рабинович О. И. указывает на одну из самых главных характеристик гомеровского героя, который изображен с усложненным, глубоким внутренним миром, постоянно внутренне развивающимся, действует правильно, а главное – рационально [18, с. 11].

Существовала троянская мифология, предшествовавшая поэмам. Рассмотрев мифы о причинах войны, «земной» и «божественной», мы находим некоторые гендерные границы. А именно: «женское» (земной миф о яблоке «раздора») –

земное, природное, можно даже сказать, примитивное (если взять примитивные качества личности: зависть, злость, просто желание), связанное с чувственностью; «мужское» – разумное, рациональное (речь о разрешении спора ведется между Зевсом и Парисом).

Рассматривая гомеровский эпос, можно говорить о «базовых» в его мировоззрении гендерных характеристиках, а именно: власть – это прерогатива мужская, а гендерно женским является образ женщины-матери, хранительницы семейного очага. Семейная сфера взаимоотношений выражается своеобразной дихотомией: «женское» – буря эмоций, которая впоследствии, естественно, сменяется повиновением окончательному слову мужа, «мужское» – рациональный просчет событий, бескомпромиссное право окончательного принятия решений. Гомер показывает не только приоритет одного пола над другим, но и характерные для каждого из них различия со свойственной им дихотомией рациональный/чувственный – мужской/женский. Эту особенность семейных традиционных устоев Гомер показывает на взаимоотношениях Геры и Зевса.

Отголоском архаики в гомеровском эпосе можно считать факт постоянного желания Геры преобладать и властвовать. Определенно, этот спор, в условиях стремительного установления патриархальных взглядов, особенно в период возвеличивания значения героев, ей не выиграть.

Можно говорить о том, что такие качества, как мужественность, решительность и смелость, вообще «маскулинное», могут быть присущи и женщине. Гомер утверждает определенные характеристики личности в качестве гендеров (половая принадлежность которых утверждена стереотипами того или иного общества) независимо от пола [9, с. 327].

Н. Л. Гиндилис усматривает закономерности в гендерном мировоззрении патриархального древнегреческого общества и гомеровского эпоса: «боги гомеровской эпохи предстают не как высший разум, не как творцы мироздания, составной частью которого является и человек, а как удельные князьки различных сфер этого мироздания. Они похожи на бессмертных людей с их страстями: также спорят, воюют, способны на высокую любовь и низкую измену, крупные и мелкие интриги и т. п., то есть характеризуются не только положительными, но и отрицательными качествами» [8, с. 101]. Так, богини, согласно выполняемым ими функциям в эпосе Гомера, являются образами внутренней женской сущности, в то время как земные женщины в античности живут согласно традиционным представлениям о стереотипах поведения в обществе. По утверждению В. А. Чекалина, в Древней Греции на гробницах хозяек дома изображались сова, узда и веник: символы бдительности, молчаливости и экономии, при этом муж мог неугодную жену продать в рабство. Одним из доказательств существования ограниченного статуса древнегреческой женщины исследователь считает устоявшиеся изречения представителей того времени [21].

Гесиод (VIII–VII вв. до н. э.), представитель дидактического и генеалогического эпоса, творил в завершение всей эпической эпохи, «когда героические идеалы иссякли в своей яркой непосредственности и превращались в поучение,

наставление, мораль» [13, с. 65]. Наступили времена классового общества. Героические доклассовые идеалы общины и племени, так превозносимые Гомером, не в интересах времени наступившего. В такой переходной период, когда не ушли старые идеалы, но и не возникли новые, появляется Гесиод – творец в системе поучений и наставлений. Лосев характеризует Гесиода как яркого представителя своего патриархального времени, с его консервативностью, расчетливостью и практицизмом [13, с. 67]. Проанализировав информацию о современном Гесиоду периоде, можно сделать некоторые выводы об гендерных аспектах мировоззрения в послегомеровскую, послегероическую эпоху развития античной цивилизации.

Пандору («всеми одаренная») Гесиод представляет как образ зла и мести Зевса людям, что наблюдается и в олимпийский период мифологии, гомеровскую эпоху. Она была создана всеми богами для отпущения людям, за то, что Прометей подарил им огонь. Она прекрасна, но у нее «двуличная и лживая душа». В Теогонии Гесиод подчеркивает темное «женское» начало: от нее произошел «женщин губительный род» [7, с. 591]. Поддаться «женскому» мужчина может только лишь через свои слабости, так как именно брату Прометея Эпимитею понравилась Пандора, а не самому герою, – ведь она была идеалом женской красоты. После того как Пандора выпустила «беды лихие» на человечество, Гесиод отмечает наступление другой эпохи в истории человечества, но уже с горем, болезнями и бедами: «улетевших меж нами блуждают повсюду» [7].

Рассказывая о процветающем государстве, Гесиод раскрывает свое, а значит характерное для своего времени, представление о «женском» и «мужском». Государство должно беспокоиться об образовании молодого поколения, но у Гесиода понятие образования связано лишь только с образованием юношей. Власть и активное участие в жизни государства – прерогатива только мужчин. Мировоззрение Гесиода ультрапатриархальное, ведь мужчина – вершина, глава во всех сферах жизни, женщина – тоже человек, но находящийся около мужчины и зависящий от него, самостоятельность и независимость не входит в понимание женского в таком мировоззрении. Завершая поэму фразой «Тот меж людьми и блажен и богат, кто, все это усвоив, делает дело, вины за собой пред богами не зная», поэт подчеркивает, что все советы, которые он озвучил в своем произведении, были адресованы людям для их благополучия. Обращение было направлено только лишь к мужчинам как основе развития социальной, государственной и экономической жизни общества.

Если учесть, что Гесиод был одним из популярных поэтов своего времени, то можно предположить, что таким мировоззрением обладала значительная часть общества времен Гесиода, в том числе и женщин: об их образовании не могло быть и речи. И это несмотря на то, что в своем творчестве и Гомер, и Гесиод пытались не только очертить место человека в этом мире, но и указать на определенные морально-этические и духовные параметры его жизни, а также предопределить условия становления и воспитания человека как морального существа, которому присущи честь, достоинство, чувство справедливости, стыда и т. п. [18, с. 9].

Следующую эпоху – эпоху греческой комедии – представляет Аристофан (V–IV вв. до н. э.), интересный нам своей комедией «Лисистрата». Важно, что автор показывает место женщины в античности рядом с мужчиной, но при этом указывает на то, что слово женщины может быть решительным и повлиять на волю и желания мужчин. Несмотря на ведущую, главную роль в комедии женщины, Аристофан все равно показывает влияние ее на мужчину через традиционное понимание женщины как чувственного природного существа, сфера которого ограничена семейно-бытовыми отношениями, за пределы которых Аристофан не выпускает ее в своем гендерном понимании существующего общества. Мужчины же – сторона рациональная: женщины повлияли на решение мужчин способом воздержания от выполнения своих супружеских обязанностей, что связано с чувственностью – «чтобы силою мужчин принудить к миру долгожданному, должны мы воздержаться...» [3, с. 111].

С одной стороны, мы утверждаем о существовании различного отношения к положению женщин в древнегреческой мифологии, эпосе, однако, с другой стороны, существенного различия во мнениях нет, так как они бытуют в плоскости патриархального мировоззрения, где женщина ограничена семейно-чувственной сферой. И превышение ее полномочий – скорее сюжет для литературного творчества, чем реальное положение вещей. Так, согласно выше проанализированным «носителям ментальных смыслов», по утверждению И. Е. Видт, основными социальными ячейками древнегреческого общества действительно были род и семья [5]. Однако понятие семьи включает и семейно-рациональную часть, которая является гендерно мужской сферой. Так как семья – это и производственный коллектив, в целях поддержания ее производительных способностей соблюдалась строгая иерархия, дисциплинарное подчинение «руководителю» (отцу), который, в свою очередь, отвечал за подготовку сына «к труду». То есть производственно-хозяйственная функция семьи была первоочередной, поэтому и в семье женщина занимала подчиненное положение, так как «семья – это не коллектив, объединенный эмоционально», а женщина – «объект бытия» [5, с. 87].

Платон, как авторитетный представитель следующего периода развития античного мировоззрения, утверждает, что именно общество диктует правила поведения как для женщин, так и для мужчин, причем последние играют первую скрипку в древнегреческом обществе [16, с. 86], с чем и связано формирование стереотипов патриархального мировоззрения. В «Политике» Платон вводит понятие справедливости как пользы сильнейшему, которому и принадлежит власть, определяя цель общества – принести пользу сильнейшему [16, с. 22]. Утверждая существующее патриархальное мировоззрение, философ ассоциирует такие понятия, как «власть» и «сильнейший», с маскулинным. Несмотря на то, что он является сторонником ультрапатриархального мировоззрения, Платон интересен тем, что предлагает не в свойственном ему духе гендерное распределение ролей в своем идеальном государстве [19, с. 40]. Так, он настаивает на распределении социальных обязанностей и ролей согласно природным способностям [16, с. 55].

Однако, с другой стороны, продолжая развивать идею о природе, древнегреческий философ утверждает разность «мужского» и «женского» на основании принадлежности к тому или иному полу. «Мы ведь согласились уже, что иная природа должна иное делать, и что природа женщины иная, чем у мужчины» [16, с. 140]. Таким образом, с одной стороны, Платон пытается уйти от стереотипа современного ему общества по распределению гендерных ролей, а с другой – в мировоззрении древнего грека нет распределения обязанностей между мужчиной и женщиной [16, с. 82–83].

Платон – один из немногих мыслителей в античности, который говорил о том, что различия не всегда лежат в плоскости пола и независимо от него люди могут быть различны по своей природе, а для реализации личности в обществе нужно лишь соответствующее образование. Однако здесь не предполагался исключительно гендерный паритет, а по утверждению И. Е. Видт, Платон таким образом утверждал идею полихронности в образовании в следующем ракурсе – «для “обладателей” разных культурных возрастов должны быть организованы разные образовательные системы!» [5, с. 27].

Несмотря на существующее мнение о том, что Платон, как яркий представитель патриархального мировоззрения, не являлся сторонником женского образования [20, с. 13], он один из первых вводит понятие образования женщин [16, с. 138].

Аристотель, как сторонник патриархального мировоззрения, ассоциирует авторитет власти и рациональное с «мужским», а подсознательное и природное – с «женским». Доказательство вторичности «женского» по отношению к «мужскому» он находит, как и Платон, в природе: все, что связано с природой, имеет непосредственное отношение к женщине [2, с. 29].

«Разумность» – именно свойство, а не характеристика властвующего (то есть не приобретенное, а данное от природы), и, естественно, под этим описанием Аристотель подразумевает мужчину. Женщину, несмотря на свое предвзятое к ней отношение, он показывает далеко не слабым полом, утверждая ее «природные» способности в силу своего физического развития выполнять указания мужчины. Философ непоколебим во мнении, что обоим полезно то, что дано природой. С этим можно согласиться, если считать данностью от природы истинные способности личности независимо от пола. Однако Аристотель настаивает на этом утверждении, уже заранее определив назначение человека, причем в зависимости от его половой принадлежности. То есть в сознании древнего грека нет места мысли о существовании характеристик личности, сформированных обществом (гендеров), которые могут принадлежать человеку независимо от пола.

С одной стороны, Аристотель высказывается в контексте общественных отношений, что природа не создает ни раба, ни господина, по природе различия нет [2, с. 26–27], с другой, в контексте полов и распределения гендерных ролей утверждает, что природа создает существа властвующие (с определенными умственными способностями) и подвластные [2, с. 23]. На такую несогласованность и некоторые несоответствия утверждений Аристотеля указывают и исследователи. Так, Рода Коцин говорит о двух линиях аргументации: первая – на основании того,

что взгляды Аристотеля свободны и находятся под воздействием его предвзятого отношения к женщине; вторая – что взгляды философа на женщин не соответствуют некоторым основным элементам его философии [19, с. 44].

Гендерное мировоззрение Аристотеля определяется также и в его рассуждениях о природности рабства в контексте проблемы собственности, которая является частью чего-то целого, но не более. Так же и мужчина по отношению к женщине: «первый по своей природе выше, вторая ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении» [2, с. 29].

Философ подчеркивает и значение образования для развития государства. Рассуждая о счастливом государстве, он говорит о его задачах, в частности образовательных, о проблемах численности населения: «...нужно обращать внимание не на количество, а на возможности» [2, с. 242]; «...сделать государство достойным зависит уже не от судьбы, а от знания и свободной воли» [2, с. 260]. Делит возможности образования в зависимости от социальной принадлежности (свободнорожденные, ремесленники) [2, с. 275]. В идеальном государстве Аристотеля, что соответствует его мировоззрению, образование необходимо только мужской части населения, причем высшего сословия.

Аристотель и Платон рассматривают образование как неотъемлемую часть развития общества. Если Платон в виде исключения высказывается о возможности образования согласно способностям по природе, а не по половой принадлежности, то Аристотель категоричен в своих определениях, и именно природой объясняет способность к образованию мужчины с целью в дальнейшем заниматься развитием и управлением государства.

Итак, выявляя особенности античного мировоззрения, мы осуществили характеристику его гендерных аспектов. При этом установлено наличие гендерных стереотипов в античности: в мифологический период, объединивший в мировоззрении архаику матриархата и влияние установившегося патриархата, в идеологии гомеровской эпохи, а также в позициях философов-классиков античности происходит «монополизация» патриархального мировоззрения. Таким образом, значимость для общества и сфера деятельности человека определяются, прежде всего, его половой принадлежностью. А именно: мужское начало – общественная деятельность, женское же ограничено чувственной и семейной сферами. Таким образом, мужчина и женщина не были равными «ни социально, ни интеллектуально» [11; 20].

Древнегреческое государство является одной из первых форм построения общества граждан с определенным набором прав и обязанностей. Античность сформировала гендерные стереотипы в мировоззрении и выработала дихотомию понятий, соответствующих женскому/мужскому, что повлияло на развитие гендерного мировоззрения общества, в частности в его образовательной сфере. Рассмотренная точка зрения на место мужчины и женщины в обществе перешла в последующие исторические эпохи. И во многом сформировавшиеся гендерные представления прочно вошли во все сферы жизнедеятельности общества, имея при этом статус государственной нормы. Мы сделали попытку рассмотреть механизмы

формирования гендерно окрашенных социальных установок в контексте изучения основ гендерного прогресса. Трансформационные процессы российского общества выявили скрытые социокультурные проблемы гендерного порядка, что выразилось в изменении статусов и позиций женщин и мужчин в экономической, политической, а также в частной сферах. Поэтому изучение гендера должно занимать приоритетное место, так как этот срез исследований позволяет получить важные, неординарные для общества сведения.

Список литературы

1. Античная литература: Учебник для высшей школы / Под ред. А. А. Тахо-Годи. – 5-е изд., дораб. – М.: ЧеРо, 1997. – 543 с.
2. Аристотель. Политика / Аристотель. – М.: АСТ, 2002. – 393 с.
3. Аристофан. Комедии / Аристофан. URL: <http://modernlib.ru> (Дата обращения: 22.08.2017).
4. Брандт Г. А. Человек на обочине, или «Место» женщины в истории европейской философии // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. – М.: ИВИ РАН, 2002. – № 4. – С. 7–33.
5. Видт И. Е. Образование как феномен культуры: эволюция образовательных моделей в историко-культурном процессе. Дис ... докт. педаг. наук / Видт Ирина Евгеньевна. – Тюмень, 2003. – 385 с.
6. Воронина О. А. Гендер // Словарь гендерных терминов. – М.: Информация XXI век, 2002. – С. 20–24.
7. Гесиод. Теогония. Труды и дни. Щит Геракла / Гесиод. – М., 2001. – 256 с.
8. Гиндилис Н. Л. Человек в истории развития знания: античность // Философские науки. – № 6. – 2002. – С. 100–110.
9. Гомер. Илиада. Одиссея / Гомер. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – 704 с.
10. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (в ред. от 30.12.2014). URL: <http://constrf.ru/razdel-1/glava-1/st-7-krf> (Дата обращения: 07.02.18).
11. Крыкова И. В. Феминизм в пространстве современной гуманитарной культуре. Автореф. дис ... канд. филос. наук. – Тамбов, 2009. – 23 с.
12. Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции / Н. А. Кун. – Ростов н/Д: Феникс, 1995. – 480 с.
13. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев; общ. ред. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого. – М.: Мысль, 2001. – 558 с.
14. Нечаева О. В. Гендерные проблемы России как социального государства: Конституционно-правовое исследование. Автореф. дис ... канд. юр. наук / О. В. Нечаева. – Челябинск, 2007. – 30 с.
15. Платон. Пир // Диалоги. Кн. I / Платон. – М., 2008. – С. 717–776.
16. Платон. Политика: Наука об управлении государством / Платон. – М.: Эксмо, 2003. – 861 с.
17. Рабжаева М. Социальные технологии осуществления политики гендерного равенства // Материалы межвузовской научной конференции «Гендерные отношения в современном российском обществе». – СПб., 2002. – С. 35–44.
18. Рабінович О. Р. Ідея виховання та її теоретичне обґрунтування в античній філософії. Автореф. дис ... канд. філос. наук / О. Р. Рабінович. – Львів, 2009. – 15 с.
19. Рода Гадаса Коцин. Давньогрецька філософія / Антологія феміністичної філософії. – К.: Основи, 2006. – С. 33–45.
20. Рожкова С. В. Гендерные особенности педагогической культуры учителя. Автореф. дис ... канд. педаг. наук / С. В. Рожкова. – Ростов н/Д, 2006. – 24 с.
21. Чекалин В. И. Миниочерк «второй истории» (женщина и общество). URL: <http://flatik.ru/miniocherk-vtoroj-istorii-jenshina-i-obshestvo> (Дата обращения: 22.08.17).

Dorofey Y. O. Gender Roles in the Context of Building a Civil Society (on the Example of Ancient Greece) // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 1. – P. 97–109.

The global post-industrial processes entail fundamental changes in cultural and moral structures of traditional Patriarchal societies. With the spread of democratic ideas and principles of civil society one of the most important social task is to overcome all types of discrimination, including on grounds of sex. This article examines the formation of a gender Outlook in the context of building a civil society. This process is considered on an example of development of gender ideological position of the ancient Greek society. The formation of a society of citizens, as such, starts its evolution during antiquity. Antiquity is an important step in the process of formation of gender stereotypes of European society. Social and philosophical interpretations of "male" and "female" existing in the ancient Greek cultural tradition are analyzed. The tendencies of transformation of views on the nature of female origin are considered. The gender perspective of Plato and Aristotle, not only as representatives of the classical period of ancient philosophy, but also as representatives of their society. Some duality is shown in the statements of both Plato and Aristotle in the context of the problem under consideration. Attempts to comprehend the educational sphere as a significant sphere in the development of the ancient Greek society of citizens from the perspective of a strengthened understanding of gender roles were noted. Antiquity has formed a certain gender Outlook, which laid the foundations for the development of gender Outlook position of modern society.

Keywords: "Male", "female", gender, gender roles, civil society.

References

1. Antichnaya literatura: Uchebnik dlya vysshey shkoly [Ancient Literature: the Textbook for High Schools]. Ed. A. A. Taho-Godi. 5 th ed., Revised. Moscow, CheRo Publ., 1997. – 543 p.
2. Aristotel. Politika [Policy.]. Moscow, AST Publ., 2002. – 393 p.
3. Aristofan. Komedii [Comedy]. URL: <http://modernlib.ru> (Accessed 22 August 2017)
4. Brandt G. A. Chelovek na obochine, ili «mesto» zhenschiny v istorii evropeyskoy filosofii [People on the Sidelines, or the "Place" of Women in the History of European Philosophy]. Adam i Eva. Almanah gendernoy istorii. Moscow, IVI RAN Publ., 2002, №4, pp. 7–33.
5. Vidt I. E. Obrazovanie kak fenomen kulturyi: evolyutsiya obrazovatelnykh modeley v istoriko-kulturnom protsesse [Education as a Cultural Phenomenon: the Evolution of Educational Models in the Historical and Cultural Process]. Doctoral thesis, Tyumen, 2003, 385 p.
6. Voronina O. A. Gender // Slovar gendernykh terminov [Gender. Dictionary of Gender Terms]. Moscow, Informatsiya XXI vek Publ., 2002, pp. 20–24.
7. Gesiod. Teogoniya. Trudy i dni. Schit Gerakla [Theogony. Works and Days. The Shield of Heracles]. Moscow, 2001. – 256 p.
8. Gindilis N. L. Chelovek v istorii razvitiya znaniya: antichnost [Man in the History of the Development of Knowledge: Antiquity]. Philosophical Sciences, №6, 2002, pp. 100–110.
9. Gomer. Iliada. Odisseya [Iliad. Odyssey]. Moscow, OLMA-PRESS, 2000, 704 p.
10. 1Konstitucija Rossijskoj Federacii [Russian Constitution] ot 12.12.1993 g. (v red. ot 30.12.2014 g.). URL: <http://const.ru/razdel-1/glava-1/st-7-krf> (Data obrashheniya: 07.02.18)
11. Kryikova I. V. Feminizm v prostranstve sovremennoy gumanitarnoy kulture [Feminism in the Space of Modern Humanitarian Culture]. Extended abstract of candidate's thesis, Tambov, 2009, 23 p.
12. Kun N. A. Legendyi i mifyi Drevney Gretsii [Legends and Myths of Ancient Greece]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1995, 480 p.
13. Losev A. F. Dialektika mifa [Dialectics of Myth]. General ed. A. A. Taho-Godi, V. P. Troitskiy. Moscow, Myisl Publ., 2001, 558 p.

14. Nechaeva O. V. Gendernye problemyi Rossii kak sotsialnogo gosudarstva: Konstitutsionno-pravovoe issledovanie [Gender issues in Russia as a social state: Constitutional and legal research]. Extended abstract of candidate's thesis, Chelyabinsk, 2007, 30 p.
15. Platon. Pir [Feast]. Moscow, 2008, pp. 717–776.
16. Platon. Politika: Nauka ob upravlenii gosudarstvom [Politics: science of public administration]. Moscow, Eksmo Publ., 2003, 861 p.
17. Rabzhaeva M. Social'nye tehnologii osushhestvleniya politiki gendernogo ravenstva [Social technologies for the implementation of gender equality policies]. Materials of the interuniversity scientific conference "Gender relations in modern Russian society". SPb., 2002, pp. 35–44.
18. Rabinovich O. R. Ideya vihovannya ta yiyi teoretichne obgruntuvannya v antichniy filosofiyi [The Idea of Education and its Theoretical Justification in Ancient Philosophy]. Extended abstract of candidate's thesis, Lviv, 2009, 15 p.
19. Roda Gadasa Kotsin. Davnogretska fillosofiya [Ancient Greek Philosophy]. Antologiya feministichnoyi filosofiyi. Kiev, Osnovi, 2006, pp. 33–45.
20. Rozhkova S. V. Gendernye osobennosti pedagogicheskoy kulturyi uchitelya. [Gender Peculiarities of Pedagogical Culture of a Teacher]. Extended abstract of candidate's thesis, Rostov-on-Don, 2006, 24 p.
21. Chekalin V. I. Miniocherk «vtoroy istorii» (zhenshchina i obschestvo) [Minicart "second story" (woman and society)]. URL: <http://flatik.ru/miniocherk-vtoroj-istorii-jenshina-i-obshestvo> (Accessed: 22 August 2017).

УДК: 327.57

РОССИЯ И ТУРЦИЯ НА ПОРОГЕ 2018 ГОДА: «БОЛЬШАЯ ИГРА» НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

Ирхин А. А., Нелина Л. П.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация.

E-mail: alex.irhin@mail.ru (Ирхин А. А.)

E-mail: larisanelina@gmail.com (Нелина Л. П.)

В статье исследуется проблема развития двусторонних российско-турецких отношений через призму сферы сотрудничества и конкуренции. Особое внимание уделяется 2017 г., делается попытка смоделировать ситуацию развития на ближайшее будущее. Существующая модель взаимодействия России и Турции в Черноморско-Средиземноморском регионе находится в состоянии шаткого равновесия и в настоящее время находится в стадии сотрудничества. Однако такое положение является весьма зыбким, что аргументируется наличием как пространства сотрудничества, так и значительной плоскости противоречий, имеющей фундаментальные основы. То есть при прочих равных любое значительное изменение в сложившемся равновесии может привести к быстрому ухудшению российско-турецких отношений, что будет вполне естественным историческим ходом событий. В настоящее время сдерживающим фактором в реализации негативного сценария, который перевешивает внутренние российско-турецкие противоречия, является политика США как в Черноморском, так и в Средиземноморском регионе.

Турция традиционно опасается процесса «одинокого» сдерживания как российской, так и персидской экспансии. Однако трехсторонний формат зон деэскалации в Сирии за счет одновременного привлечения Москвы, Анкары и Тегерана позволяет сгладить подобные опасения турецкой элиты. Несмотря на видимый и объективный успех в «сирийской партии», перечисленные региональные субъекты должны не допустить ситуации, при которой контригра Запада и их региональных союзников превратит тактическую победу России, Турции и Ирана в их стратегическое поражение.

Ключевые слова: Россия, Турция, сирийский кризис, система международных отношений.

Современные российско-турецкие отношения характеризуются значительным сближением Москвы и Анкары по ряду ключевых проблем регионального сотрудничества.

Во-первых, это система вопросов, связанных с сотрудничеством и конкуренцией в Черноморском регионе, где два региональных субъекта создают альянс против расширения присутствия США в акватории Черного моря. В данном контексте и Россия, и Турецкая Республика заинтересованы в продолжении функционирования конвенции Монте от 1936 года, которая дает определенные военно-политические преимущества черноморским державам перед нечерноморскими. В то же время в данном направлении совместных интересов существует сфера противоречий, которая пока не выходит в пространство

публичной политики: интеграционная активность Турции на постсоветском пространстве; турецко-украинское сотрудничество, прежде всего в военно-политической сфере, в условиях кризиса российско-украинских отношений; возможности Анкары по разморозке конфликтов в российской сфере влияния на постсоветском пространстве и другие проблемы.

Во-вторых, узел вопросов, связанных с сирийским конфликтом. В нем также наиболее четко определяется двойственность всей природы современных российско-турецких отношений. С одной стороны, Сирия входит в сферу влияния Анкары, внешнеполитическая линия которой направлена на создание кольца дружественных держав, ранее входивших в Османскую империю в рамках концепции «Стратегическая глубина», то есть по аналогии с ближним зарубежьем России можно говорить о ближнем зарубежье Турции или о постосманском пространстве. С другой – конфликтный потенциал сирийской гражданской войны является достаточным, чтобы Р. Т. Эрдоган понимал необходимость вовлечения в ее разрешение России и Ирана в публичной его части, а также Китая в теневой составляющей этой коалиции.

С этой точки зрения сирийский конфликт является одной из трех конфликтных точек, которая определит, куда дальше будет эволюционировать система международных отношений: в сторону однополярности или многополярности. Сирия в данном контексте является ключевой точкой для продвижения американского механизма однополярной Евразии – за счет геополитической дуги между Западной Европой и Россией, между Центральной Азией и Россией и между Россией и Юго-Восточной Азией. Эта дуга позволяет контролировать все основные силовые центры Евразии: Францию, Германию, Россию, Иран, Индию и Китай. Однако чтобы замкнуть кольцо изоляции на суше вокруг Китая и России одновременно, США необходимо обустроить свои базы на территории Сирии и через Иран войти в Центральную Азию. Тогда система двойного сдерживания начнет работать сразу против Москвы и Пекина одновременно, причем между бывшими региональными союзниками начнется конкурс на роль лучшего сателлита США в регионе. Исходя из этой геополитической логики, для Китая не меньше, чем для России, сирийский фронт является передовым, хотя китайское участие в сирийском конфликте не является публичным.

В-третьих, региональная политика умеренных исламистов – правящей с 2002 года в Турции Партии справедливости и развития – и правящей с 2003 года в России партии «Единая Россия» в целом имеют схожие политические цели по возрождению своих государств в качестве региональных великих держав.

Цель данной публикации заключается в исследовании динамики и сущности российско-турецких отношений за период 2017 года и моделировании их развития на ближайшую перспективу.

Объектом исследования является процесс эволюции системы международных отношений с учетом развития ситуации на Ближнем и Среднем Востоке.

Предметом – российско-турецкие отношения.

Методологической базой исследования являются системный, геополитический и цивилизационный подходы.

В течение 2017 года лидеры России и Турции встречались семь раз (10 марта в Москве, 3 мая в Сочи, 8 июля в Гамбурге, 28 сентября в Анкаре, 2 ноября в ходе однодневного саммита президентов Ирана, Турции и России, 13 ноября в Сочи, 11 декабря в Анкаре). Такая часто двусторонние контакты лидера России происходят лишь с двумя государствами – Казахстаном и Беларусью.

10 марта 2017 года президент Турции прибыл в Москву, где его принял в Кремле В. Путин. По сути, встреча была направлена на восстановление российско-турецких отношений. На ней российский и турецкий президенты заложили основу для нового «низкого» старта российско-турецких отношений после сбитого российского военного самолета. В ходе визита турецкого президента обсуждался самый широкий круг вопросов в рамках работы шестого заседания Совета сотрудничества высшего уровня между Российской Федерацией и Турецкой Республикой.

3 мая 2017 года в Сочи состоялась вторая встреча двух лидеров, которая была посвящена трем магистральным направлениям: двусторонние отношения, урегулирование ситуации в Сирии и связанная с ней проблема общих взглядов на терроризм. Именно на этой встрече были достигнуты значительные договоренности по сирийскому вопросу и согласован механизм дальнейшего сирийского урегулирования через создание зон деэскалации России, Турции и Ирана.

8 июля 2017 года во время саммита Большой двадцатки в Гамбурге состоялась встреча двух президентов, где были подняты вопросы сирийского урегулирования и перспективы совместных энергетических проектов по реализации газопровода «Турецкий поток» и АЭС «Аккую».

28 сентября 2017 года два президента уже встретились на турецкой территории в Анкаре, где совместно блокировали американскую политику, направленную на фрагментацию Ирака и Сирии, выступив с гарантией территориальной целостности этим государствам. Одновременно этот ход российской и турецкой дипломатии заморозил перспективы развития и использования внешними субъектами курдского фактора. С учетом прошедшего референдума 25 сентября в богатой нефтью северной иракской провинции Мосул, которая заселена преимущественно курдами, становится прозрачным ответный ход трех президентов России, Ирана и Турции по данной проблеме, имеющей общерегиональный характер.

13 ноября 2017 года лидеры России и Турции встретились уже в Сочи, где обсудили вопросы двустороннего сотрудничества по стратегическим, прежде всего экономическим, вопросам: «Турецкий поток» и российский проект строительства атомной станции «Аккую», стоимость которой оценивается в районе 20 млрд долларов США.

11 декабря текущего года президент России прибыл в Анкару, где с турецким коллегой обсудил динамику развития двусторонних отношений и их проектное наполнение. Одновременно российским президентом было объявлено о выводе основного военного контингента из Сирии.

Если не считать однодневного трехстороннего саммита в Сочи, который прошел 2 ноября 2017 года и где президенты Ирана, Турции и России обсудили вопросы поствоенной ситуации в Сирии, то Р. Т. Эрдоган и В. В. Путин встречались

в течение года в формате двусторонней встречи шесть раз. А присоединение к «двойке» Тегерана может говорить о том, что создана новая региональная ось, и о «восстании старых империй» против нового мирового порядка на Ближнем и Среднем Востоке. При этом необходимо учитывать, что между Россией, Персией и Турцией есть немало исторических противоречий, имеющих разное измерение, но отошедших на второй план перед попыткой реализации Вашингтоном модернизированного плана «Большой Ближний Восток». Эти противоречия, скорее, возьмут верх после ухода из региона общей угрозы, но на данном историческом этапе такой альянс предполагает уравнивание англосаксонской игры в регионе. По большому счету, данный альянс показывает, что геополитические факторы первичны перед цивилизационными линиями разлома, так как англосаксонская комбинация в случае ее реализации предполагает геополитическую революцию в Евразии и утверждение реального «Рах Америка» через замену исламистской элиты в Турции, смещение политического режима Ирана, последующего окружения Китая со стороны суши в кольце «анаконды» и выход к механизму раскола России по линии уральского хребта.

Однако с цивилизационной точки зрения союз Москвы – Анкары – Тегерана также снимает основные противоречия, которые могут быть использованы внутренней оппозицией и внешними державами-конкурентами. Сирия, где алавиты, принадлежащие к шиитскому течению Ислама, представляют правящее меньшинство, а сунниты – большинство, в том числе принадлежащее к вооруженной оппозиции, Россия, где абсолютная большая часть исламского населения – сунниты, шиитский Иран и суннитская Турция представляют равновесную цивилизационную модель, снимающую конфессиональный аспект урегулирования сирийского конфликта.

Итак, российско-турецкая сфера сотрудничества концентрируется вокруг создания регионального союза в Черноморском бассейне и, как показывает сфера реальной политики, в отношении конфликта в Сирии, а также экономического и энергетического сотрудничества.

Черноморский регион. После окончания холодной войны Черное море могло быть интернационализировано, то есть бассейн должен был стать по логике победителей, оперирующей морской стратегией, свободным для военных кораблей и торговых судов всех стран. Однако действующая конвенция Монте, подписанная в 1936 году, регламентирует проход военных кораблей через Черноморские проливы, ограничивая возможности нечерноморских держав. Рискнем предположить, что именно благодаря этой конвенции и позиции Турции была достигнута быстрая победа в пятидневной российско-грузинской войне в 2008 году и события по воссоединению Крыма с Россией прошли в благоприятном для РФ режиме. Но за этим идеалистическим взглядом в отношении турецкой позиции стоят вполне реальные факторы.

Дело в том, что геополитическая составляющая, которая ограничивает военно-политическую активность Анкары в регионе, основывается на тезисе генерального штаба Турции: «Республика должна избегать одновременного участия в двух с половиной войнах, то есть с Грецией и Сирией и внутри государства с курдами

соответственно». При таком внешнеполитическом ограничении Турция может проводить активную внешнюю политику в южном направлении лишь при стабилизации и замораживании угроз с севера Евразийского континента. При умеренных исламистах, выбрав явным приоритетом Ближний и Средний Восток, Турецкая Республика пошла на принцип разделения сфер влияния на северном и северо-восточном направлениях. Таким образом, можно говорить о том, что в условиях экспансии США в Черноморский регион между Москвой и Анкарой было заключено соглашение о противодействии экспансии «третьего лишнего» [2, с. 24].

Однако даже при таком внешнем совпадении интересов Российской Федерации и Турецкой Республики в Черноморском регионе существует целая система противоречий, где каждая из держав играет на слабостях своего партнера, пытаясь ослабить его позиции и усилить свои. В Черноморском регионе существуют такие российско-турецкие узлы противоречий: армяно-азербайджанский конфликт в Нагорном Карабахе, за счет гагаузского фактора – конфликт в Приднестровье, Крым и украинское направление внешней политики Турции.

Если синхронизировать российские успехи в Средиземноморском регионе с турецкой дипломатической и военно-политической активностью в Черноморском регионе, то можно найти определенную прямую зависимость между этими направлениями деятельности государств.

Средиземноморский регион. С возвращением российского суверенитета над Крымом Москва получает плацдарм для продвижения своих интересов в Средиземноморском регионе, который ранее был ограничен арендным статусом Севастопольской военно-морской базы. По большому счету Россия с возвращением Крыма и Севастополя возвратила себе возможность реализации внешней политики в Средиземноморье впервые за последние 23 года.

Если России оперировать морской стратегией, то Черноморско-Средиземноморский регион может быть рассмотрен как единое целое с особым геополитическим и цивилизационным ландшафтом.

В теоретическом плане в регион входят государства, которые можно определить как державы (носители внешнеполитической стратегии: Россия, Турция, Израиль, Франция, возможно Италия), так и более слабые страны, которые являются объектами для реализации своих национальных интересов со стороны первых. Кроме того, в рамках Черноморско-Средиземноморского региона развиваются несколько непризнанных территорий: Южная Осетия, Приднестровье, Абхазия, Турецкая Республика Северного Кипра и, возможно, Каталония.

Геополитический ландшафт: 1. Россия, 2. Турция, 3. Грузия, 4. Украина, 5. Болгария, 6. Румыния, 7. Молдова, 8. Греция, 9. Республика Кипр, 10. Турецкая Республика Северного Кипра, 11. Сирия, 12. Ливан, 13. Израиль, 14. Египет, 15. Ливия, 16. Алжир, 17. Марокко, 18. Тунис, 19. Испания, 20. Италия, 21. Франция, 22. Ватикан, 23. Хорватия, 24. Албания, 25. Черногория, 26. Босния и Герцеговина, 27. Словения, 28. Южная Осетия, 29. Абхазия, 30. Приднестровская Молдавская Республика. Однако следует учитывать, что Турецкая Республика Северного Кипра признана только Турцией, Приднестровская Молдавская Республика, Абхазия и

Южная Осетия имеют ограниченное международное признание, поэтому число государств, входящих в Черноморско-Средиземноморский регион, – 26.

В цивилизационном аспекте регион представляет собой расселение ряда народов, которые принадлежат к трем цивилизациям: западной, исламской, православной.

Важной морской составляющей в развитии региона является режим функционирования черноморских проливов, Суэцкого канала и Гибралтарского пролива. В течение XVIII–XXI вв. ключевое или существенное влияние на данные водные коммуникации оказывала Британия, а затем США. Все эти водные коммуникации имеют стратегическое экономическое и военно-политическое значение.

Исходя из общей геополитической логики, в Черноморском регионе Россия и Турция имеют общий спектр интересов, заключающийся в недопущении пересмотра конвенции Монтре и экспансии нерегиональной военно-политической силы.

Исходя из геополитической методологии, в Средиземноморском регионе внешнеполитическая стратегия России имеет более сложную цель, чем в Черноморском, что связано с дефицитом всех видов ресурсов, – это формирование благоприятного для себя баланса сил. Однако державой, которая может закрыть выход для России в Средиземноморский регион, является Турция. Поэтому перед Москвой стоит сложная дилемма между сохранением союзнических отношений с Анкарой и наращиванием своего внешнеполитического, экономического и военно-политического присутствия в Средиземноморье.

Основные противоречия между Россией и Турцией в сирийском урегулировании прошли на данный момент два этапа эволюции.

Первый – с начала российского вмешательства в конфликт и до июля 2016 года. Верхняя точка – это попытка военного переворота и смещения или физического уничтожения Р. Т. Эрдогана и партии Справедливости и развития. Это период полного неприятия турецкой элитой российской внешней политики в сирийском вопросе. Это достаточно сложное время для российско-турецких отношений, когда два государства стояли на пороге военного конфликта. И только стратегическое видение обеих элит перед лицом внешнего давления позволило избежать катастрофического для Москвы и Анкары сценария военного столкновения.

Второй – с момента попытки военного переворота и до настоящего времени. Это период, когда турецкое руководство отходит от своих первоначальных установок неприятия российского вмешательства в сирийском вопросе и попыток нахождения точек компромисса с Россией и Тегераном в противовес политике США и Саудовской Аравии.

Турецкая позиция в сирийском кризисе находит свое объяснение во внешнеполитических установках правящей партии Справедливости и развития. В течение 2000-х гг. Турецкая Республика начинает реализовывать новую геостратегическую составляющую своей внешней политики, которая была направлена на повышение регионального статуса Турции: от положения претендента на роль регионального лидера в действительно могущественную

региональную державу и влиятельного глобального игрока (программа 61-го правительства, сформированного правящей партией Справедливости и развития в 2011 году). Это направление деятельности реализуется в рамках концепции «Стратегической глубины», которая была выдвинута в середине 2000-х тогдашним Министром иностранных дел Республики А. Давутоглу [3]. Концепция направлена в первую очередь на формирование блока региональных союзников из числа стран, ранее входивших в состав Османской империи – Египта, Ирака, Туниса, Алжира, Ливии, Азербайджана, а также Сирии (в турецком понимании только после возможного смещения Башара Аль Асада) – и других государств, которые на современном этапе примут Турцию в качестве своего лидера. Турция формирует данный союз для противодействия антитурецкой коалиции в составе Республики Кипр, Греции, Сербии, Армении, Израиля и, возможно, России. Причем с учетом ускорения политического процесса и внешнеполитической динамики набор союзников и противников Анкары будет варьироваться.

17 ноября 2017 года президент Турции Р. Т. Эрдоган выступает в газете «Hurriyet», где отмечает «красные линии» в сирийском вопросе.

1. Турция никогда не позволит Отрядам народной самообороны (YPG) вступить в переговоры о будущем Сирии. Анкара считает, что YPG являются ответвлением запрещенной Рабочей партии Курдистана (РПК) и, следовательно, террористической организацией.

2. YPG должны уйти из городов и регионов, которые исторически и культурно принадлежат к другим этническим группам, и не следует допускать попытки YPG изменить демографическую структуру этих регионов. Турция обращала тот же призыв к США, которые находятся в тесном партнерстве с YPG против ИГИЛ с 2015 года.

3. По словам Эрдогана, Путин обещал вывести российские войска из Африна во время их двусторонней встречи в Гамбурге в кулуарах саммита G-20 в июле. Африн, граничащий с Турцией, является одним из трех кантонов, которые YPG пытаются объединить (два других находятся в восточной Сирии). Россия имеет войска в Африне и сохраняет тесные связи с группой.

4. Турция установит 12 наблюдательных постов в регионе Идлиб. Русские и иранцы давно договорились с Турцией о местах этих постов. Первые две точки наблюдения в Турции были установлены вдоль линии, отделяющей Идлиб и Африн, что также позволяет Турции контролировать деятельность YPG. Турция также подчеркнула, что Африн является стратегически чувствительной областью, и она не потерпит никаких провокационных действий внутри этого кантона.

«Мы должны очистить Африн от террористических организаций, как PYD, так YPG. Мы серьезно разочарованы тем, что США не выполнили свои обещания. Мы не хотим сталкиваться с подобной ситуацией», – заявил Эрдоган 17 ноября [1].

При этом необходимо пояснить, что YPG являются отрядами народной самообороны, а, по сути, боевым крылом PYD – партии «Демократический союз», которая выступает за получение статуса широкой автономии в составе Сирии.

Российская позиция в отношении «Демократического союза» прямо противоположна турецкой и заключается в необходимости включения PYD в

переговоры по будущему Сирийской Арабской Республики в рамках Конгресса народов Сирии.

Вторая точка напряжения в российско-турецком компромиссе по Сирии формируется вокруг региона Африн, расположенном на северо-западе Сирии.

Но при этом российская политика в отношении курдов выгодно отличается от американского подхода, которые готовы пойти на изменение границ. Российская позиция отражает, в общем, подход существующих государств с этническим курдским фактором: Турция, Сирия, Иран, Ирак. Россия поддерживает территориальную целостность этих государств с возможным расширением автономий курдских территорий. Эта общая российско-турецкая позиция проявилась особенно после проведенного в сентябре 2017 года референдума в иракской богатой нефтью провинции Мосул, населенной преимущественно курдами.

Экономическая, энергетическая и военно-техническая сфера российско-турецкого сотрудничества не имеет таких узлов противоречий, как взаимодействие в геополитическом пространстве.

Крупные энергетические проекты, такие как действующий газопровод «Голубой поток», перспективный «Турецкий поток», перспективный проект российской атомной станции «Аккую», имеют значительный эффект для укрепления и развития двусторонних отношений и, скорее, подкрепляют взаимодействие в геополитическом пространстве России и Турции.

Экономическое сотрудничество в различных отраслях также имеет перспективы положительной динамики, и 2017 год стал годом восстановления этих показателей после ухудшения двусторонних отношений в период 2015–2016 гг.

Исходя из вышеизложенного анализа, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, существующая модель взаимодействия России и Турции в Черноморско-Средиземноморском регионе находится в состоянии шаткого равновесия и в настоящее время находится на стадии сотрудничества. Однако такое положение является весьма зыбким, что аргументируется наличием как пространства сотрудничества, так и значительной плоскости противоречий, имеющей фундаментальные основы. То есть при прочих равных любое значительное изменение в сложившемся равновесии может привести к быстрому ухудшению российско-турецких отношений, что будет вполне естественным историческим ходом событий. В настоящее время сдерживающим фактором в реализации негативного сценария, который перевешивает внутренние российско-турецкие противоречия, является политика США как в Черноморском, так и в Средиземноморском регионе.

Во-вторых, количество и частота встреч двух президентов в 2017 году свидетельствуют о целенаправленных усилиях двух лидеров сохранить режим сотрудничества при существовании объективных причин для его ухудшения.

В-третьих, Турция традиционно опасается процесса «одинокости» сдерживания как российской, так и персидской экспансии. Однако трехсторонний формат зон деэскалации в Сирии за счет одновременно привлечения Москвы, Анкары и Тегерана позволяет сгладить подобные опасения турецкой элиты. Несмотря на

видимый и объективный успех в «Сирийской партии», перечисленные региональные субъекты должны не допустить ситуации, при которой контригра Запада и региональных союзников превратит тактическую победу России, Турции и Ирана в их стратегическое поражение.

Список литературы

1. Демирташ С. Выполнит ли Путин свои обещания Эрдогану по Африну? URL: <http://mk-turkey.ru/blog/Hurriyet/2017/11/23/demirtash-budet-li-putin-vypolnyat.html> (Дата обращения: 13.12.2017).
2. Ирхин А. А. Проблемы реализации геополитических интересов России в Черноморско-средиземноморском регионе // Социально-политические и историко-культурные аспекты современной геополитической ситуации. Материалы международной научно-практической конференции в рамках научно-образовательного форума. – М.: Перо, 2016. – С. 21–27.
3. Davutoğlu A. Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu / A. Davutoğlu. – İstanbul, 2013. – 584 s.

Irkhin A.A., Nelina L. P. Russia and Turkey on the Noon of 2018: the Great Game in the Middle East and the Near East // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 1. – P. 110–118.

The article investigates the problem of bilateral Russian-Turkish relations from the perspective of their cooperation and rivalry. The special attention is paid upon the year of 2017 and an attempt is made to model the immediate forecast. The Russian-Turkish interaction in the Black Sea Region and the Mediterranean Region is characterized as one with unstable balance that now undergoes the cooperation phase. But the situation is tricky as there are both space for cooperation and considerable frictions that are fundamental. All other things being equal any considerable change of the balance may dramatically deteriorate the Russian-Turkish relations that is seen as natural flow of history. At the moment the limiting factor, overcoming the Russian-Turkish contradictions, is the policy that is provided by the USA in the Mediterranean as well as the Black Sea Region. Turkey is traditionally wary that it will have to control both Russian and Persian expansion single-handed. However the tri-lateral de-escalation zones in Syria involving simultaneously Moscow, Ankara and Teheran partly smooth over the fears of the Turkish elites. Whereas the success of the “Syrian party” is obvious and objective, the above subjects should prevent the situation when the counter play of the West and its regional allies may transform the tactical victory of Russia, Turkey and Iran into strategic loss of the latter.

Key words: Russia, Turkey, Syrian crisis, international relations.

References

1. Demirtash S. Vypolnit li Putin svoi obeshchaniya Erdoganu po Afrinu? [Will Putin Fulfill his Promises to Erdogan on Afrin?]. URL: <http://mk-turkey.ru/blog/Hurriyet/2017/11/23/demirtash-budet-li-putin-vypolnyat.html> (Accessed: 13.12.2017)
2. Davutoğlu A. Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu [Strategic Depth: World Situation of Turkey]. İstanbul, 2013, 584 p.
3. Irkhin A. A. Problemy realizatsii geopoliticheskikh interesov Rossii v Chernomorsko-sredizemnomorskom regione [Problems of Geopolitical Realization the Interests of Russia in the Black Sea and Mediterranean Region]. Sotsial'no-politicheskie i istoriko-kul'turnye aspekty sovremennoi geopoliticheskoi situatsii. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii v ramkakh nauchno-obrazovatel'nogo foruma [Socio-Political and Historical and Cultural Aspects of a Modern Geopolitical Situation. Materials of the International Scientific and Practical Conference within the Scientific and Educational Forum]. Moscow, Pero, 2016, p. 21–27.

УДК 94 (392)

ЧЕТЫРЕ ДИСКУРСА ЛИБЕРАЛИЗМА

Папаяни Ф. А.

Научно-производственное объединение «Хаймек», г. Луганск.

E-mail: f.papayani@mail.ru

Комплексный подход к исследованию идеологии либерализма требует рассмотрения не только широко представленных в литературе его теоретических основ и политической практики, но также малообсуждаемых метафизической и теневой сторон. В статье показано, что теоретический либерализм имеет серьезное внутреннее противоречие, разрушающее внутреннюю государственную устойчивость, а торжество либерализма в мире объясняется не его привлекательностью, но иными факторами. Проясняет вопрос метафизический дискурс, выявляющий глубинные, исторические и духовные корни нынешней либерально-капиталистической цивилизации. Исключительно важным является исследование теневых сторон либерализма, поскольку большая политика и большие финансы делаются тайно. В статье показано, что либерализм сохраняет свою жизнеспособность только лишь потому, что политический либерализм не либерален и не демократичен. Либерализм в России означает хаос и предвестие трагедии.

Ключевые слова: либерализм, политический либерализм, идеология, метафизика, теневые стороны, масонство.

Несмотря на то, что понятия «либерализм» и «либеральный» широко распространены в философской, политической и экономической литературе, они не имеют определенного общепризнанного, устоявшегося содержания [1, с. 25]. Так, согласно Д. Шварцменталу, «либерализм – это многоквартирный дом, идеология, которая имеет множество вариаций» [2, с. 83]. Все дело в том, что идеологические принципы либерализма предполагают некую гибкость и разночтения для одновременного обслуживания (что противоречиво и трудно достижимо) разных (именно разных!) социальных сил, поэтому «либерализм – это не законченная доктрина или застывшая догма» [3, с. 9], в отличие, например, от марксизма или национал-социализма. Либерализм многолик, и чтобы оценить его суть, необходим комплексный подход, учитывающий не только различные проявления, но также явные и тайные причины.

Теоретический дискурс. Как известно, либерализм – это идеология, основанная на приоритетном признании политических и экономических прав и свобод индивида. Теоретический либерализм возник на идее свободы для достижения индивидуального предпринимательского успеха человека: предпринимателя ничего не должно сдерживать. Иначе говоря, прибыль и личное потребление не должны быть ничем ограничены и должны развиваться свободно и бесконечно. Препятствия

типа нравственности, морали, совести, стыда, долга, традиций и все мешающие государственные институты, согласно либерализму, должны быть разрушены. Согласно А. Г. Дугину, либерализм как идеология основывается на: «понимании индивида как “меры всех вещей”; убежденности в священном характере частной собственности; утверждении равенства возможностей как морального закона общества; постулировании договорной основы всех социально-политических институтов; упразднении всех авторитетов, претендующих на “общеобязательную истину”; разделении властей и создании общественных систем контроля над любыми властными инстанциями; создании “гражданского общества” без сословий, наций и религий вместо традиционных государств; главенстве рыночных отношений над всеми остальными; убеждении, что западный путь – это универсальная модель развития для всего мира» [4, с. 30].

Общепринятым в теории либерализма считается, что «классический либерализм связан со становлением капитализма в XVII–XVIII вв. Его основные постулаты сложились в антифеодальной борьбе «“третьего сословия” (буржуазии. – Ф. П.) против абсолютизма монархов и произвола церкви (католической. – Ф. П.). Купцы, владельцы мануфактур нуждались в экономической свободе, в социальных институтах, которые обеспечивали бы им независимость от власти и церкви» [1, с. 25]. Считается, что «либеральное мировоззрение восходит к Ренессансу и Реформации» [1, с. 25], испытав на себе влияние Дж. Локка, Ш. Монтескье, Т. Джефферсона, Дж. Мэдисона, И. Канта, Г. Гегеля, А. Смита и др. Позднее либеральные идеи были развиты И. Бентамом, Дж. Миллем, А. де Токвилем и др., причем развиты уже в русле борьбы против тирании правительств и господствующего в стране общественного мнения, морали. Особо следует отметить, что колыбелью либерализма выступила Великобритания (родина современной империи англосаксов), опередив в этом проекте континентальную Европу на столетие.

Теоретический либерализм, заявляя о себе как о причине западного прогресса и достигнутого благополучия, одновременно содержит в себе непреодолимое противоречие, определяющее кризисные явления Запада. Основное внутреннее противоречие теоретического либерализма – это конфликт между личным и общественным интересом. Иначе говоря, «это конфликт между индивидуалистской доктриной (ультраиндивидуализм) и коммунитаризмом, отражающем потребность человека во взаимодействии, солидарности и взаимопонимании с окружающими» [2, с. 87]. Действительно, уменьшение роли государства планомерно ведет к хаосу, к «зависанию» нерешаемых проблем и – в своем пределе – к государственной несостоятельности. Либерализм в своем требовании безграничной свободы – это «нет» словам «нет» и «нельзя», это вседозволенность. В этом его сила, но одновременно в этом же кроется его наибольшая слабость (если не сказать нежизнеспособность), ибо без «нет» и «нельзя» общество не может обеспечить правила общежития, сохранить порядок и устойчивость. Человеческое общество не знает исторических примеров успешного развития без ясных моральных принципов общежития, в основании которых лежат бинарные оппозиции «добро – зло» и «можно – нельзя».

Следствием указанного выше «основного внутреннего противоречия» либерализма является проблема коммерческой вседозволенности. Последняя неизбежно стимулирует мошенничество (ибо безнаказанность вдохновляет), затем, в логике своего последовательного развития – вселенское мошенничество. Вершиной такой аферы (причем вершиной всех времен и народов) можно считать создание ФРС США как структуры скрытых фальшивомонетчиков, печатающих мировые деньги из воздуха в интересах небольшой группы олигархических кланов. В результате этого мошенничества мир нынче пребывает в страхе ожидания не только жесточайшего экономического кризиса, но и неизбежности очередной мировой войны.

Указанное выше «основное внутреннее противоречие» либералы не смогли преодолеть ранее, не могут теперь и, скорее всего, не смогут в будущем. Похоже, эта задача вообще не имеет решения. «Либерализм в его нынешней форме не способен справиться с новыми проблемами и трудностями политической жизни, хотя, как доминирующая идеология, и ведет с ними активную борьбу» [2, с. 84]. Поэтому либерализм мучительно ищет новые формы своей мутации, ищет путь максимального продления собственной жизни при ощущении неизбежного краха, поэтому окончательный, «новый облик либерализма еще не сложился. Его становление идет по различным, во многом отрицающим друг друга курсам» [1, с. 32–33]. Найдет ли либерализм свою жизнеспособную мутацию в условиях, когда «основное внутреннее противоречие», похоже, у «больного» несовместимо с жизнью?

Забегая вперед, отметим, что либерализм жив и торжествует вопреки своей нежизнеспособности благодаря только тому, что политический либерализм отнюдь не либерален (как бы это утверждение ни звучало парадоксально), но об этом ниже.

Метафизический дискурс. Претензию на первоисторию людей сохраняет Ветхий Завет – труд, который в связи со значительной корреляцией изложенных в нем фактов с данными археологии и ДНК-генеалогии можно рассматривать в определенном смысле как артефакт. В этом контексте ветхозаветная история Каина, убившего Авеля, отражает такие моральные акценты, которые проявляются затем во многих идеологических построениях, включая современный либерализм как идеологическую фиксацию духа свободы от Бога и духа наживы. В этом контексте повествование о ветхозаветной драме Каина приобретает исключительно важный смысл рождения первой бинарной оппозиции нравственных концептов, предопределивших в дальнейшем идеологическое раздвоение и противостояние.

Итак, если первой мировоззренческой системой считать Божьи законы, которым старался следовать Абель, сын первочеловека Адама (а также Сиф, третий сын Адама), то второй системой можно считать совокупность идей и духа Каина, построившего первую цивилизацию, то есть такое общественное устройство, которое «создает по своему разумению и своими собственными силами человек, отвергнувший Бога или поставивший себя вместо Бога и идущий по пути “эволюции” и “прогресса”» [5, с. 10]. Некоторые из основных признаков каиновой цивилизации зафиксированы В. Ю. Катасоновым на основании анализа Книги Бытия (глав 4–6):

- √ Отпадение от Бога – замена Бога богатством;
- √ Отношение к другим людям – изоляционизм, позднее развившийся в эгоизм и индивидуализм;
- √ Отношение к природе – агрессия и «покорение»;
- √ Появление искусства и культуры, оторванных от Бога;
- √ Проституция и разврат [6, с. 1075–1076].

При внимательном ознакомлении с этими признаками поражает их корреляция с идеями современной либеральной западной цивилизации: «все признаки каинской цивилизации допотопного периода, перечисленные выше, присутствуют и сегодня» [6, с. 1091–1096].

Каинская (или каинитская) цивилизационная парадигма известна знаковыми для человечества городами-символами: это первый в истории город (который построил сам Каин), затем последователями Каина были построены Вавилон, Карфаген и Иерусалим, еще позднее эту традицию каинских городов продолжили Венеция, Генуя, Лондон и Нью-Йорк. Даже Рим, основавший величайшую цивилизационную империю, вселенский Рим, разрушивший Карфаген, постепенно заражался духом последнего (он же – каинский дух, он же – богоборческий, он же – как поклонение духу наживы, «золотому тельцу», мамоне). Казалось, идеологическая экспансия духа наживы уже не имела барьеров. Казалось, что балансирование человечества между нравственностью и безнравственностью подошло к своему завершению с явным перевесом последней.

Явление Христа «отодвинуло человечество от края пропасти вселенской катастрофы и дало импульс развитию цивилизации Авеля-Сифа. Указанная цивилизация стала с этого момента называться христианской, которая стремилась и стремится до сих пор к спасению» [6, с. 1087–1089]. Цивилизационная парадигма Авеля – Сифа – Христа отмечена в истории своими городами-легендами: Афины – Рим – Второй Рим (Константинополь) – Третий Рим (Москва), представляющими собой полную и единственную цепь духовной и культурно-цивилизационной европейской преемственности [7]. Третий Рим настоящее время находится в состоянии мучительной идеологической самоидентификации и одновременно – в явном противоборстве (которое политологами однобоко представляется как чисто политическое явление) с западной цивилизационной парадигмой.

Современный капитализм (с его идеологическим основанием либерализма) и христианство – это два противоположных духовных полюса [6, с. 147–168]. В. Ю. Катасонов полагает, что корни мирового (финансового, культурного и нравственного) кризиса заложены в ссудном проценте. А если копнуть глубже, то корни его – в сердцах людей, которые не смогли устоять перед искушением сребролюбия [6, с. 23]. Таким образом, искушение сребролюбием – это одно из самых существенных оснований либерализма, составляющих метафизический полюс богоборчества (сатанизма).

Только понимая метафизическую суть либерализма (коррелирующую с богоборчеством) можно понять состав, структуру и скрепы сил, с религиозной фанатичностью отстаивающих либеральные ценности.

Теневой дискурс. Без учета теневых сторон либерализма (так же, как и без метафизического дискурса) его исследование может оказаться весьма наивным разглагольствованием, поскольку «большая политика делается тайно, реальная власть – это тайная власть, а зона функционирования “высоких финансов” – тайна. История, особенно резкие ее повороты, объясняются не историческими закономерностями и массовыми процессами, а перипетиями тайной борьбы, заговоров и контрзаговоров неких скрытых сил – орденов, масонских лож, спецслужб, тайных международных организаций...» [8, с. 1187].

Заказчиком либерализма (как, впрочем, и всех новых идеологических концептов последних двух столетий) является международная олигархия (МО) и ее тайные структуры [9]. Согласно С. Н. Бабурину, «управление миром из координационных центров управления – это та реальность, с которой надо считаться» [8, с. 125]. Именно действиями МО и их теневых структур объясняется успех внедрения либерализма.

Особенностью МО является ее вынужденно конспиративный (иначе – теневой) характер. Иностранцам и иноверцам в христианской Европе было проблематично пребывание на официальном властном олимпе (можно нарваться на гонения, что, кстати, частенько и бывало в европейской истории). «Те, кто стремится получать прибыль (МО. – *Ф. П.*), будут делать все возможное, чтобы народ не узнал, что такое на самом деле денежная цивилизация, при которой ростовщики (получившие право создавать деньги), сосредотачивая богатства, приобретают неограниченную власть над человечеством» [6, с. 27]. Поэтому МО организовали конспиративный (или теневой) властный олимп. Отсюда появление сети тайных обществ (масонских организаций, орденов, клубов, комиссий и т. п.), которые меняли свои названия и формы, но только не олигархическую богоборческую (каинскую) суть. Можно утверждать, что без тайных структур МО была бы просто бессильна в управлении мировыми политическими и идеологическими процессами.

В сети тайных властных структур верховенство принадлежит масонству. «Масонство – антихристианская идеология тайных организаций, именующих себя масонскими ложами, объединенных в несколько соперничающих между собой орденов (тамплиеры, мартинисты, розенкрейцеры, Великий Восток и др.). Корни масонства уходят в глубокую древность, основываясь на идеях тайных сект талмудического иудаизма. Подобно иудаизму, масонство основывается на учении об “избранном народе”, “имеющем право” на мировое господство [8, с. 950].

«Поставив цель упразднить и заменить собой христианство, масонство взяло на вооружение крайне гибкие методы, соответствующие формуле тридцать третьего градуса шотландского обряда “порядок через хаос” (“*ordoabchao*”). Девиз “порядок через хаос” содержит одну из главных тайн масонства: к новому порядку можно прийти только через искусственно организуемый беспорядок» [5]. Практическое исполнение искусственно организуемого беспорядка современный мир увидел в Югославии, Ираке, Ливии, Сирии и на Украине. Но мир видел «*ordoabchao*» и раньше, во времена Великой Французской революции или Февральской революции в России. Исторический опыт России подтверждает работоспособность теневой схемы «порядок через хаос»: чтобы установить большевистский «порядок»–

диктатуру к осени 1917 г., чуть ранее, весной того же года, масонам пришлось организовать либеральный (в данном случае антимонархический) хаос.

Тайная цель скрытых от общественности международной олигархии (МО) и их конспиративных структур – править миром, чтобы жить за счет труда и средств народов планеты. Для этого МО постепенно уничтожает любую государственность, кроме империи англосаксов, где теперь их дом родной. В свою очередь, для ослабления, а затем и уничтожения государств самым действенным методом стала организация в странах-жертвах либерального хаоса. В этом заключено важнейшее тайное назначение либерализма, тщательно скрываемое теневыми структурами, управляющими миром.

Политический дискурс. Под политическим либерализмом нами понимается такая современная евроатлантическая идеологическая реальность (сформированная под предводительством США), которая провозглашает либерализм и либеральные ценности основой своей цивилизационной конструкции и своим знаменем. Политический либерализм, с одной стороны, формально прикрывается теоретическим либерализмом (вполне благодушно воспринимаемым западным населением, воспитанным в духе наживы), с другой – обосновывает и отражает фактическую политику неокolonизации мира империей англосаксов.

Политический либерализм в этом контексте характеризуется следующим:

- американоцентричностью. Идеи и принципы либеральной демократии нашли свое выражение в Соединенных Штатах, поддерживаются ими, и нет ни одной либерально-демократической страны Запада, независимой от США;

- нелиберальностью. В этом заключен парадокс: политический либерализм нелиберален, ибо совсем не толерантен к инакомыслию [10, с. 101–104], он характеризуется ненавистью к любой традиции (кроме англосаксонской), любым антилиберальным взглядам, любому неповиновению США. Более точным названием этого идеологического концепта англосаксов будет «либеральный фашизм». Тем более, что концепт предполагает исключительность политической нации англосаксов, которая открыто многократно заявлена в 2015–2016 гг. президентом США Б. Обамой, кандидатом в президенты Х. Клинтон и др. Цель либерального фашизма – править миром на основе гегемонии империи англосаксов;

- недемократичностью. Либерализм не просто враждебен традиционализму, он даже не предполагает возможности свободы выбора традиционного уклада, как бы ни нравился такой уклад большинству граждан. Это повсеместно приводит к диктату меньшинств, например ЛГБТ сообществ, над большинством. Даже если нравственные запреты разумны, если они во благо граждан и приветствуются подавляющим большинством, либерализм, тем не менее, с маниакальной настойчивостью запрещает нравственные запреты вопреки основному принципу демократии;

- множественностью своих проявлений. Политический либерализм, как раковая опухоль, образовал множественные метастазы (над формированием которых интенсивно работают различные институты гражданского общества, которые являются составной частью либерального проекта): феминизм, коммунитаризм,

экологизм, гуманизм и трансгуманизм, движение за права человека, партии «зеленых», религиозные секты и др.;

– догматизмом. То есть превращением идеологии в догму, «в свод установок и предписаний, основанных на видении либеральной демократии как единственно возможной формы общества» [2, с. 114]. В этом смысле политический либерализм имеет все признаки типичной тоталитарной секты, выстроенной на деньги и в интересах вполне конкретных бенефициаров – мировой финансовой элиты [11];

– агрессивной (неотроцкистской) экспансией. Политический либерализм вполне допускает возможность «гуманитарных интервенций в отношении государств, где нарушаются с точки зрения США права человека» [1, с. 34];

– монополизмом. Либерализм развился до состояния идеологической монополии западного идеологического пространства. Сторонники идеологии либерализма вначале требовали и для себя места «за столом», потом стали активно толкаться локтями, а затем просто стали ликвидировать любое инакомыслие, публично обвиняя его носителей людьми «безграмотными» или просто «мошенниками» [11]. Политический либерализм подчинил себе все иные некогда популярные европейские идеологические концепции (консерватизм, социал-демократию, христианскую демократию и т. д.);

– закрытостью управления. В реальности политический либерализм сформировал не декларируемое «открытое общество» [12], а, наоборот, совершенно закрытое в управлении общество, руководимое масонскими и иными тайными структурами;

– сфокусированной антиправославной направленностью. Если до середины XX века можно было говорить об антихристианской направленности либерализма в целом (в том числе, например, антикатолической), то уже к концу XX века, добившись масонского контроля над всеми христианскими конфессиями Запада, политический либерализм сконцентрировал всю мощь своей идеологической машины против православия через поддержку осквернения православных храмов («PussyRiot»), антиправославных фильмов (А. Учитель), выставок (М. Гельман), законопроектов (ювенальная юстиция), программ телевидения (В. Познер) и радиовещания (А. Венедиктов), публикаций в СМИ и т. п.

Описанные основные характеристики политического либерализма (и, в первую очередь, американоцентризм) вкупе с теневыми его аспектами являются факторами, обеспечившими торжество либерализма на Западе, его поразительную жизнеспособность и экспансию вопреки интересам государств и их народов.

Рассуждать комплексно о либерализме в России – это значит говорить о гранях одновременного влияния теоретического либерализма (соблазнов), его метафизики (духовной сути), его теневых аспектов (масонства), а также влияния политического либерализма (гегемонии США). Каждая из граней заслуживает отдельного исследования. Однако попробуем в этой «бриллиантовой огранке» выявить один, но самый характерный для России отблеск. Таковым нам видится масонский девиз «порядок через хаос» в его русско-российском приложении. В этом девизе «порядок» означает «новый мировой порядок» как абсолютную власть над Россией мировой олигархии, обосновавшейся в империи англосаксов. «Через хаос» означает:

через такое либеральное переформатирование сознания русского народа, когда оно отказывается от своих традиционных ценностей, отказывается от своей истории, отказывается от веры своих отцов и вселенской миссии удерживать мировое зло, отказывается от своей души в пользу либерального духа наживы. «Через хаос» в идеале обозначает ситуацию, когда «хаос» в головах доводится до крайности, до безумия, когда русские убивают русских, когда русскими уничтожается собственное государство в интересах империи англосаксов – извечного геополитического противника России.

Россия в своей истории знает два успешных либеральных переворота. Успешных для либералов и англосаксов, но весьма трагичных для России. Это Февральская революция 1917 года и развал СССР.

Февральская революция привела к такому либеральному хаосу (безвластию), что, по выражению многих историков, «власть валялась на мостовой». Фактически выигранная война с Германией обернулась поражением, а мощнейшая в мире армия была распущена. Армия распустилась, чтобы уже через несколько месяцев собраться в несколько враждебных армий, уничтожающих друг друга за идеи (соответственно, либерализма и социализма), рожденные в империи англосаксов для экспорта в страны-жертвы. По разным оценкам, цена «февральскому либерализму» – многие миллионы загубленных душ наших соотечественников и разграбленная, разоренная страна вместо мощной мировой империи. Но тогда (вопреки разрушительным планам англосаксов) мудрая политика И. В. Сталина спасла державу.

Прошло сто лет. Россия выстояла. Много лишений перенес русский и все близкие ему народы, объединенные общим проектом исторического развития. Но к 1991 году либеральное искушение парализовало руководство Советской империи, и держава опять рухнула, повторяя либеральный хаос февраля 1917 года, в результате чего Отчизна стала раздробленной, а русский народ разделенным. Под диктовку англосаксов агенты их влияния составили для России такую либеральную конституцию и такие либеральные правила развития, что к 2000 году Россия понесла экономические потери даже бóльшие, чем в Великую Отечественную войну. Усеченная Россия во всех смыслах разваливалась прямо на глазах. Разваливалась все девяностые годы к великому удовлетворению империи англосаксов. Опять начало казаться, что страна обречена на еще больший развал и только чудо ее может спасти. На это раз Россию спасает мудрая политика В. Путина... Но спасет ли? Это зависит от того, сумеет или нет власть взять верх над либералами (либеральным блоком правительства и либеральными олигархами).

Идеи либерализма, как показала история России, дважды привели к разрушительному либеральному хаосу и трагедии. Поэтому либерализм (как идеология господства империи англосаксов) является враждебной идеологией наряду с нацизмом, фашизмом, русофобией и религиозным экстремизмом, подлежащих полному их запрещению в России. Соответственно, к современным доморощенным либералам следует относиться как агентам влияния империи англосаксов, задача которых (и тут не важно, насколько они сами это осознают) – в

уничтожении русской политической нации, установлении нужного США «порядка» через искусственно организуемый либералами «хаос».

Список литературы

1. Сирота Н. М. Идеология и политика / Н. М. Сирота. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 216 с.
2. Шварцмантель Д. Идеология и политика / Д. Шварцмантель; пер. с англ. – Харьков: Гуманитарный центр, 2009. – 312 с.
3. Мизес Л. Либерализм в классической традиции. – М.: Социум; Экономика, 2001. – 239 с.
4. Дугин А. Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века / А. Г. Дугин. – СПб.: Амфора, 2009. – 351 с.
5. Четверикова О. Н. Диктатура «просвещенных»: дух и цели трансгуманизма. – М.: Благословение, Техинвест-3, 2016. – 160 с.
6. Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» / Научный редактор О. А. Платонов. Изд. 4-ое, дополненное. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – 1120 с.
7. Папаяни Ф. А. Третий Рим. URL: http://ruskline.ru/special_opinion/2016/fevral/tretij_rim/ (Дата обращения: 14.09.2017).
8. Вера, Держава, Народ: Русская мысль конца XX века – начала XXI века / отв. Редактор О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2016. – 1200 с.
9. Папаяни Ф. А. Метод бинарных дифференциаций в идеологическом дискурсе // Журнал Изборского клуба Новороссии «Новая земля» № 10 (24). – Донецк, 2016. – С. 47–57.
10. Папаяни Ф. А. К вопросу идеологии Отчизны / Идеология Отечества. Сборник. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2015. – 164 с.
11. Михаил Хазин: О проблемах политического либерализма. URL: <https://izborsk-club.ru/13905> (Дата обращения: 23.08.2017).
12. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги / К. Р. Поппер; пер. с англ. – М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с.

Papayani F. A. Four Discourses of Liberalism// Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 1. – P. 119–128.

A comprehensive approach to exploring the ideology of liberalism necessitates the consideration of not only its theoretical background and political practice, widely covered by references, but also its metaphysical and shady aspects which are scantily discussed. It is shown that theoretical liberalism has significant internal contradiction destroying the internal stability of the state while the triumph of liberalism in the world is explained by other factors rather than its attractiveness. The issue is cleared up by metaphysic discourse which reveals deep, historical and spiritual roots of the present-day liberal capitalist civilization. Of prime importance is the study of shady aspects of liberalism since big-time politics and big finances are pursued behind closed doors. The paper indicates that liberalism maintains its capacity for the only reason that political liberalism is neither liberal nor democratic. Liberalism in Russia betokens chaos and tragedy.

Key words: liberalism, political liberalism, ideology, metaphysics, shady sides, masonry.

References

1. Sirota N. M. Ideologiya i Politika [Ideology and Politics]. Moscow, Aspect Press Publ., 2015, 216 p.
2. Schwarzmantel J. Ideologiya i Politika [Ideology and Politics]. Kharkov, Humanitarian Center Publ., 2009, 312 p.
3. Mises L. Liberalizm v Klassicheskoi Traditsii [Liberalism in the Classical Tradition]. Moscow, Sotsium Publ., Economics, 2001, 239 p.
4. Dugin A. G. Chetvertaya Politicheskaya Teoriya. Rossiya i Politicheskie Idei XXI Veka [Fourth Political Theory. Russia and Political Ideas of the 20th Century]. St. Petersburg, Amfora, Trading and Publishing House 'Amfora', 2009, 351 p.
5. Chetverikova O. N. Diktatura "Prosveshchennykh": Dukhi Tseli Transgumanizma [Dictatorship of "the Enlightened": Spirit and Goals of Transhumanism]. Moscow, Blagoslovenie, Tekhinvest -3, 2016, 160 p.
6. Katasonov V. Yu. Kapitalizm. Istoriya i Ideologiya "Denezhnoi Tsivilizatsii" [Capitalism. History and Ideology of the 'Money Civilization']. Science Editor O.A. Platonov. 4th enlarged edition. Moscow, The Institute of Russian Civilization, 2015, 1120 p.
7. Papayani F.A. Tretii Rim [Third Rome]. URL: http://ruskline.ru/special_opinion/2016/fevral/tretij_rim/ (Accessed: 14 September 2017).
8. Vera, Derzhava, Narod: Russkaya Mysl' Kontsa XX Veka – nachala XXI Veka [Faith, State, People: Russian Thought of the Late 20th – Early 21st Centuries] / Executive Editor O.A. Platonov. Moscow, The Institute of Russian Civilization, 2016, 1200 p.
9. Papayani F. A. Metod binarnykh differentsiatsii v ideologicheskom diskurse [Method of Binary Differentiations in Ideological Discourse]. Novaya Zemlya Journal of the Izborsk Club of Novorussia, Issue № 10(24), Donetsk, 2016, 47–57 pp.
10. Papayani F. A. K Voprosu Ideologii Otchizny / Ideologiya Otechestva [On the Issue of Ideology of the Motherland / Ideology of the Motherland]. Collected works. Moscow, International Publishing Center 'Etnosotsium', 2015, 164 p.
11. Mikhail Khazin. O Problemakh Politicheskogo Liberalizma [On Issues of Political Liberalism]. URL: <https://izborsk-club.ru/13905> (Accessed: 23 August 2017).
12. Popper K. R. Otkrytoe Obshchestvo i Ego Vragi [The Open Society and Its Enemies]. Moscow, Feniks, Mezhdunarodnyi fond 'Kul'turnaya initsiativa', 1992, 448 p.

УДК 327.5

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРОЦЕССУ УСТАНОВЛЕНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА: РЕТРОСПЕКТИВА В ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ

Плащинский А. А.

Международный университет «МИТСО», г. Минск, Беларусь.

E-mail: a.plashchinsky@mail.ru

В статье осуществляется политологический и исторический анализ противоборства двух магистральных геополитических тенденций: установления нового мирового порядка США с одной стороны и евразийской интеграции – с другой. Данный процесс рассматривается в хронологическом ключе: начиная от так называемого «Плана Сталина», разработанного руководством СССР по окончании Второй мировой войны, до современных попыток ряда государств мира избавиться от долларовой зависимости и встать на подлинно независимый путь развития. Противодействие американоцентричной модели мироустройства со стороны СССР обусловило холодную войну и кратковременную по историческим меркам гегемонию США после ее завершения. Показано, что эпоха единоличного лидерства США неизбежно и закономерно уходит в прошлое. Создание новой сбалансированной системы международных отношений, основанной на принципе мирного сосуществования государств, возможно только при условии понимания сущности либеральной парадигмы, проецируемой англосаксонской цивилизацией, а также минимизации геополитических рисков и опасностей, обусловленных ее реализацией.

В статье подчеркивается актуальность изучения исторического опыта государств, противодействующих процессу установления нового мирового порядка как системы тотального контроля над развитием человеческой цивилизации. Таким государством является, в первую очередь, Россия. Проецирование будущего возможно только с учетом опыта прошлого.

Ключевые слова: система международных отношений, трансформация, новый мировой порядок, евразийская интеграция, международный порядок.

В XX столетии глобалисты предприняли три попытки установления нового мирового порядка. Результатами этих попыток стали Первая мировая война, Вторая мировая война и холодная война. На современном этапе достигнута очередная точка бифуркации: между войной и миром. Вновь проявляют себя две магистральные исторические тенденции, трансформирующие мир: евразийская интеграция с одной стороны и процесс установления нового мирового порядка – с другой. Каждая из этих тенденций предполагает альтернативный сценарий будущего и разновекторные пути развития.

В настоящее время наблюдается очередная – третья – попытка «поджигателей войны» втянуть Россию в региональные конфликты по периметру ее границ. Результатом такой политики является расширение глобального хаоса с очевидной

перспективой его разрастания в конфликт глобального масштаба по сценарию «столкновения цивилизаций». Об этом свидетельствуют, в частности, гражданская война на Украине, нагнетание военно-политической обстановки вокруг так называемой «северокорейской проблемы», усиление давления США на Иран, вмешательство внешних сил в «арабо-израильский конфликт» под предлогом определения политико-правового статуса Иерусалима и т. п. Данная цепь событий, которая по своей сути аналогична предыдущим попыткам достижения мировой гегемонии (Первая мировая война, Вторая мировая война, холодная война), сопровождается беспрецедентным информационным и санкционным давлением ряда международных структур на российском направлении. Вот почему именно Россия была и остается главной геополитической целью сил, стремящихся к мировому господству.

В условиях высокого конфликтного потенциала современных международных отношений необходима концептуализированная мирная инициатива, которая позволит сбалансировать систему международных отношений и реализовать идею Великой Евразии. На наш взгляд, объединение евразийских государств на данном этапе исторического развития возможно только в формате евразийской конфедерации. В этой связи целесообразно проанализировать процесс противодействия «миру по-американски» в хронологическом ключе.

В 20 веке СССР послужил единственным центром силы, противостоящим проекту «либерального» миропорядка США. После создания советского ядерного оружия (1949 г.), учреждения Организации Варшавского договора (ОВД) и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) социалистическая модель развития выступила в качестве альтернативы капиталистической модели, основанной на гегемонии США. Начиная с конца 40-х гг. в условиях фактического раскола мира на два противостоящих лагеря Советский Союз под руководством И. В. Сталина предпринял попытку реализовать антиглобалистский проект в мировом масштабе. Целью советского проекта являлась трансформация американоцентричной (Бреттон-Вудской) системы международных отношений. Для этого, в первую очередь, требовалось ослабить позиции доллара США в международной торговле и финансах, перейти к взаимным расчетам в национальных валютах и создать для этого соответствующие международные институты.

Идея создания новой системы международных отношений, отличающейся от Бреттон-Вудских соглашений 1944 г., была выдвинута уже в последней книге И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» [1]. Советский лидер обосновывал создание не только экономической, но и политической системы, состоящей из идеологически близких государств. Российский исследователь А. Балиев подчеркивает, что Сталин призывал послов Аргентины, Индии, Китая, Финляндии, Швеции, Эфиопии к формированию экономического и политического блока не прозападных стран и на этой основе – к созданию равноправного мирового экономического порядка, то есть «к отказу от диктата империалистических валют» [2]. Об этом лидер СССР заявлял в ходе встреч с послами Китая, Индии, Аргентины, Финляндии, Эфиопии и других государств, а также в рамках интервью.

На начальном этапе план Сталина предполагал созыв Московской международной экономической конференции. Задачей конференции ставилось развитие международной и региональной торговли на равных и справедливых условиях, создание зоны свободной торговли в Юго-Восточной Азии¹. Стратегической целью Советского Союза являлось учреждение международной торгово-экономической организации как альтернативы ГАТТ (ВТО) и другим Бреттон-Вудским институтам.

Созыв Московской конференции вызвал противодействие Запада. М. Липкин свидетельствует, что «На Западе это событие было дискредитировано как еще одно звено в цепи советской пропаганды. На Востоке отношение было гораздо более сложным» [3]. Вместе с тем Московская конференция стала первым важным мероприятием со стороны СССР в процессе трансформации Бреттон-Вудской системы, основанной на доминирующей роли доллара США. Этот процесс продолжается до настоящего времени.

В период с 23 февраля по 4 марта 1953 г. по инициативе Советского Союза состоялась Конференция Экономической комиссии ООН по Азии и Дальнему Востоку (г. Манила, Филиппины). Проведение конференции поддержали Китай, Индия, Иран, Монголия, Индонезия, Бирма и Северный Вьетнам. СССР предложил создать международную систему взаимных расчетов в национальных валютах и ликвидировать ограничения во взаимной торговле. Одним из результатов деятельности советской дипломатии стало возобновление двусторонней торговли между Китаем и Японией².

Под сталинским руководством Советский Союз разработал еще один важный проект по введению наднациональной валюты государств – членов СЭВ, альтернативы доллару США. Такой валютой стал переводной рубль. Он использовался только для безналичных расчетов между странами – участниками СЭВ. Взаиморасчеты оформлялись в виде записей на специальных счетах Международного банка экономического сотрудничества (МБЭС) и Международного инвестиционного банка (МИБ). Примечательно, что в сентябре 2015 г. с инициативой о введении наднациональной мировой валюты для государств – членов ООН выступил Президент Казахстана Н. Назарбаев.

Переводной рубль как наднациональная валюта был утвержден Соглашением о международных расчетах государств – членов СЭВ 22 октября 1963 г. Страны СЭВ использовали данную международную расчетную единицу с 1 января 1964 г. Международный банк экономического развития эмитировал переводной рубль под конкретные заказы в целях развития торгово-экономического сотрудничества в государствах Варшавского блока. Однако в 1990 году Горбачев вынудил СЭВ отказаться от торговли внутри организации в переводных рублях и перейти на

¹ С 2008 г. аналогичная инициатива создания зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе реализовывалась США в рамках проекта Транстихоокеанского партнерства (ТТП). Однако переговоры по данному проекту ведутся с его участниками в строгой секретности. Проект был инициирован в 2003 г. со стороны Новой Зеландии, Сингапура и Чили.

² Первый торговый договор между Китаем и Японией в послевоенный период был подписан в 1952 г. в Пекине.

торговлю в долларах США. Таким образом Горбачев фактически разрушил экономическую основу взаимодействия государств Варшавского договора [4].

В начале 1970-х гг. попытка создания «нового экономического порядка» была предпринята развивающимися странами в связи с растущими диспропорциями в экономическом развитии государств и проблемой «Север – Юг» в международных отношениях. В 1974 г. по инициативе развивающихся государств Генеральная Ассамблея ООН резолюциями № 3201 и № 3201 (S-VI) на 2229-м пленарном заседании приняла Хартию экономических прав и обязанностей государств, Декларацию об установлении нового международного экономического порядка и Программу действий по установлению нового международного экономического порядка³. Данные документы ООН предполагали ревизию Бреттон-Вудских соглашений и реструктуризацию мировой экономики в целях создания справедливой системы международной торговли с равноправным участием в ней развивающихся государств и стран «третьего мира».

Декларация об установлении нового международного экономического порядка (1974) гарантировала суверенные права каждого из подписавших ее государств в отношении своих природных ресурсов, экономической деятельности, в том числе, право национализации собственности. В связи с противодействием Запада и началом «перестройки» в СССР данный документ ООН не был реализован. Однако основные положения декларации не потеряли своей актуальности и сегодня. Во-первых, это призыв к созданию нового международного экономического порядка, основанного на принципах национального суверенитета и взаимозависимости; во-вторых, требование о ликвидации существующих диспропорций в мировом развитии и растущего разрыва между богатыми и бедными странами; в-третьих, декларация справедливо констатировала, что «нынешний международный экономический порядок находится в прямом конфликте с текущим развитием событий в международных политических и экономических отношениях» [5].

В целях построения новой системы международного порядка в декларации предлагалась реализация следующих принципов: соблюдения международного права; уважения суверенитета, равенства и территориальной целостности всех государств; невмешательства во внутренние дела других государств; равного участия всех стран в разрешении мировых экономических проблем в общих интересах всех государств; права каждой страны утверждать ту экономическую и социальную систему, которую она считает наиболее подходящей для своего собственного развития. Кроме того, в документе провозглашался полный и неотъемлемый суверенитет каждого государства над своими природными ресурсами и экономической деятельностью, включая право на национализацию или передачу права собственности народу своего государства [5].

В 1970–1980-е гг. СССР не оказал должную поддержку реализации вышеобозначенных принципов создания справедливого и равноправного международного порядка. В связи с приходом к власти Горбачева и началом

³ Результат голосования в ООН: 120 голосов – «за»; 6 – «против»; 10 – «воздержались».

«перестройки» началось фактическое уничтожение государственной системы. Тем не менее эти принципы важно учитывать и сегодня.

Рассматривая хронологию процесса противодействия новому мировому порядку, важно также выделить нижеследующие международно-политические события. 2–3 апреля 1979 г. в Вене состоялось международное совещание экспертов на тему «Новый международный экономический порядок: философские и социально-культурные последствия». Встреча была организована неправительственной организацией – Международной организацией прогресса. Мероприятие проходило под эгидой президента Австрии. В нем приняли участие представители ООН, ЮНЕСКО, Арабской лиги образования, науки и культуры (АЛЕКСО), ЮНИДО, ОПЕК, Независимой комиссии по вопросам международного развития, а также эксперты из арабских государств, Европы, Азии и Африки. По итогам встречи было принято коммюнике.

В нем подчеркивалось, что «Принципы, изложенные в резолюции Организации Объединенных Наций, касающейся установления нового международного экономического порядка, не должны обсуждаться только в абстрактной и формальной манере. Эти принципы должны быть трансформированы в нормы международного права. Особое внимание должно быть уделено признанию фундаментальных социальных прав – как части системы прав человека – не только на национальном уровне, но и как руководящее правило транснациональной ответственности государств» [6].

Примечательно, что на завершающем этапе холодной войны попытка отказа от доллара США как мировой резервной валюты последовала со стороны Германии. В 1989 г. с такой инициативой выступил председатель правления «Дойче Банка» А. Херрхаузен⁴. Он предложил создать валютный союз между Германией и Советским Союзом. С тех пор усилия по переходу к новой валюте в торговле нефтью предпринимались лидерами ряда государств, таких как Ирак, Венесуэла, Ливия, Иран и др. Ими предлагалось не только введение новых региональных валют (сукре, золотой динар и др.), но и новой мировой резервной валюты.

В 2000 г. Президент Ирака С. Хусейн заявил о намерении перевести иракский экспорт нефтью на расчеты в евро. В октябре 2000 г. Ирак настаивал на демпинге доллара США в пользу евро [7]. Индонезия, Малайзия и ряд других стран Азии могли последовать примеру Ирака и «спровоцировать структурную перестройку, которая в перспективе обрушила бы фондовый рынок США» [8]. Вот почему в 2003 г. США и страны – члены НАТО осуществили операцию «Иракская свобода».

Вторая война в Персидском заливе началась под вымышленным предлогом «неминуемой угрозы» со стороны Ирака и якобы наличия в этой стране оружия массового уничтожения. Ведущий корреспондент «Радио свободная Европа» Ч. Рекнэйджел подчеркнул: «Саддам предопределил свою судьбу, когда он решил перейти на евро в конце 2000 г. (и позже конвертировал свой резервный фонд в ООН в размере 10 млрд долларов в евро) – в этот момент вторая рукотворная война

⁴ А. Херрхаузен убит во Франкфурте 30 ноября 1989 г.

в Персидском заливе стала неизбежной... Все это вписывается в более широкую большую игру, которая охватывает Россию, Индию, Китай» [9].

В 2004 г. по инициативе Президента Венесуэлы У. Чавеса (1954–2013) и Ф. Кастро (1926–2016) был создан Боливарианский Альянс (АЛБА). Данная организация планировалась как противовес американской инициативе расширения НАФТА и создания свободной экономической зоны между Северной и Южной Америкой. В долгосрочной перспективе планировалось введение наднациональной валюты для всех государств Южной Америки – СУКРЕ. На начальном этапе планировалось использование «сукре» как виртуальной (электронной) валюты в безналичных расчетах между участниками альянса АЛБА. Введение новой валюты было запланировано на январь 2010 г.⁵.

В 2005 г. Уго Чавес в ходе 60-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН отметил необходимость выполнения основополагающих принципов вышеуказанных резолюций ООН (1974) в целях создания нового международного порядка. В частности, лидер Венесуэлы заявил: «Главной целью нового международного экономического порядка была модификация старого экономического порядка, разработанного в Бреттон-Вудсе... Но также срочно необходим новый международный политический порядок» [10]. Кроме того, Венесуэла под руководством У. Чавеса приступила к осуществлению бартерных сделок с соседними государствами по обмену нефти на товары. Венесуэла призвала к исключению доллара США из взаимной торговли латиноамериканских государств.

Лидер Ливии М. Каддафи (1942–2011) также бросил вызов «миру по-американски». В период с 2003 г. по 2010 г. он активно продвигал идею объединения африканских государств в федерацию («Единую Африку») с населением порядка 200 млн человек. С этой целью ливийский лидер предложил ввести вместо доллара США новую региональную валюту – золотой динар для взаимных расчетов в торговле нефтью⁶. Каддафи призывал отказаться от доллара и использовать взамен золотые монеты, то есть вновь ввести «золотой стандарт» (по аналогии с инициативой генерала де Голля). Это привело бы к неизбежному краху Федеральной резервной системы США. Неслучайно Президент Франции Н. Саркози назвал Ливию «угрозой» финансовой безопасности мира. Реакцией Запада на политику М. Каддафи стала вооруженная интервенция НАТО (операция «Рассвет Одиссея») и «смена режима» в Ливии в 2011 г.

В 2002 г. лидеры Ливии и Малайзии выдвинули идею введения персидского золотого динара для взаимных расчетов. Эта идея изначально нашла поддержку со стороны Ирана, Судана и Брунея. Затем к ней присоединились Индонезия, ОАЭ и ряд других государств. Состоялись встречи министров финансов этих стран. Планировался отказ от доллара и евро и переход к золотому динару в межгосударственных расчетах. Более того, золотой динар был уже начеканен для реализации пилотных проектов внутри таких стран, как Малайзия, Индонезия и

⁵ Однако данная инициатива не была реализована по причине внезапной болезни и ухода из жизни Президента Венесуэлы Уго Чавеса в ноябре 2013 года.

⁶ Идеи М. Каддафи были поддержаны рядом арабских государств и многими государствами Африки. Против высказалось руководство ЮАР и Лиги арабских государств.

Иран. В. Ю. Катарасов подтверждает попытки отдельных государств отказаться от доллара США и вернуться к системе золотого стандарта. Он также приводит заявления первых лиц государств в пользу возвращения золота во внутреннее денежное обращение в таких странах, как Швеция, Норвегия, ЮАР, Южная Корея, Иран, Тайвань, Зимбабве и др. [11, с. 24].

В случае реализации вышеупомянутой инициативы Каддафи функционирование всей международной финансовой (долларовой) системы ставилось под угрозу. Каддафи намеревался «выйти из мировой банковской системы». За этим последовал бы целый ряд стран, поскольку данный шаг готовился долгие годы. К данной инициативе был готов присоединиться и Египет. Вот почему последовала «целая сеть революций, и вмешалось Центральное Разведывательное Управление» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Кроме того, Каддафи незадолго до того, как в Ливии началась вооруженная интервенция НАТО, обратился к Китаю, Индии и России, принимая во внимание их предрасположенность к переходу к золотому стандарту. Китай неоднократно заявлял о переходе к «золотому юаню». Вот почему такую инициативу поддерживали не только мусульманские страны, но и европейские государства, включая Германию. В Германии появились торговые точки по розничной торговле золотыми слитками. Эксперты объяснили появление новой услуги стремлением немцев в условиях кризиса доллара гарантировать сохранность накоплений граждан.

Несмотря на завершение периода глобального доминирования США, наступившего после распада СССР, Вашингтон предпринимает попытки сохранить свою гегемонию в мировой финансовой системе. В статье «Удастся ли США ради сохранения гегемонии доллара разрушить Россию?» британский аналитик К. Маунд так объясняет действия США: «К любому государству, которое пытается отказаться от использования доллара в качестве средства обмена, применяются силовые средства при необходимости. Тактика состоит из трех частей: экономическая блокада (санкции), финансирование внутренней революции, возможно, при содействии сил специального назначения США, и прямое военное вторжение; может применяться комбинация из всех трех этих частей» [12].

Основную угрозу «миру по-американски» представляют усилия России, Китая (и других государств БРИКС), направленные на введение новой мировой резервной валюты: «Эти крупные мощные соседи вступили в недавнем прошлом в ряд валютных и торговых соглашений, в которых не используется доллар, и поэтому представляют серьезную угрозу для статуса доллара как резервной валюты, которая, если останется без ответа, приведет его к концу» [12].

В 2016 г. об отказе от торговли нефтью в долларах и ведении бизнеса в евро, юанях и других «сильных» валютах заявил Иран. Примечательно, что 1 марта 2006 г. планировалось введение новой азиатской валютной единицы (ACU). Она рассчитывалась как среднее значение ценности валют Китая, Южной Кореи, Японии и 10 стран Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) [14].

Таким образом, на современном этапе отчетливо обозначилась тенденция отказа от доллара США как мировой резервной валюты. Формируется новая

международная валютная система и вместе с ней – новая система международных отношений. Данная тенденция свидетельствует о завершающей стадии трансформации Бреттон-Вудской системы и, следовательно, новых возможностях, которые открывает евразийская интеграция.

В период холодной войны противодействие новому мировому порядку как глобальному проекту англосаксонской цивилизации оказывал, главным образом, Советский Союз, а также государства социалистического лагеря и другие прогрессивные силы человечества. После распада СССР сопротивление однополярному проекту продолжилось по линии новых конкурирующих с США центров силы. Ключевым из них в настоящее время является Китай и – традиционно – Россия, геополитическая и культурно-историческая миссия которой заключается в удерживании мира от войны (концепция «Катехон»).

Трансформация миропорядка происходит в результате столкновения двух противоборствующих исторических и геополитических тенденций: с одной стороны, евразийской интеграции, в основе которой лежит созидательный принцип «единства в многообразии», то есть единения государств и народов на основании традиционных ценностей и, с другой стороны, деструктивного по своей сути процесса установления нового мирового порядка, предполагающего глобальную власть транснациональной олигархии, основанную на богоборческом принципе «разделяй и властвуй» и либеральной ценности «свободы» как вседозволенности. Подключение возможно только к одной из обозначенных тенденций, так как каждая из них предполагает выбор цивилизационной принадлежности и, следовательно, альтернативный сценарий будущего.

Единственным геополитическим препятствием на пути расширения глобального хаоса и поглощения традиционных государств в рамках глобализации представляется создание евразийской конфедерации. Ее идеологической основой может служить доктрина Великой Евразии как исторически выверенная наднациональная идея евразийских государств. Процесс создания евразийской конфедерации предполагает необходимость, во-первых, конституционного закрепления государственной идеологии как ключевого элемента гуманитарной и информационной безопасности и, во-вторых, введения наднациональной валюты государств – членов ЕАЭС для осуществления взаимных расчетов (на начальном этапе это может быть электронная валюта для безналичных расчетов). При этом только исходя из понимания единых и общих цивилизационных истоков России, Беларуси и Украины, возможно формирование образа будущего, основанного на подлинных национально-государственных интересах, а также мирное и созидательное развитие всего евразийского континента.

Список литературы

1. Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР / И. В. Сталин. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1952. – 224 с.
2. Балиев А. Последний проект Сталина. Как советский лидер боролся против «диктата империалистических валют». URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/poslednij_projekt_stalina_685.htm (Дата обращения: 06.02.2017).

3. Lipkin M. Moscow Economic Conference of April 1952: An Early Bid for Peaceful Coexistence or Ideological Warfare? papers from the Cold War Interactions Reconsidered: 9th annu. Aleksanteri conf., Helsinki, 29–31 Oct. 2009 / Univ. of Helsinki. – Helsinki, 2009. URL: <http://www.helsinki.fi/aleksanteri/conference2009/abstracts/lipkin.htm> (Accessed: 15 May 2013).
4. Старилов Н. Власть: книга с иллюстрациями, но без картинок / Н. Старилов. – СПб.: Питер, 2015. – 318 с.
5. Declaration on the Establishment of a New International Economic Order: Resolution Adopted by the Gen. Assembly, 6 Spec. Sess., 1 May 1974, A/RES/S-6/3201 // UN Documents. URL: <http://www.un-documents.net/s6r3201.htm> (Accessed: 11 June 2015).
6. International Meeting of Experts on the New International Economic Order – Philosophical and Socio-Cultural Implications, Vienna, 2–3 April, 1979 // International Progress Organization. URL: <http://www.i-p-o.org/nio.htm> (Accessed: 4 June 2015).
7. Faisal I. Iraq Nets Handsome Profit by Dumping Dollar for Euro // The Guardian. URL: <http://www.theguardian.com/business/2003/feb/16/iraq.theeuro> (Accessed: 3 June 2015).
8. Belton C. Putin: Why Not Price Oil in Euros? // The Moscow Times. – 2003. – 10 Oct. URL: <https://www.globalpolicy.org/component/content/article/214/43917.html> (Accessed: 27 February 2018).
9. Recknagel C. Iraq: Baghdad Moves to Euro // Radio Free Europe. URL: <http://www.rferl.org/content/article/1095057.html> (Accessed: 11 June 2015).
10. Speech given by President Hugo Chavez at 60th UN General Assembly // Embassy of the Bolivarian Republic of Venezuela in the United States of America <http://www.embavenez-us.org/news.php?nid=1745> (Accessed: 18 June 2013).
11. Катасонов В. Ю. Военная сила доллара. Как защитить Россию / В. Ю. Катасонов. – М.: Алгоритм, 2015. – 238 с.
12. Стерлигов Г. Муаммар Каддафи хотел заменить доллар золотом. Интервью телеканалу «Дождь». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BrubOwHmI4> (Дата обращения: 27.02.2018).
13. Maund C. P. Will the US Succeed in Breaking Russia to Maintain Dollar Hegemony? // Clive P. Maund. URL: http://www.clivemaund.com/article.php?art_id=3278&PHPSESSID=858d95f877010a9291c0b959c269ab82 (Accessed: 5 June 2015).
14. Зыкова Т. Проба доллара // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2009/04/20/valyuta.html> (Дата обращения: 29.01.2018).

Plashchinsky A. A. Countering to the Process of Establishing a New World Order: Retrospect in the Monetary and Financial Sphere // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 1. – P. 129-138.

Politological and historical analysis of the process of clashing between two fundamental geopolitical trends is being undertaken in the article. Namely, it is establishing of the U.S.-led new world order, on the one hand, and implementation of the Eurasian integration process, on the other hand. The above process is being viewed within chronological context, starting from implementation of the so-called “Stalin Plan”, which had been elaborated by the Soviet leader at the end of the Second World War, until modern attempts made by certain states to getting rid of dependence on U.S. dollar and taking the pass of truly independent development. Countering the establishment of American-oriented model of world order by the USSR led to bursting out of the Cold War. After the end of the latter a historically short timed period of U.S. hegemony began. The article also demonstrates that the era of unilateral U.S. leadership is inevitably recedes into the past. Creating new balanced system of international relations based on the principle of peaceful co-existence is possible, but only in case of understanding the essence of liberal paradigm projected by the Anglo-Saxon civilization as well as minimizing geopolitical risks and dangers caused by its implementation.

The article also underlines the topicality of examining historical experience of certain states of countering the process of establishing the new world order, which is being the system of total control over developing of

human civilization. Firstly, it is Russia, that plays such a countering role. Projecting the future is possible only by relying on the experience of the past.

Keywords: system of international relations, new world order, transformation, Eurasian integration, international order.

References

1. Stalin I. V. *Jekonomicheskie problemy socializma v SSSR* [Economic Problems of Socialism in the USSR]. Moscow, Gos. izd-vo polit. lit., 1952, 224 p.
2. Baliev A. *Poslednij proekt Stalina. Kak sovetskij lider borolsja protiv «diktata imperialisticheskikh valjut»* [Stalin's Last Project. As the Soviet Leader Struggled against the "Dictate of Imperialists' Currencies"]. URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/poslednij_projekt_stalina_685.htm (Accessed: 6 February 2017).
3. Lipkin M. Moscow Economic Conference of April 1952: An Early Bid for Peaceful Coexistence or Ideological Warfare? Proceedings of the Cold War Interactions Reconsidered: 9th annu. Aleksanteri conf. (Helsinki, Finland, Oct. 29–31, 2009). Helsinki, 2009. URL: <http://www.helsinki.fi/aleksanteri/conference2009/abstracts/lipkin.htm> (Accessed: 15 May 2013).
4. Starikov N. *Vlast': kniga s illjustracijami, no bez kartinok* [Power: the Book with Illustrations but without Pictures]. St. Petersburg, Piter, 2015, 318 p.
5. Declaration on the Establishment of a New International Economic Order: Resolution Adopted by the Gen. Assembly, 6 Spec. Sess., 1 May 1974, A/RES/S-6/3201. N Documents. URL: <http://www.un-documents.net/s6r3201.htm> (Accessed: 11 June 2015).
6. International Meeting of Experts on the New International Economic Order – Philosophical and Socio-Cultural Implications, Vienna, 2–3 April, 1979. URL: <http://www.i-p-o.org/nieo.htm> (Accessed: 4 June 2015).
7. Faisal I. Iraq Nets Handsome Profit by Dumping Dollar for Euro. *The Guardian*. URL: <http://www.theguardian.com/business/2003/feb/16/iraq.theeuro> (Accessed: 3 June 2015).
8. Belton C. Putin: Why Not Price Oil in Euros? // *The Moscow Times*. – 2003. – 10 Oct. URL: <https://www.globalpolicy.org/component/content/article/214/43917.html> (Accessed: 27 February 2018).
9. Recknagel Ch. Iraq: Baghdad Moves to Euro. *Radio Free Europe*. URL: <http://www.rferl.org/content/article/1095057.html> (Accessed: 11 June 2015).
10. Speech given by President Hugo Chavez at 60th UN General Assembly. Embassy of the Bolivarian Republic of Venezuela in the United States of America. URL: <http://www.embavenez-us.org/news.php?nid=1745> (Accessed: 18 June 2013).
11. Katasonov V. Ju. *Voennaja sila dollara. Kak zashchitit' Rossiju* [The Military Power of Dollar. How to Defend Russia] / V. Katasonov. – M.: Algoritm, 2015. – 238 p.
12. Sterligov G. Muammar Kaddafi hotel zamenit' dollar zolotom. Interv'ju telekanalu «Dozhd'» [Muammar Kaddafi Wanted to Replace Dollar by Euro. Interview to TV Channel «Rain»]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BrubOwHMnI4> (Accessed: 27 February 2018).
13. Maund C. P. Will the US Succeed in Breaking Russia to Maintain Dollar Hegemony? Clive P. Maund. URL: http://www.clivemaund.com/article.php?art_id=3278&PHPSESSID=858d95f877010a9291c0b959c269ab82 (Accessed: 5 June 2015).
14. Zykova T. *Proba dollara* [The Probe of Dollar]. *Rossijskaja gazeta* [Russian Newspaper]. URL: <https://rg.ru/2009/04/20/valyuta.html> (Accessed: 29 January 2018).

УДК 930.1"1941–1945"(47+57)

САКРАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Чемшиш А. А., Стаценко О. С.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация.

E-mail: histphilsoc@sevsu.ru (Чемшиш А. А.)

E-mail: OSStatsenko@sevsu.ru (Стаценко О. С.)

В статье рассматривается вопрос об историческом значении Победы в Великой Отечественной войне. Утверждается, что Великая Победа – есть самое значительное событие не только XX века, но и 20 последних веков мировой истории. Тема Великой Отечественной войны актуальна как никогда. Историческая память о войне подверглась чудовищному насилию, вследствие чего возникает настоятельная необходимость избавления от политической амнезии и напоминания о том, кто вынес основной груз Второй мировой войны, кто выиграл все главные баталии, кто брал Берлин и освободил Европу от порабощения, а заодно предотвратил мировую катастрофу. Подчеркивается, что европейская цивилизация дважды была спасена от гибели. Первый раз – духовно, введением христианства, второй – физически, победой советского народа над нацизмом. Обосновывается сакральный характер Отечественной войны и Великой Победы. В переписывании истории усматривается попытка лишить Россию славы победителя и ослабить ее субъектность. Указываются главные темы защиты исторической правды о Великой войне.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, советский народ, Священная война, Великая Победа, сакральный характер Победы.

«Наше дело правое, мы победили»

Последний день войны есть первый день мира. С него начинается новое мировосприятие, мироощущение, миропонимание жизни. Люди, пережившие самую страшную в истории войну, и эмоционально, и рационально испытывают потребность скорейшего вхождения в новую реальность, свободную от тревоги, страха и смерти. Однако день вчерашний своей страшной памятью препятствует наступлению дня сегодняшнего, повсеместно и неустанно напоминает живущим о мертвых, здоровым об искалеченных, счастливым о несчастных. Уставшее от запредельных нагрузок общество настойчиво стремится вытеснить из памяти все, что связано с лихолетьем. В этом естественном желании сбросить груз прошлого ради мирной, спокойной жизни кроется объяснение того факта, что в течение 20 лет после Победы у нас не было официального праздника в ее честь. Слишком велико было горе, безмерными были утраты. Не до торжеств было. Достаточно было того, что война закончилась и что мы победили в этой войне.

Для советских людей и народов современной России Вторая мировая война, в первую очередь есть война Отечественная, а уже потом – Мировая. Термин «Великая Отечественная война» имеет свою суверенную смысловую нагрузку и точнее, чем «Вторая Мировая война», отражает сущностные и содержательные характеристики этого феномена в сознании народа, пережившего нечеловеческие испытания, которые принесла ему интервенция, и сверхчеловеческое ликование, дарованное ему Победой. Война с фашизмом имеет еще несколько возвышенных наименований. Кроме «Великой» и «Отечественной», ее нарекли также «Народной» и «Священной». В каждом из обозначенных наименований мы обнаруживаем ту или иную ее иллюстрацию, тот или иной связанный с ней символизм, мы также видим, что поэтизация войны – сестра ее героизации. Такая война не могла избежать ни проклятий, ни благословения.

Запечатленные в людской памяти характеристики войны с фашизмом заслуживают теоретического осмысления. Великая Отечественная война была народной. Это объясняется тем, что она была не только войной армий. Гитлеровскому нашествию противостоял весь советский народ [5, с. 13] от мала до велика, все этносы и народности, все социальные слои, верующие и атеисты, члены партии и беспартийные. Есть основания полагать, что окончательное становление и оформление советского народа как органически целостной гражданской нации завершилось в первый год войны. Окончательное преодоление наследия гражданской войны и консолидация советского общества произошли перед лицом угрозы, исходящей от германо-нацистской агрессии.

Понятия «Народная» и «Отечественная» война – близки, но не тождественны. Это становится понятным при тщательном разборе категорий «народ» и «Отечество». Народ – в первую очередь материальная субстанция, главными атрибутами которой выступают жизнь и свобода. Народная война предполагает борьбу за физическое выживание и недопущение физического порабощения.

Отечество мы рассматриваем как субстанцию духовную, атрибутом которой являются народный дух, сознание и культура предков, историческая память, привязанность к родной земле («Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам»). Отечественная война – это война против чужеземцев, против оккупантов. Такая война носит тотальный характер, в ней недопустимы компромиссы, соглашательства. Это война всеми силами и средствами. В такой войне не может быть ничейного результата. Это война до окончательной победы и безоговорочной капитуляции.

Естественно, что Отечественная война удостоилась титула Великой [5, с. 13]. Величие Отечественной войны определяется не только панорамностью события, масштабностью целей и задач, высшими образцами военного искусства, стратегической мудростью и тактической виртуозностью. Война была Великой еще и потому, что мы победили самого сильного и самого опасного врага в своей тысячелетней истории. Именно поэтому наш народ и наша армия по праву могут именоваться великими.

Выше величия может быть только святость. Отечественная война была не только Великой, но и Священной. Война состояла не только из боевых действий,

перемещения войск и военной техники, напряженной работы штабов, разведки тыла и т. д. Она также несла в себе колоссальный экзистенциальный смысл. Эта война была битвой за право жизни на земле десятков миллионов, за право на свободу и достоинство сотен миллионов людей. Это была война с абсолютным злом, бросившем вызов естественному ходу истории с целью повернуть ее движение в обратном направлении. При всем различии либеральной и социалистической моделей развития, они – каждая по-своему – работали на оптимизацию существовавших общественных систем, на будущность человечества. Так или иначе, государства антигитлеровской коалиции двигали колесницу истории вперед, а германский нацизм пытался отбросить человечество назад, в средневековье, к уже пройденным этапам развития.

Противостояние злу исходило не только от возмущенного разума. Кипящая «благородная ярость» обрушивалась на врага с каждым толчком сердца. Война с безжалостным врагом требовала огромных жертв. На алтарь Победы советский народ принес такую плату, которая, по библейским преданиям, заслуживает богоизбранности. Выражаясь культовым языком, все участники Великой Отечественной войны – есть великомученики и страстотерпцы, которых благодарные потомки увенчали ареалом святости.

Таким образом, Великая Отечественная война как доминантная составляющая Второй мировой была сражением за историческую правду, за торжество справедливости [5, с. 29, 150]. Нацизм цинично отрекался от моральных ценностей, насаждая культ грубой силы. Национал-социализм мог быть побежден только большей силой. Таковой оказались советский народ, советское государство, советская армия. Сила победителя была заключена, прежде всего, в правде, в справедливости. Мы победили, потому что «наше дело правое и святое». По нашему мнению, Победа в Великой Отечественной войне еще не получила той высшей оценки, которую заслуживает. Великая Отечественная война – священная война, равно как сакральной является и ее финал – Победа. Победа в Великой Отечественной войне является самым значительным событием не только XX века, но и всей 20-ти вековой христианской эпохи. После утверждения христианства на европейском континенте не произошло ни одного исторического события, равного по значимости Победе над нацизмом. Европейская цивилизация дважды стояла на краю пропасти. В первый раз своим духовным спасением Европа обязана христианской религии, во второй – от физического порабощения Европу спас советский солдат. Победа является не только военно-политическим феноменом, но в большей степени она есть священная сакральная субстанция.

Общественное развитие осуществляется путем сложной комбинации партнерских отношений и конкурентных начал, имеющих между социальными субъектами. При этом партнерство – явление временное, а конкуренция – постоянное. Лучшей иллюстрацией этому являются взаимоотношения стран – победителей во Второй мировой войне. В самом ее начале вице-президент США Г. Трумэн следующим образом обозначил стратегический интерес Америки: «Если мы увидим, что побеждает Германия, то нам следует помогать России, а если будет побеждать Россия, то нам надлежит помогать Германии, и, таким образом, пусть

они убивают как можно больше, хотя мне не хочется ни при каких обстоятельствах видеть Гитлера победителем» [1, с. 794]. Штаты оказали нам существенную помощь материально-технического и продовольственного назначения, но эта помощь была направлена не ради скорейшего разгрома нацизма. В большей степени это делалось для того, чтобы помешать военным планам Германии. Союзники не торопились с открытием второго фронта до того самого момента, когда стало очевидным, что СССР и без их помощи одержит победу. Второй фронт понадобился союзникам, чтобы воспрепятствовать взятию Красной Армией Берлина и, как им думалось, сорвать план захвата всей Европы. Как известно, Берлин все равно был взят, а плана продвижения Советской Армии вплоть до Ла-Манша не существовало в природе. Союз США, Великобритании с СССР был необходим до капитуляции Японии, подведения итогов всей войны и выстраивания конфигурации послевоенного мира. На этом партнерство мировых держав заканчивалось, а конкуренция между Англией и США с одной стороны и Советским Союзом – с другой возобновилась с новой силой. Первым сигналом к этому явилась атомная бомбардировка Японии, вторым – фултонская речь Черчилля [1, с. 795; 3, с. 40–43].

Возникла парадоксальная ситуация. Вчерашние союзники, объединенные ведением совместной борьбы с абсолютным злом, погрузились в состояние холодной войны друг с другом и неоднократно оказывались на грани ядерного конфликта с гарантированным обоюдным уничтожением. В этой связи Великая война из фактора сплочения превратилась в фактор соперничества и информационного противостояния. Несмотря на жесткую формальную политическую организацию, Советский Союз оставался нравственным государством. Только великодушием страны-победителя можно объяснить информационную корректность СССР в отношении войны. Лишь на исходе 20-летия ее окончания завершилось издание шеститомника истории Великой Отечественной войны. Несмотря на острое идеологическое противоборство и холодную войну между двумя мировыми системами, советская пропаганда не злоупотребляла темой Великой Победы и «по-джентельменски» относилась к бывшим товарищам по оружию. В 12-томном издании о Великой Отечественной войне составители щедро отвели свыше трети объема описанию действий союзников [4, с. 19].

В то же время союзники подходили к проблематике Второй мировой исключительно из своих интересов. Так, Великобритания посвятила ей целых 40 томов, а вкладу англичан в историческую победу отвели свыше 90 % текста. Что же касается роли СССР, то ему отведено оскорбительно мало места. Достаточно сказать, что Сталинградское сражение выглядит чем-то второстепенным. Оно упоминается в пределах нескольких страничек [4, с. 19].

Советские люди имели объективное представление о ходе и исходе Второй мировой войны. Но из этого не следует, что советская (правдивая) концепция усвоена другими народами. Источниками сведений о Великой Отечественной войне за рубежом в основном являются мемуары немецких генералов, а также их американских интерпретаторов. Продолжительное время граждане СССР с иронией воспринимали заграничные мифы о сражениях и героях Второй мировой, в которых

главными баталиями изображены не Сталинград и Курск, а успехи англичан в Северной Африке и американцев на атолле Мидуэй. Совершенно нелепо выглядит картина Второй мировой в японском исполнении: 107 из 110 томов посвящены армии, потерпевшей сокрушительное поражение. Важнейшей битвой считается борьба за Алеутские острова и о. Окинаву. В этой истории подробнейшим образом сказано о взятии и сдаче небольших населенных пунктов в Китае, упоминаются тысячи незначительных имен, показана дислокация воинских подразделений чуть ли не до отдельных рот. И самое главное: если только три тома из 110 повествуют о боевых действиях армий других государств, то где же в этом издании история II Мировой войны [4, с. 20]?

Эти, мягко говоря, профанации самого значимого события XX века не вызвали в нашей стране большого беспокойства, поскольку нашему народу был привит мощный иммунитет от фальсификаций Второй мировой войны в целом и Великой Отечественной – в особенности. С течением времени, однако, ситуация изменилась. В большинстве своем ушли из жизни поколения фронтовиков и тех, кто знал все о войне не понаслышке. Сменился государственный строй. Изменилось соотношение сил в мире. И вот мы уже слышим, что не было никакого освобождения Европы, а на смену одним оккупантам пришли другие. На высоком политическом уровне принимаются решения о равной ответственности за жертвы войны нацизма и сталинизма. Распространена информация о массовых изнасилованиях немецких женщин советскими солдатами. Складывается впечатление, что недалек тот день, когда антисоветская концепция Второй мировой войны из маргинальной версии превратится в доминирующую.

Современная история еще раз подтвердила, что одержать Победу, даже Великую и безоговорочную, мало. Эту Победу еще надо уметь защищать. Сегодня Великая Победа нуждается в защите как никогда. Защищать Победу нужно, как минимум, из двух соображений. Первое – от фальсификаций и откровенно злобных нападок со стороны политических противников и второе – от преступного равнодушия либерально настроенной публики.

Излюбленной темой фальсификаторов Великой Отечественной войны является вопрос о цене Победы. Цена Победы – есть вполне закономерный и естественный вопрос, если в этом словосочетании доминирующим выступает «победа», а «цена» остается производным и если цена не ставит под сомнение саму победу. Мы победили, потому что «наше дело – правое». Мы не могли не победить потому, что, если бы мы проиграли, мы потеряли бы все: достоинство, свободу, жизнь. Наша страна заплатила невероятно высокую цену во имя жизни живущих и еще не родившихся. Ничто не должно нас сдвинуть с той позиции, что цена Победы была оправдана. Никто не вправе оспаривать необходимость защиты Ленинграда, потому как единственной альтернативой его блокады была его сдача. Никто не смеет подвергать сомнению необходимость форсирования Днепра и переноса центра военных действий на территорию противника. Недопустимо спекулировать на памяти погибших при взятии Берлина, поскольку каждый лишний день войны есть сокращение на тот же день мирной жизни. Преступно цену Победы ценить выше самой Победы.

В условиях отсутствия цензуры, на экранах телевизоров и в кинотеатрах, в научных и публицистических изданиях нередко случаются недобросовестные показы и повествования о войне. Под предлогом отыскания «всей» правды, уточнения и детализации того или иного события, авторского толкования военных действий в общество вбрасываются вольные суждения и смыслы, польза от которых сомнительна, а вред – очевиден. Война неслучайно называется Священной: с тем, что свято, нельзя обращаться иначе, как бережно и трепетно. В годы войны и достаточно долго после ее завершения ни у кого из советских людей не было сомнения в том, что у армии, государства и народа был Верховный главнокомандующий. Абсурдная в умственном отношении и циничная в моральном идея о том, что войну народ выиграл не благодаря, а вопреки воли Сталина, получила расхожий характер. Естественно, что ни один человек, когда-либо державший в руках оружие и чеканивший шаг на военном плацу, этот тезис всерьез воспринимать не станет. Но ведь общество состоит не из одних служивых. Большая его часть – люди гражданские. В большинстве своем люди даже не пытаются оценить нелепую по самой своей сути фразу «не благодаря, а вопреки». Между тем замысел предать забвению фигуру Верховного главнокомандующего означает упрощение понимания такого феномена, как Великая Отечественная война, умаление ее исторического значения и роли [2, с. 741–744; 3; 5].

Верховный главнокомандующий, между тем, еще и глава государства. Стремление отодвинуть его на второй план может вбить клин между властью и народом, между армией и государством. Здесь уже налицо вызов, брошенный политической системе и всей советской эпохе в целом. А ведь Победа в Великой войне – главное достижение советского времени.

Неприятие коммунизма и советской власти влечет за собой переписывание истории и принижение роли правящей партии в годы войны. Исторически необъективно и морально бесчестно изображать комиссаров и политработников в одном ряду с тыловиками, не «нюхавшими» пороха. В действительности партийные офицеры и солдаты, а также штатные политработники не имели иной привилегии, как находиться на самых опасных участках фронта. Не меньше фальсификаций направлено и в сторону НКВД. В общество беспрепятственно внедряется миф о «чужеродности» особистов, якобы страдавших шпиономанией и излишней подозрительностью. Современный кинематограф сверх всякой меры навязывает тему «бесчинств» органов госбезопасности. Что ни фильм про войну – то злодей-следователь «шьет дело» ни в чем не повинному фронтовику. Редкий случай, когда в военном кинофильме сотрудник НКВД представлен как профессионал и порядочный человек, разоблачающий предателей и реабилитирующий невинных. В целом, мы наблюдаем противопоставление НКВД вооруженным силам, как будто на войне не было ни шпионов, ни диверсантов, ни предателей. Как будто бы бойцы НКВД не умирали наравне с воинами Красной Армии на передовой.

Достаточно интенсивно эксплуатируется тема штрафников. На основе просмотра некоторых фильмов у молодых людей может сложиться впечатление, что главные сражения в Отечественной войне выиграли штрафные батальоны, что штрафбаты состояли сплошь из невинных политзаключенных или уголовников, что

«из штрафбата нет возврата» и т. д., и т. п. Однако неосведомленным не лишне знать, что положением о штрафбате и штрафроте предусматривался срок пребывания в этих подразделениях от 1 до 3 месяцев в зависимости от срока наказания по приговору военного трибунала. По истечении срока штрафник возвращается в свою часть, восстанавливается в правах и в звании. В случае ранения срок пребывания в штрафном подразделении прерывается немедленно. Естественно, из штрафников многие не возвращались, возможно, большая их часть, но в условиях войны это был все-таки шанс искупить свою вину перед Родиной и товарищами, вернуть утраченную репутацию. Потери в штрафбатах действительно были в 3–5 раз выше, чем в обычных частях. Но войну выиграли не штрафники, ее выиграла регулярная армия. Штрафные подразделения составляли всего лишь 1,24 % от общей численности вооруженных сил, участвующих в боевых действиях [4, с. 200].

Особое направление в пересмотре истории представляет отождествление политических режимов СССР и Германии и, соответственно, возложение равной ответственности за развязывание войны, за все связанные с ней ужасы и тяжелейшие последствия. К уже сказанному относительно антиисторического проекта Гитлера и технологически несовершенного, но идейно правомерного советского строя добавим следующее. По нашему мнению, ставить в один качественный ряд систему советской власти и нацистский режим – некорректно. Историческая оценка двух систем должна основываться не на внешнем сходстве форм и явлений, а на принципиальном различии содержания и сущности теории коммунизма и расовой теории.

В теоретическом плане идея коммунизма не только правомерна, но и представляется фундаментальнее и справедливее всех существующих. Другое дело, что эта идея слишком хороша, чтобы стать реальностью. Попытка перевести коммунистический идеал в практическую плоскость показала и доказала неготовность современного общества подняться до уровня, заданного теорией. Коммунизм попытался людей сделать лучше, чем они есть по своей природе. Таким образом, в коммунизме просматриваются два диссонирующих момента: намерения и действия. Намерения – благородные, действия – волюнтаристские.

Расовая теория Гитлера порочна и бесчеловечна что в теории, что на практике. Нацизм, в отличие от коммунизма, попытался людей сделать хуже, чем они есть на самом деле, и символично то, что нравственное превосходство советского социализма над немецким национал-социализмом было закреплено победой нашего оружия.

В заключение следует подчеркнуть, что святыни подлежат безусловной апологетике. Сакральность есть неприкосновенность. В условиях обострившихся противоречий эта формула приобретает характер абсолютности. Сакральный характер Победы в Великой Отечественной войне – это бессрочная ее оценка. День Победы – это еще и день Спасения советского народа. Вопрос о сакрализации войны и Победы – не праздный вопрос, так как субъектность и суверенитет России остаются незыблемыми, пока в памяти ее народа живет Священная война.

Список литературы

1. Геополитика: энциклопедия / под ред. Е. Н. Сулимы. – Киев: Знание Украины, 2012. – 919 с.
2. Корков В. В. Генералиссимус / В. В. Корков. – М.: Вече, 2014. – 752 с.
3. Мартиросян А. Б. Сталин и Великая Отечественная война / А. Б. Мартиросян. – М.: Вече, 2016. – 480 с.
4. Мединский В. Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945. / 2-е изд-е; В. Р. Мединский. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. – 704 с.
5. Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза / И. В. Сталин. – СПб.: Питер, 2010. – 192 с.

Chemshit A. A., Statsenko O. S. Sacral Character of the Great Patriotic War // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 1. – P. 139-146.

The article deals with the question of the historical significance of the Victory in the Great Patriotic War. It is claimed that the Great Victory is the most significant event not only of the 20th century, but also of the last 20 centuries of world history. The theme of the Great Patriotic War is as relevant as ever. The historical memory of the war was subjected to monstrous violence, so there is an urgent need to get rid of political amnesia and a reminder of who delivered the main burden of World War II, who won all the main battles, who took Berlin and freed Europe from enslavement, and at the same time prevented the world catastrophe. It is emphasized that the European civilization was twice saved from death. The first time - spiritually, the introduction of Christianity, the second - physically, the victory of the Soviet people over Nazism. The sacred character of the Patriotic War and the Great Victory is justified. In the rewriting of history, an attempt is made to deprive Russia of the glory of the winner and weaken its subjectivity. The main themes of the defense of the historical truth about the Great War are pointed out.

Keywords: the Great Patriotic War, the soviet people, the Holy war, the Great Victory, Victory sacred character.

References

1. Geopolitika: ehntsiklopediya [Geopolitics: Encyclopedia (in Ukrainian language)], Ed. E. N. Sulima, Kiev, Knowledge of Ukraine, 2012, 919 p.
2. Corkov V. V. Generalissimus [Generalissimus]. Moscow, Veche, 2014, 752 p.
3. Martirosyan A. B. Stalin i Velikaya Otechestvennaya vojna [Stalin and the Great Patriotic War]. Moscow, Veche, 2016, 480 p.
4. Medinskiy V. R. Vojna. Mify SSSR. 1939–1945. 2-e izd-e [War. Myths of the Soviet Union. 1939–1945. 2 edit.]. Moscow, OLMA Media Grupp, 2014, 704 p.
5. Stalin I. V. O Velikoj Otechestvennoj vojne Sovetskogo Soyuz [On the Great Patriotic War of the Soviet Union]. St. Petersburg, Peter, 2010, 192 p.

УДК: 141.3:316.4:159.96

ОТ ФЕНОМЕНА ЭКСТРЕМАЛЬНОСТИ К ПОНЯТИЮ «ЭКСТРЕМАЛЬНОСТЬ»

Чудина-Шмидт Н. В.

Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (Крымский филиал), г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: frog-79@mail.ru

В статье рассматривается проблема экстремального поведения человека, которое характеризуется повышенной активностью в выражении жизненных позиций. Эта активность получает свое отражение в разных формах и видах социального поведения индивида, в зависимости от влияющих на него условий. Особого внимания в данном аспекте заслуживает такая активность, которая приводит индивида к демонстрации своей позиции в форме не рассуждения и осмысления, а деятельности. Следовательно, эта деятельностная составляющая субъекта раскрывает склонность экстремально настроенной личности к проявлению своих жизненных позиций не только в форме эпатажа и демонстрации, но в использовании радикальных форм и методов достижения поставленных целей. В исследовании приводятся примеры, когда радикально настроенная личность, прибегая к крайним и радикальным формам выражения своей позиции, зачастую переходит границу между нормой и отклонением от нее, становясь тем самым субъектом с разрушительной составляющей. Это в свою очередь приобретает формы радикальной и негативной деятельности и сегодня получает не только максимальное территориальное распространение, но и глубокое идеологическое основание, тем самым становясь угрозой существования самого человечества.

Ключевые слова: экстремизм, экстремальность, экстремальное поведение, общество, масса (толпа).

Актуальность заявленного в статье исследования обусловлена событиями и явлениями, которыми пронизано современное мировое пространство. Среди обозначенных событий и явлений следует выделить стремительный рост локальных вооруженных конфликтов, которые сегодня приобретают уже глобальное распространение как по масштабу охвата территории, так и по силе последствий своего проявления. В этом контексте будет целесообразным обратить внимание на череду так называемых «цветных», «бархатных» революций, которые с завидным постоянством возникают в разных государствах современности и в своей основе несут достаточно серьезные как не только политические, экономические, но и социокультурные основания, которые приводят к достаточно серьезным последствиям.

В рамках исследуемой проблемы следует отметить, что сейчас особо остро встает вопрос об изменении идеологической основы, которая выступает базовым элементом не только в формировании видения мира, но и в специфике поведения человека. Еще Ф. Ницше в начале XX века писал, что век двадцатый будет веком

борьбы за мировое господство, сейчас можно не только сказать, что он был прав, но и констатировать, что это уже не только политическая борьба, но и борьба на других уровнях человеческой деятельности.

Таким образом, получается, что современному человеку приходится ежеминутно вести борьбу.

Если же отметить, что уже конец XIX века демонстрирует переход от традиционных форм идеологий, основной чертой которых выступает размеренность и сдержанность, приверженность к порядку и стабильность, к радикальным взглядам, в основе которых лежит крайняя и бескомпромиссная приверженность к каким-либо взглядам, выражениям своей позиции и, соответственно, к поступкам. В связи с этим важным и актуальным выступает исследование и рассмотрение стремительного роста и распространения таких радикальных форм активности человека, как экстремизм, терроризм, национализм, нацизм, радикализм, фашизм и т. д. [1, 3, 4]. Исследование причин и условий распространения и формирования новых более радикальных форм крайнего и бескомпромиссного видения мира становится необходимым для дальнейшего развития общества, и самое главное, что исследование надо проводить не только с позиций внешнего проявления, в основе которого лежит общественная система, но и с позиции действующего субъекта, поскольку приобретая ныне глобальные масштабы и общепланетарное распространение, эти формы человеческого действия выступают теми точками отсчета, которые свидетельствуют о начале нового трансформационного процесса. Ввиду этого особо важным становится вопрос необходимости их исследования [5]. Такие исследования приобретают свою актуальность, так как XX век заявил о себе как век крайностей, границ и трансформаций, что с неизбежностью за собой влечет максимализм и трагичность.

Это, в свою очередь, свидетельствует о крайней важности нового анализа событий прошлого с учетом настоящего. Только тогда появится возможность извлечь пользу из предыдущего опыта и обеспечить возможность его адаптации к настоящему, что заявляет претензию на решение существующих проблем в будущем.

Так как все эти явления в той или иной степени связаны с обществом, то нельзя забывать о ключевой фигуре и действующей силе всех происходящих в нем процессов, явлений и проблем. Такой фигурой выступает человек, который заявляет о себе с позиций активного, действующего субъекта. Когда внутренние генетические, биологические, психические, так называемые психофизиологические особенности под воздействием внешних условий запускают механизм проявления «внутреннего» во «внешнем», это демонстрируется в определенной активности индивида и проявляется в разных формах поведения вплоть до экстремальных. Тогда в качестве объекта исследования выступает социальная система, которая находится в состоянии трансформационных процессов с претензией выхода на новый этап своего развития. В качестве предмета о себе заявляет особый вид активности индивида, который проявляется в виде приверженности к крайним взглядам и поступкам, уже получивший название «экстремальность».

Соответственно, целью становится рассмотрение феномена экстремальности, условий ее возникновения и не только во внешнем (социальном) измерении, но и с позиций действующей силы (субъекта).

Для достижения поставленной цели следует решить ряд задач:

- исследовать феномен экстремальности: ее понятие и понимание;
- рассмотреть объективные условия и субъективный фактор возникновения экстремальной деятельности человека;
- исследовать степень влияния субъективного фактора на пространственную распространенность экстремальных проявлений действительности.

Степень исследованности заявленной проблемы может быть представлена в дихотомии между существующим объемом исследовательских практик и их содержанием. Философская теория предлагает рассматривать явление экстремизма под своим специфическим углом зрения, делая экстремальность предметом философского исследования и вырабатывая новые принципы и подходы.

Начиная со второй половины XX века в философии появляется целый ряд специальных направлений, которые призваны рассматривать формы и виды экстремального с учетом разных аспектов его существования [6, 7]. К таким исследованиям можно отнести: философию «риска», которая предполагает рассмотрение экстремальных проявлений и основания которой могут быть найдены в работах мыслителей от античности до современности. Не менее важным в исследовательском поле является анализ риска в обществе, которому посвящены «классические» работы У. Бека, Э. Гидденса, Н. Лумана, Ф. Найта, А. П. Альгина, С. А. Кравченко, а также работы саратовской школы социальной рискологии, возглавляемой В. Б. Устьянцевым. Стоит отметить и исследования современного экстремального мира с позиций социально-философского аспекта феномена экстремизма и его проявлений во всех сферах жизнедеятельности общества (Р. Е. Рубинштейн, А. А. Козлов, В. Н. Томалинцев). Нельзя исключать из заявленного дискурса и психогенные особенности формирования личности, которые являются одной из причин экстремистского поведения человека и изучаются в трудах И. А. Двойменного, В. И. Долговой, К. Н. Поливановой, И. В. Щиголева, П. М. Якобсона. Стоит также включить в список исследований и рассмотрение моделей экстремальных ситуаций, которые выявляют как механизмы их возникновения, так и способы реагирования на вызываемую ими дестабилизацию в жизнедеятельности общества и человека. Они рассматриваются П. Лагадеком, П. Словиком, Б. Фишхоффом, Л. Мамфордом, П. Гудменом.

Следует обратить внимание и на такое основание человеческой жизни, как страх, который считается главным источником идей Бога, загробного существования и веры вообще. Они несут в себе предпосылки как экстремального, так экстремистского поведения, что актуализирует понимание сущности экстремумов, экстремальности и принципов экстремального, которые исследовались в рамках философского дискурса уже со времен Аристотеля и подняты до современных философских обобщений о закономерностях экстремальных изменений И. Пригожиным.

Особого внимания заслуживают идеи экстремологии как общей теории экстремальных явлений, возникающей и развивающейся с 90-х гг. в рамках так называемой концепции оптимологии, а также изучение психологических аспектов экстремальности и анализ поведения в экстремальных, чрезвычайных ситуациях, которым посвящены работы Л. И. Анциферовой, А. А. Бодалева, А. П. Корнилова, Р. Х. Шакурова, а также исследование стратегии поведения человека в экстремальных ситуациях в работах Г. П. Меньчикова, К. С. Пигрова.

К уже отмеченным направлениям стоит добавить рассмотрение риска и экстремальности в молодежной среде в социологических работах Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова, а также В. И. Красикова, который исходит из толкования экстремизма как активной сознательной формы первородной агрессивности – имманентной стороны активности живого.

Это вклад философии экстремальных состояний человека, которая рассматривает феномен экстремальной ситуации и экстремального поведения как динамическую модель поведения субъектов и сообществ в экстремальных ситуациях.

Несмотря на столь широкий и разносторонний уровень исследовательской активности в разработке идей заявленной в статье проблемы, до сих пор остается много белых пятен и черных дыр в определении всего ее проблемного поля.

Можно сказать, что проблема современного экстремизма в разных исследовательских практиках может выступать как проблема и внешних, объективных условий, представленных теми событиями, процессами и явлениями, которые происходят в социуме, и внутренних субъективных факторов, которые приводят индивида к необходимости принятия крайних форм не только взглядов, но и действий.

В ходе исследования в качестве основных методов были использованы анализ и синтез, принципы восхождения от абстрактного к конкретному, историзм и структурно-функциональный анализ.

Востребованные принципы и методы исследовательской практики позволили проанализировать события и процессы, происходящие в современном обществе, и рассмотреть феномен экстремизма с позиций его деятельностной силы – субъекта.

В современном мире феномен экстремизма занимает ключевое место не только как само социальное явление, но и как источник исследовательского интереса представителей разных областей знания. Основной из обсуждаемых проблем, связанных с понятием и пониманием экстремизма, является проблема понимания этого феномена. О нем довольно активно дискутируют, о нем знает каждый, но до сих пор нет четкого разграничения его понятия и понимания, а также ясного осмысления причин стремительного роста его проявлений.

В научной литературе определение «экстремизм» дается, как правило, однотипно: «Экстремизм (лат. *extremus* крайний) – приверженность к крайностям в политике. Чаще всего Э. проявляется в отрицании существующих политических норм, ценностей, процедур, основополагающих принципов организации политических систем, стремлении к подрыву политической стабильности и низвержению существующей власти» [8]. Согласно словарю С. И. Ожегова,

«экстремизм (полит.) – приверженность к крайним взглядам, к использованию крайних мер (включая теракты и взятие заложников) для достижения своих целей» [9]. В Большом энциклопедическом словаре: «Экстремизм – это приверженность к крайним взглядам, мерам (обычно в политике)» [10].

Из всех приведенных определений понятия «экстремизм» можно проследить тождество и отметить одну и ту же этимологическую составляющую, которую они отражают. С помощью этимологического анализа исследуемого феномена можно выделить одну из специфических атрибутивных характеристик исследуемого явления – крайность, которая проявляется во всем (от характера мысли до реализации действия).

Такое этимологическое определение не позволяет в полном объеме отобразить все специфические черты как самого понятия «экстремизм», так и всех проявлений экстремистской деятельности. Основным вопросом в этом случае выступает вопрос деятельности составляющей или приверженности к чему-либо. К экстремистской деятельности может быть отнесен любой ее вид, который имеет отклонение от общепринятых и одобряемых в существующей действительности норм и правил поведения. К экстремистам можно будет отнести и подростка, который в силу своего возраста и психологических особенностей склонен воспринимать мир только в крайних, радикальных формах, где нет серого – а только либо белое, либо черное. В этом же аспекте к экстремистам также можно будет отнести и пожилого человека, который, оказавшись «выброшенным» из действующей социальной силы, в поиске общения и поддержки принимает позицию непримиримости и крайности во взглядах на происходящее.

Такая неопределенность и неоднозначность в понятии и понимании экстремизма прослеживается и в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности», принятом 27 июня 2002 года. В законе проводится подробный перечень видов конкретных экстремистских действий, но не раскрывается с достаточной четкостью ни глубина, ни сущность экстремистской идеологии, лежащая в основе любых экстремистских действий.

В результате реально экстремистские действия, мотивированные непосредственно экстремистской идеологией, легко отождествить с радикальными действиями, не имеющими отношения к таковому.

Определение понятия «экстремизм» путем простого перечисления объектов, входящих в его объем, вообще не может быть логически корректным, так как нет четкого понимания сущности экстремизма. При условии такого подхода включение или невключение определенных действий или явлений в состав понятия «экстремизм» является абсолютно произвольным. Поэтому следует особо отметить, что разные экстремистские действия могут иметь разную оценку. Одни получают статус справедливых и добродетельных, а другие – несправедливых и аморальных.

Такое рассмотрение экстремальных настроений в поведении людей заставляет вести речь о необходимости включения в исследовательское поле и таких составляющих этого феномена, как система ценностных ориентиров [11], политические убеждения, психофизиологический профиль как действующего субъекта, так и оценивающего, а также система взаимоотношений субъекта с

обществом, которая может выражаться в просоциальном, асоциальном и антисоциальном поведении. Кроме того, у одного и того же человека морально-нравственная оценка одного и того же экстремистски направленного действия может изменяться в зависимости от условий: руководства, мнения мирового сообщества, кризисов, «сведения исторических счетов» и так далее. Не стоит сбрасывать со счетов и тот факт, что современный и исторический контекст формирует общественный взгляд на экстремальные проявления и экстремальную деятельность в разных формах ее выражения.

Все это свидетельствует, что в современном мире экстремистом может считаться крайне и решительно настроенный человек, который отстаивает свою позицию и прибегает к крайним взглядам и активной позиции; который выражает свою активность в такой форме поступка. Такая ситуация характерна для общества свободы и ответственности за нее, что характерно для индустриального классического общества, в то время как XX век заявил о себе как век толпы, то есть обезличивания общества.

Включение человека в массу свидетельствует о приобретении «коллективной души», в силу которой индивид совсем по-другому думает, чувствует и поступает, чем если бы он был одним и думал, чувствовал и поступал в рамках целесообразного и необходимого именно ему, а не совокупности людей. В массе с индивидом происходят серьезные изменения, поскольку только за счет множества составляющих массу у индивида присутствует непреодолимая, по его ощущениям, мощь, которая позволяет ему предаться позывам, которые в одиночку он вынужден был бы подавлять. Психологическим результатом такой мощи является возрастающее ощущение власти у каждого включенного в массу, а также чувство безнаказанности. Человек, включенный в массу, обладает внушаемостью. Некая заражаемость, наблюдаемая в толпе, является ее последствием. Таким образом, в результате вступления индивида в массу и становления его элементом утрачивается личностная ответственность. Человек получает ощущение всемогущества и безнаказанности.

Все эти проявления еще больше усугубляются в ситуации, когда активное поведение подменяется безучастным, когда ответственное отношение к окружающему заменяется на отчуждение ответственности, как отмечал Э. Фромм в своем произведении «Бегство от свободы». Современный человек, несмотря на весь пафос своей свободной воли, которая выражается во всем многообразии желаний, на самом деле приобретает форму бегства от таковой. Несмотря на все многообразие форм заявления своей активности человек современности не горит желанием нести за нее ответственность. Отсюда и рождается человек, который имеет экстремальный потенциал, но в силу малодушия и страха перед ответственностью выступает активной силой чужой идеологии. В этом заключается наибольшая угроза экстремизма, поскольку, имея внутренний экстремальный потенциал с отсутствием желания отвечать за свои действия, рождается индивид, который подвержен чужой идее, тем самым становясь субъектом экстрима (Ното Extremality) [12], вступая в ряды экстремистских организаций. Ситуация усугубляется, если речь идет о молодежи, которая, обладая всеми чертами

взрослого человека в силу своих психофизиологических особенностей, в первую очередь становится действующей силой и активным субъектом экстремистских организаций.

Используя опыт прошлого, анализируя и делая выводы, можно с легкостью отметить, что именно молодежь во всех общественных трансформационных процессах выступает как активный элемент, особенно если речь идет о радикальных изменениях социальной системы в реформационных и революционных формах. Таким образом, можно отметить, что современный экстремизм несет в своей основе потенциальную угрозу существованию человечеству.

Список литературы

1. Бойко А. В. Этнический сепаратизм в контексте современных глобализационных процессов // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики Крым, 2015. – С. 83–89.
2. Буткевич С. А. Концепция борьбы с терроризмом в Украине // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – № 3 (33). – С. 62–67.
3. Буткевич С. А., Коноплева А. А. Молодежный экстремизм сквозь призму философско-правовых воззрений (крымский вектор) // Философия права. – 2016. – № 5 (78). – С. 94–100.
4. Коноплева А. А. Радикальные проявления в культуре // Теоретические и практические вопросы науки XXI века. Сборник статей международной научно-практической конференции. – 2015. – С. 109–111.
5. Коноплева А. А., Никитина Л. Н., Чудина-Шмидт Н. В. Анализ социокультурных и психологических предпосылок развития экстремизма в Крымском федеральном округе // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. – 2016. – Т. 5. – № 3. – С. 53–60.
6. Лебон Г. Психология народов и масс / Г. Лебон – СПб.: АСТ. – 1995. – 541 с.
7. Чудина-Шмидт Н. В. Условия и факторы формирования экстремального поведения субъектов экстрима // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики Крым., 2015. – С. 32–41.
8. Политический словарь. Экстремизм // Словарь онлайн [Режим доступа]: <http://enc-dic.com/politic/IEkstremizm-5284.html> (Дата обращения: 01.02.2018).
9. Ожегов, Сергей Иванович. Экстремизм // Словарь онлайн [Режим доступа]: <http://www.ozhegov.com/words/40610.shtml> (Дата обращения: 01.02.2018).
10. Большой энциклопедический словарь. Экстремизм // Словарь онлайн http://slovoonline.ru/slovar_ctc/b-28/id-71768/ekstremizm.html (Дата обращения: 01.02.2018)
11. Чудина-Шмидт Н. В. Влияние ценностей на снижение уровня экстремального поведения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 9–2 (59). – С. 197–200.
12. Чудина Н. В. Homo extremality – человек XXI века // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – 2014. – Т. 27. – № 1–2 (66). – С. 99–104.

Chudina-Shmidt N. V. From the Phenomen of Extremality to the Concept of "Extremality" // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 1. – P. 147-154.

The article deals with the problem of extreme human behavior, which is characterized by increased activity of expression of life positions. Such an proactive activity component of the subject reveals the inclination of an extreme-minded person to manifest his life positions now by radical methods. It is noted that, due to the revealed inclination to extreme forms of expression of one's position, an individual can pass to such activities that today are not only increasingly getting widespread, but also pose a threat to the existence of the society itself.

Key words: extremism, extremality, extreme behavior, society, mass (crowd).

References

1. Boyko A. V. Etnicheskiy separatizm v kontekste sovremennykh globalizatsionnykh protsessov [Counteraction to extremism and terrorism in the Crimean federal district: problems of theory and practice Crimean]. Krym, 2015, P. 83–89.
2. Butkevich S. A. Kontseptsiya borby s terrorizmom v Ukraine [Herald of kaliningrad branch of st.petersburg university of the ministry of russia]. 2013, № 3 (33), P. 62–67.
3. Butkevich S. A., Konopleva A. A. Molodezhniy ekstremizm skvoz prizmu filosofsko-pravovykh vozzreniy (kryimskiy vektor) [Philosophy of law]. 2016, № 5 (78), P. 94–100.
4. Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar // http://slovoonline.ru/slovar_ctc/b-28/id-71768/ekstremizm.html (Accessed: 01 February 2018)
5. Chudina-Shmidt N. V. Usloviya i faktory formirovaniya ekstremalnogo povedeniya sub'ektov ekstrima [Counteraction to extremism and terrorism in the Crimean federal district: problems of theory and practice Crimean]. Krym, 2015, P. 32–41.
6. Chudina N. V. Homo extremality – chelovek XXI veka [Scientific memories of the V.I. Vernadsky national university]. 2014, T. 27, № 1–2 (66), p 99–104.
7. Chudina-Shmidt N. V. Vliyaniye tsennostey na snizheniye urovnya ekstremalnogo povedeniya [Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and arts. questions of theory and practice]. 2015, № 9–2 (59), P. 197–200.
8. Konopleva A. A., Nikitina L. N., Chudina-Shmidt N. V. Analiz sotsiokulturnykh i psikhologicheskikh predposylok razvitiya ekstremizma v kryimskom federalnom okruge [Scientific research and development. social-humanitarian research and technology]. 2016, T.5, №3, P. 53–60.
9. Konopleva A. A. Radikalnyie proyavleniya v kulture [Theoretical and practical issues of science of the xxi century//Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Managing editor: Sukiasyan Asatur Albertovich.]. 2015, P. 109–111.
10. Lebon G. Psihologiya narodov i mass [G. Lebon] Sankt-Peterburg, AST, 1995, 541 p.
11. Ozhegov, Sergey Ivanovich // <http://www.ozhegov.com/words/40610.shtml> (Accessed: 01 February 2018)
12. Politicheskii slovar // <http://enc-dic.com/politic/IEkstremizm-5284.html> (Assesed: 01February 2018)

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 4 (70). 2018. № 1. С. 155–167.

УДК 008+27.528+264-1+821.161

АКРОСТИШНАЯ МОЛИТВА «АЗЪБУКОВНИКЪ» В КОНТЕКСТЕ ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Бедина Н. Н.

*Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск,
Российская Федерация.*

E-mail: bedina-nat@yandex.ru

Общие богословские характеристики христианского богослужения – эсхатологичность и соборность – изначально определяют ключевые свойства хронотопа богослужебного текста. Любой чин богослужения, в том числе и частное, индивидуальное моление, несет на себе печать «Таинства собрания», где принцип «со-служения» имеет эсхатологическую перспективу. В статье поставлена задача выявить, как ключевые свойства хронотопа богослужебного текста находят воплощение в оригинальном славянском гимнографическом тексте – покаянной молитве «Азъбуковникъ», входящей в состав Ярославского часослова (XIII в.). Формирование состава сборника относится к периоду, знаменующему начало славянской гимнографии, когда оформляется ее преемственность по отношению к восточнохристианской литургической традиции. Акrostишное строение молитвы «Азъбуковникъ» имеет внутреннюю семантику целостности и полноты. Универсальный образ книги, где запишутся имена праведников, символ трансцендентной тайны, оформляет эсхатологическую направленность молитвенного текста. Он же определяет кумулятивное строение его сюжета. В традиции всей восточнохристианской гимнографии внутренний сюжет «Азъбуковника» выстроен на приеме перечисления, комбинирования молитвенных формул, что, как справедливо указывает С. С. Аверинцев, «создает особую «космическую» перспективу». Молитвенный диалог с Богом осуществляется в универсальном хронотопе, где и прошлое, и будущее есть настоящее. Литургическая эсхатология находит воплощение в конкретном молитвенном тексте, независимо от общественного или частного характера богослужения.

Ключевые слова: восточное христианство, эсхатология, литургия, гимнография.

ВВЕДЕНИЕ

Литургическое слово в средневековой культуре, безусловно, являлось механизмом трансляции христианского мировоззрения. Обращаясь к традиции богослужения и служебным текстам, мы не ставим перед собой задач, присущих литургическому богословию (они выходят за границы нашей компетенции). Однако обращаясь к текстам средневековой гимнографии, нам необходимо сформулировать общие характеристики христианского богослужения, изначально определяющие ключевые свойства хронотопа богослужебного текста, – литургический

эсхатологизм и соборность. Опираясь на структурно-семиотический и интертекстуальный методы анализа, мы ставим перед собой задачу выявить, как эти ключевые свойства находят воплощение в оригинальных славянских гимнографических текстах на примере покаянной молитвы «Азъбуковникъ», входящей в состав Ярославского часослова (XIII в.) – сборника, определяющего суточный богослужебный круг¹.

БОГОСЛОВСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЛИТУРГИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Через выявление особенностей раннехристианской литургии, отличающих ее от современных ей иудейского богослужения и мистерий эллинского мира, протопр. Александр Шмеман определяет ее назначение «быть явлением эсхатологической полноты Царства, предвосхищением «дня Господня»» [2, с. 124]. И далее: «Если в ветхозаветном богослужении объединяющим принципом является идея посредничества, то в мистерии на первом месте стоит идея освящения. Через участие в мистерии человек освящается, посвящается в высшие тайны, получает спасение, приобщается «святости». По своей форме мистерия есть религиозно-драматическое, ритуальное изображение и воспроизведение некоего мифа, некоей «драмы спасения». <...> Христианский культ, напротив, не переживается как повторение того спасительного факта, в котором он укоренен, ибо факт этот единственный и неповторимый. Этот культ есть провозглашение спасительности этого факта и также осуществление, явление, актуализация его вечной действительности, спасительной реальности, им созданной. “Смерть Господню возвещать, воскресение Его исповедовать” – это совсем не равнозначно повторению или изображению» [2, с. 122–125].

Истинный замысел христианского богослужения, по мнению православного богослова, состоит «не в символическом, а в реальном исполнении церкви: новой жизни, дарованной во Христе» [2, с. 130]. Поэтому, в отличие от мистерияльного культа, литургия не изображает, не повторяет, а осуществляет. Это не система символов, а возможность: в богослужении церковь «воплощает свое причастие Царству Божьему, дает нам созерцать тайны будущего века».

Постепенно литургическое время приобретает иконические черты. Дэвид Брэдшоу видит в Восточной литургии особый «способ переживания времени, когда оно рассматривается как икона, образ вечности» [8, с. 78; 10]. Вечность именно «переживается» как настоящее, потому что, говоря словами Максима Исповедника, «ни время, ни век Бог посередине не разрывает, так как в Нем нет ничего нового, но будущее есть как настоящее. Времена же и века суть указания не для Бога, но для нас – сущих в Боге» [19].

В результате синтеза раннехристианской и мистерияльной традиции церковь частично усваивала мистерияльное понимание культа. Богослужение (прежде всего праздничное) стало восприниматься как «прорыв» в инобытие, как причастие к реальности, ничем не связанной с «миром сим» [2, с. 200–201]. Имея в виду уже

¹ Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник, библиотека, № 15481. Часослов. XIII в.

этот опыт, отраженный в святоотеческом богословии, Дэвид Брэдшоу говорит о литургии как о «мистическом опыте»: «оно (мистическое – Н. Б.) принадлежало именно к тому роду событий и отношений, который олицетворяется Преображением: речь идет об использовании Богом чувственных вещей не только для того, чтобы явить высшую реальность, но и для того, чтобы ввести присутствующих в общение с этой реальностью. Именно потому, что мистическое есть форма общения, оно в этом смысле оказывается не типично приватным, но реализуется в публичном пространстве, через посредство обычных человеческих чувств. Коротко говоря, оно есть инициация в божественную реальность и, как всякая инициация, является внутренне общинным, даже если (как это иногда случается) причастный к мистическому человек вступает в него отдельно от других людей. <...> Называть Евхаристию “тайной (мистической) вечерей”, а Литургию, во время которой освящают и совершают Евхаристию, “мистическим обрядом” означает не злоупотреблять языком, но воспроизводить древнейшее христианское словоупотребление. Фактически оно присутствует внутри самой Литургии. В молитвах, читаемых общиной сразу после причащения, о Евхаристии говорится так: «Вечери Твоя тайная днесъ, Сыне Божий, причастника мя приими; не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам, яко Иуда, но яко разбойник исповедаю Тя: помяни мя, Господи, во Царствии Твоем»» [7, с. 115–116, 119].

Митр. Иларион (Алфеев) также определяет «ценность» богослужения как мистерии, прежде всего, в его способности ставить человека перед лицом Бога: «каждая Литургия дает возможность <...> заново пережить встречу с живым Богом» [15]. Причем эта встреча естественным образом вовлекает Самого Бога как того, Кто слушает и (через чтение Писания) речет, и совершается с участием ангелов, «сослужащих нам, и сославословящих» Его благость [24, с. 71].

Иконическая природа литургии, оформившейся в византийской церкви, безусловно, находит яркое выражение в идее храма, где архитектура и декор в течение столетий складываются и развиваются как символическое отображение «неба на земле» [28; 7, с. 121; 2, с. 130–135; 9; 18; 23; 34]. Однако «византийский синтез» (о. Александр Шмеман) не порывает с раннехристианской традицией и не перерождает ее исходя из интересов и привычных представлений той массы новообращенных, что хлынула в Церковь вслед за ее официальным признанием Империей [2, с. 127–130]. Говоря с «миром» на понятном ему мистериальном языке, византийская богословская и литургическая традиция сохраняет изначальный эсхатологизм раннего христианства, но уже в иконическом понимании литургии (неслучайно и сама икона, священный образ как следствие Боговоплощения, не изображает, а являет [33]). Временная организация всего цикла богослужений, внутренняя логика литургии говорят о том, что она сохранила свой основной характер как выражение и актуализация «невечернего дня Царства» [2, с. 141–142]. Идея диалога, предстояния пред Лицом Божиим и эсхатологической полноты Богообщения определяет эсхатологический хронотоп любого служебного текста, как словесного, так и визуального.

РОЛЬ МОНАШЕСТВА В ОФОРМЛЕНИИ ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Важнейшую роль в сохранении преемственности в литургической традиции, безусловно, сыграло появление монашества как социального института. Монашество стало эсхатологическим ответом наиболее ревностной части христиан на «обмирщение» в осмыслении жизни Церкви. Именно в органической связи с раннехристианской литургией протопр. Александр Шмеман видит основание исключительного значения молитвы в монашеском идеале, но «если в первом, раннехристианском понимании, всякое дело может стать молитвой, служением, созиданием и свидетельством о Царстве, то в монашестве она сама становится единственным делом, заменяет собою все “дела”» [2, с. 158]. Монашеское аскетически-покаянное восприятие богослужения определяет основное содержание Православного богослужебного устава. Покаяние онтологически эсхатологично, но в этом случае можно говорить уже об «индивидуальном эсхатологизме», присущем монашеской культуре.

Если в Византийской истории устава наблюдалось временное противостояние соборного и монастырского богослужения, в результате синтеза которых оформилась богослужебная часть Студийского, а затем Иерусалимского устава, то в более поздней русской литургической традиции соборно-приходское богослужение полностью является производным по отношению к монастырскому. Литургическое творчество славянских книжников (в силу наследования славянами Восточной литургии из Византии) в целом ограничивалось компилятивной работой с уже имеющимися текстами, которая шла в соответствии с общим законом литургического развития: от простого к сложному и от разнообразия к единообразию [6, с. 120 и др.]. Вместе с тем оригинальные восточнославянские тексты, вошедшие в гимнографическое «обрамление» литургии в годовом и суточном круге богослужения, в большинстве своем рождены внутри монастырской традиции и полностью вписаны в универсально-эсхатологический хронотоп Богообщения. Эсхатологическое время, когда «будущее есть настоящее», и публичное пространство «инициации в божественную реальность» в полной мере восприняты восточнославянскими книжниками от литургической традиции православного Востока.

Чтобы еще раз подчеркнуть значение соборной личности как участника Богообщения, приведем слова протопр. Иоанна Мейендорфа: «Тайна Церкви, в полноте своей осуществленная в Евхаристии, преодолевает дилемму молитвы и отклика, природы и благодати, Божественного как противоположности человеческому, потому что Церковь как Тело Христово есть именно общение между Богом и человеком, где не только Бог присутствует и действует, но где и человечность становится вполне «приемлемой для Бога», вполне отвечающей первоначальному Божественному плану; сама молитва становится тогда актом общения, в котором нет места вопросу о том, будет ли она услышана Богом. <...> все христиане – включая епископа или священника, – порознь не более чем грешники, чьи молитвы вовсе не обязательно будут услышаны, но, собираясь вместе во имя Христова как «Церковь Бога», они суть часть Нового Завета, которому Бог вечно Сам верен через Своего Сына и Своего Духа» [16].

Любой чин богослужения, в том числе и частное, индивидуальное моление, несет на себе печать «Таинства собрания» [3, с. 6; 35], где принцип «со-служения» имеет онтологическую перспективу.

АЗБУЧНАЯ МОЛИТВА КАК ОБРАЗЕЦ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Для ранней русской культуры гимнография является высшей формой художественного творчества – литургической поэзией [22]. Тексты, обрамляющие богослужебный круг, входящие в гимнографические сборники XII–XIV вв., – это тексты, знаменующие начало древнерусской гимнографии, где оформляется ее преемственность по отношению к восточнохристианской литургической традиции, а также ее оригинальные черты. В Ярославском часослове оригинальные русские тексты входят в состав последований, имеющих явно частный, келейный характер. «Азбуковникъ» в составе Ярославского часослова читается (поется) среди гимнов, завершающих чин Повечерья (лл. 207–210):

Пѣние Тому ж, азбуковникъ
А Азь Тебе припадаю, Милостиве,
грѣхы многими одержимъ.
Б Буря мя грѣховная потапливаетъ,
но въ Твою тишину настави мя.
В В нощи и въ дне мя съхрани,
на всякъ часъ въспѣвати Тебѣ.
Г Грѣховныя ми волны утоли,
ими же грузимъ вопию Ти.
Д Десницу ми простри, Милостиве,
яко же Петру, волнами грузиму.
Ж Житие бо свое въ мрацѣ иждихъ,
но Твоими мя щедротами просвѣти.
С Зѣло бо еси Христе милостив,
долготерпѣливъ и прѣмилостивъ.
З Заблужшаго приими мя, Христе,
яко же приялъ блуднаго сына.
И Избави мя изъ глубины грѣховныя,
яко же Иону от кита, Христе.
І Иезекиины ми слезы даруй,
Ими же очищу скверныя ми грѣхы.
Г' Геоны (?) и мя избави вѣчныя
и грозныи червви неусыпающа.
К Ковникъ² дьяволъ блзнить мя,
нъ во Твое стадо причти мя, Христе.
Л Ловца диявола избави мя
молитвами рожьшая Тя.
М Мытарю уподобяся, вопию Ти:
очисти мя, Христе, яко и оного.

² Замышляющий зло [30, Стб. 1244].

Н Ношью мя на пѣние укрѣпи,
тяготу сонъную отгнавъ ми.
О Очи мои просвѣти, Милостиве,
сердце чисто съзижи въ мнѣ.
П Простери ми десницу, Милостиве,
уязвену сущю разбоиникы.
Р Руцѣ мои въздѣю к Тебе, Христе,
грѣховными стрѣлами уязвенъ.
С Свѣды немощи моя, Христе,
ицѣли мя, Владыко, недостойнаго.
Т Трепетомъ объдержимъ, вопию Ти,
помышляя, Христе, страшныи часъ.
У Упостась³ бо си осквернихъ злѣ,
но покаянию слезы ми подаи жъ.
Ф Фарисѣвы мя гордыня избави,
мздоимъче ми дая рыдание.
Х Хѣровимскую пѣснь въспѣвати Тебе,
Тресвятыи Боже, сподоби.
Ѓ О Пресвятая Троице, помилуй
недостойнаго Твоего раба.
Ψ Пѣсньми Ти пою, припадая,
просвѣти ми душу и умъ, Спасе.
Ц Царю небеси и земля, Христе,
отверзи ми двери вѣчныя жизни,
Ч Чиномъ мя причти, Милостиве,
избранныхъ Твоихъ овцахъ.
Ш Шествия мя направи на путь Твои,
от устъ золь окланяя мя.
Ы Иного бо не свѣмъ развѣ Тебе,
милостива суща и прѣмилостива.
Ѣ Яко сый родом милостивъ Богъ,
Отецъ и Сынъ и Святыи Духъ.
Хвалами Тя прославлю, Прѣвятая
Живодавице Честная Троице,
Ю Юже поють шестокрилнии
начальныя, власти же и силы.
Ж Юже, конъчая молебную пѣснь,
въпию к Тебѣ, Святая Троице.
Я Языкомъ и умомъ Тя славлю,
въ три Лица суще Божество едино.
Тебе бо лѣпо есть чсть и поклонание
во вся вѣкы вѣкомъ. Аминь.⁴

³ Существо, сущность, основание [31, Стб. 1242 –1243].

Ярославский «Азбуковникъ» – это облеченная в форму азбучного стихотворения покаянная молитва. В более поздних списках эта молитва так и называется: «Азбука покаяльная». В отличие от других известных нам более ранних акростишных произведений [14, с. 308–316; 27, с. 177–178; 29, с. 2–3; 32, с. 333; 36], «Азбуковникъ» и в содержательно-эмоциональном плане, и в плане композиционном (исповедание + прошение, в конце – славословие) идет в русле покаянной молитвенной практики. В этом отношении стихотворение очень органично вписывается в Ярославский часослов с его сугубо покаянным настроением. Более того, «Азбуковникъ» нисколько не выбивается из общего хода службы повечерья и является ее естественным продолжением, хотя отсутствует в общецерковной практике.

«Азбуковникъ» изображает человека, «уязвленного» грехом, гибнущего и не имеющего сил выбраться из пучины зла, в которую сам себя вверг. Единственное, на что может надеяться грешный человек, это милосердие Божие. Здесь сопряжены евангельские образы и мотивы с образами ветхозаветных пророческих книг, и прежде всего Псалтири (Пс. 4, 6, 12, 24, 30, 50, 90, 138 и др.). Объединяющую функцию выполняет образ стихии, поглощающей человека (вода, мрак, грех), что обусловлено вечерним положением молитвы в суточном богослужебном круге. Литургический эсхатологизм здесь, с одной стороны, воплощен в индивидуально-футуристическом мотиве «страшного часа»: «Царю небеси и земля, Христе, отверзи ми двери вѣчныя жизни, Чиномъ мя причти, Милостиве, избранныхъ Твоихъ овцахъ». С другой стороны, эта тема приобретает универсальное звучание благодаря акростишному строению молитвы.

УНИВЕРСАЛЬНО-ЭСХАТОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ФОРМЫ АКРОСТИХА

Согласно теории словесного искусства, которая поддерживалась авторитетом Дионисия Ареопагита, Иоанна Экзарха и была принята Русью, нельзя было уделять особое внимание таким признакам текста, которые по отношению к смыслу были внешними и относились к художественной форме произведения. Однако форма акростиха не рассматривалась как внешнее украшение. Когда при переводе с греческого на церковнославянский язык форма акростиха утрачивалась, переводчики указывали на акростишное строение оригинала [20, с. 81–83]. Акростих с древнейших времен воспринимался как «своеобразная эстетическая и даже онтологическая категория, квинтэссенция истины и гармонии» [12, с. 9].

В алфавитном же акростихе скрывался двойной смысл, воспринятый христианством из традиции Ветхого Завета. С одной стороны, алфавит осмысливался как результат Божественного откровения, как «вместилище неизреченных тайн» [1, с. 201]. Завершенный, замкнутый ряд первоэлементов (букв) является как бы отражением целостного, завершенного и в то же время

⁴ Текст «Азбуковника» написан под непосредственным влиянием акростишного «Пролога о Христе» свт. Константина, епископа Преславского, и ориентирован на последовательность букв в глаголической азбуке [14, с. 310].

бесконечного мироздания. С другой стороны, азбука в акростихе играет роль заранее заданного организующего начала текста, что тесно связано с христианским понятием предвечного Логоса, Слова Божия – организующего начала во всем мире. Один из наиболее ранних образов книги (упорядоченного сочетания слов, букв) как воплощения человеческой жизни и Божественного Замысла о ней мы находим в Псалтири: «Да потребятся от книги живых, и с праведными да не напишутся» (о грешниках, Пс. 68: 29); «Не утаися кость моя от Тебе, юже сотворил еси в тайне, и состав мой в преисподних земли. Несоделанное мое видесте очи Твои, и в книзе Твоей вси напишутся: во днех созиждутся и никтоже в них» (Пс. 138: 15–16.). В Новом Завете образ «небесных книг» получает исключительное значение в Апокалипсисе Иоанна Богослова [5]. Интересно, что в Ярославском часослове этот образ появляется в следующей за «Азбуковником» молитве, также предназначенной для пения: «А се пѣти от срѣдокрѣстия: Крѣсту Твоему водружешюся на земли душа праведныхъ радовахуся. Небо прѣстоли судища поставляються, и въпросныя книги отверзаются...» (л. 210).

Универсальный образ книги, где запишутся имена праведников (Лк. 10: 20), символ трансцендентной тайны («Итак напиши, что ты видел, и что есть, и что будет после сего» [Откр. 1: 19]), оформляет эсхатологическую направленность молитвенного текста. Он же определяет кумулятивное строение его сюжета. В традиции всей восточнохристианской гимнографии внутренний сюжет «Азбуковника» выстроен на приеме перечисления, комбинирования молитвенных формул, что, как справедливо указывает С. С. Аверинцев, не является исключительно признаком формы, но «создает особую «космическую» перспективу» [1, с. 437].

Сам по себе прием перечисления обладает особой семантикой. Можно вполне согласиться с А. Г. Волковой в том, что «во-первых, те явления, вещи, описания, которые рядопологаются в одном списке, осознаются автором <...> как взаимосвязанные. Во-вторых, данные взаимосвязи представляют собой попытку осмысления мира как целого» [11, с. 6; 13]. Семантика целостности и полноты, присущая образу мира как книги, перечня, каталога [21, с. 78–79; 26, с. 173–187], в полной мере присуща древнеславянскому тексту.

Диалоговая природа богослужения (в том числе и частного) предполагает неразрывную связь молитвы и чтения текстов Св. Писания, слова которого становятся (должны становиться) «содержанием жизни» [4, с. 26] молящегося. Новозаветные и ветхозаветные образы и скрытые цитаты, вплетенные в текст молитвы, организуют эсхатологическое пространство «беседы», в которой участвуют ангелы и Сам Господь: «Иные же хвалятся, что беседуют с великими, с князьями и царями; ты же будешь хвалиться перед ангелами Божиими, беседуя со Святым Духом через Божественное Писание, ибо Святой Дух говорит через него» («Слово о терпении Иоанна Златоуста») [Цит. по: 24, с. 39–40]. Ассоциативная контаминация различных источников создает вокруг молящегося сложную, но упорядоченную «мозаичную картину сакральной действительности» [17], сложный, но гармоничный образ мира, осмысленного и пронизанного милосердием Божиим, в эсхатологической перспективе. «Герменевтический круг» веры и понимания [24,

с. 38] осуществляет молитвенный диалог с Богом в универсальном хронотопе, где и прошлое, и будущее есть настоящее, где все «сосуществует в вечности» (М. М. Бахтин).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, покаянная молитва «Азбуковникъ», входящая в состав Ярославского часослова (XIII в.), относится к периоду, знаменующему начало славянской гимнографии, когда оформляется ее преемственность по отношению к восточнохристианской литургической традиции. Акростишное строение молитвы «Азбуковникъ» имеет внутреннюю семантику целостности и полноты. В традиции всей восточнохристианской гимнографии, внутренний сюжет «Азбуковника» выстроен на приеме перечисления, комбинирования молитвенных формул, что создает «космическую перспективу» (С. С. Аверинцев) всего текста. Универсальный образ книги, где запишутся имена праведников, символ трансцендентной тайны, оформляет его эсхатологическую направленность. Идея диалога, предстояния пред Лицом Божиим и эсхатологической полноты Богообщения определяет содержание молитвенного текста «Азбуковник». В целом литургическая эсхатология и соборный характер личности молящегося находят воплощение в каждом конкретном служебном тексте, независимо от общественного или частного характера богослужения.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 408 с.
2. Александр Шмеман, протопр. Введение в литургическое богословие. – Париж: YMCA-PRESS, 1961. – 248 с.
3. Александр Шмеман, протопр. Евхаристия – Таинство Царства // Литургическое богословие отца Александра Шмемана. – СПб.: Библиополис, 2006. – 438 с.
4. Алексеев А. А. Монастырь и Священное Писание // Монастырская культура: Восток и Запад / Сост. Е. Г. Водолазкин. – СПб.: Наука, 1999. – С. 24–30.
5. Андросова В. А. Небесные книги в Апокалипсисе Иоанна Богослова // Православная энциклопедия «Азбука веры» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/nebesnye-knigi-v-apokalipsise-ioanna-bogoslova/>.
6. Афанасьева Т. И. Литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого в славянской традиции (по служебникам XI–XV вв.). – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 448 с.
7. Брэдшоу Д. Божественная литургия как мистический опыт // Философия религии: альманах. – 2015. – № 2014–2015. – С. 106–123.
8. Брэдшоу Д. Христианский подход к философии времени // Металарадигма. Альманах: богословие, философия, естествознание. – 2015. – Вып. 6. – С. 70–78.
9. Булгаков С. В. Настольная книга священнослужителя // Православная энциклопедия «Азбука веры» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe_Bogosluzhenie/nastolnaja-kniga-svjashennosluzhitelja/13.
10. Василик В. В. О болезни и смерти Владимиро-Волынского князя Владимира Васильковича. Некоторые медицинские, гомилетические и литургические наблюдения // Русин. – 2015. – № 1 (39). – С. 51–68.
11. Волкова А. Г. Языковая репрезентация события: Прием перечисления в византийской церковной поэзии // Язык и культура / Национальный исследовательский Томский государственный университет. – 2014. – № 4 (28). – С. 5–16.
12. Гогешвили А. А. Акростих в «Слове о полку Игореве» и других памятниках русской письменности XI–XIII вв. – М., 1991. – 204 с.

13. Демин А. С. Перечисление как литературное творчество (по памятникам XI – начала XII в.) // Демин А. С. О древнерусском литературном творчестве. Опыт типологии с XI по середину XVIII в. от Илариона до Ломоносова / Отв. ред. В. П. Гребенюк. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 67–82.
14. Зыков Э. Г. Русская переделка древнеболгарского стихотворения // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред. Д. С. Лихачев. Т. 28. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1974. – С. 308–316.
15. Иларион (Алфеев), митр. Православное богослужение как школа богословия и богомыслия // Православная энциклопедия «Азбука веры» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://azbyka.ru/m-pravoslavnoe-bogosluzhenie-kak-shkola-bogosloviya-i-bogomysliya>.
16. Иоанн Мейендорф, протопр. Византийское богословие. Исторические тенденции и доктринальные темы // Православная энциклопедия «Азбука веры» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/vizantijskoe-bogoslovie-istoricheskie-tendentsii-i-doktrinalnye-temy/.
17. Кириллин В. М. Кирилл Туровский [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/philology/>.
18. Корнышева И. Р. Аксиологическая оценка эстетики православного храма // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. – 2016. – № 3 (19). – С. 62–68.
19. Максим Исповедник, прп. Вопросы и затруднения. Quaestiones et dubia / Вступ. статья, пер. и комм. П. К. Доброцветова. – М.: Паломник, 2008. – 304 с.
20. Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. – Praha: Univ. karlova, 1976. – 145 с.
21. Михайлов А. В. Избранное. Завершение риторической эпохи. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2007. – 480 с.
22. Осокина Е. А. Проблемы соотношения гимнографии и агиографии на память княгини Ольги: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М.: ИМЛИ РАН, 1995. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/problemy-sootnosheniya-gimnografii-i-agiografii-na-pamyat-knyagini-olgi#ixzz4b6d8DfXk>.
23. Павел Флоренский, свящ. Храмовое действо как синтез искусств // Священник Павел Флоренский. Сочинения: В 4-х тт. Т. 2. Работы 1909–1933 гг. – М.: Мысль, 1996. – С. 370–382.
24. Романчук Р. Lectio Divina: монашеское чтение на Востоке и на Западе // Монастырская культура: Восток и Запад / Сост. Е. Г. Водолазкин. – СПб.: Наука, 1999. – С. 36–43.
25. Роменская Л. А., Кинаш Л. А. Духовные доминанты богослужебного пения: философско-культурологический дискурс // Практико-ориентированная направленность народно-певческого образования. Сборник материалов Всероссийского научно-методического семинара / Ответственные за выпуск О. Я. Жирова, О. В. Логвинова. – Белгород, 2017. – С. 69–74.
26. Сазонова Л. И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII – нач. XVIII в.) / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1991. – 261 с.
27. Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер. и коммент. Б. Н. Флори. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
28. «Слово о церковнем сказании» // Афанасьева Т. И. Древлеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII – XVI вв.: исследования и тексты. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. – С. 332–337.
29. Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии // СОРЯС. – Т. 88. – № 3. – СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1910. – 297 с.
30. Срезневский И. И. Материалы для Словаря древне-русского языка по письменным памятникам. – Т. 1. А–К. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1893. – 1420 стб., 49 с.
31. Срезневский И. И. Материалы для Словаря древне-русского языка по письменным памятникам. – Т. 3. Р–Я и дополнения. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1912. – 1684 стб., 272 стб., 13 с.
32. Турилов А. А. Азбучные стихи // Православная энциклопедия. – Т. 1: А – Алексей Студит. – М.: Церковно-научный центр Русской православной церкви «Православная энциклопедия», 2000. – С. 333.
33. Успенский Л. А. Богословие иконы Православной Церкви. – М.: Дарь, 2008. – 480 с.

34. Федотова Р. А. Понятие «литургическое пространство» и его связь с теорией искусства // *Классика в искусстве сквозь века*. – СПб.: СПбГУ, 2015. – С. 83–92.
35. Щепалина Е. А. Протоиерей Сергей Булгаков и отец Александр Шмеман об Евхаристии (литературоведческое осмысление) // *XX Иоанновские чтения: материалы научной конференции, посвященной памяти Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского* / сост.: О. И. Радченко, М. В. Бровякова. – Самара: ООО «Научно-технический центр», 2016. – С. 90–101.
36. Mareš F. V. Azbučna basen z rukopisu Statni veřejne knihovny Saltykova-Sčedrina v Leningrade // *Slovo*. – Zagreb, 1964. – № 14. – p. 5–24.

Bedina N. N. The Acrostic Prayer "Azbukovnik" in the Liturgical Tradition Context // *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology*. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 1. – P. 155–167.

The general theological characteristics of Christian worship are eschatology and conciliarity. It initially determined the key properties of the liturgical text chronotope. The any Services, including private prayer, bears a imprint of the "Sacrament meeting" where the "co-Ministry" principle has the eschatological perspective. The penitential prayer "Azbukovnik" is a part of Yaroslavl Horologium (XIII). It referred to the period that marked the beginning of the Slavic hymnography. At that time its continuity with respect to the Eastern Christian liturgical tradition was formalized. The acrostic structure of the prayer "Azbukovnik" has the internal semantics of integrity and completeness. The generalized image of a book, where the names of the righteous will be recorded, as a symbol of transcendent mystery draws the eschatological orientation of the prayer text. It also determines the cumulative structure of his plot. Belonging to the Eastern Christian hymnography tradition, the internal plot of "Azbukovnik" reposes on the enumeration, the combination of prayer formulas. As S. S. Averintsev rightly wrote, it "creates a special "cosmic" perspective". The prayer dialogue with God is in the generic chronotope, where the past and the future are the present. Liturgical eschatology finds expression in a particular prayer text, regardless of public or private worship.

Keywords: Eastern Christianity, eschatology, Liturgy, hymnography.

References

1. Averintsev S. S., *Poetika rannevizantiiskoi literatury* [The Poetics of Early Byzantine Literature]. St. Petersburg, Azbuka-klassika, 2004, 340 p.
2. Aleksandr Shmeman, protopr., *Vvedenie v liturgicheskoe bogoslovie* [The Introduction to Liturgical Theology]. Parizh, YMCA-PRESS, 1961, 248 p.
3. Aleksandr Shmeman, protopr., *Evkharistiya – Tainstvo Tsarstva* [Eucharist is Sacrament of the Kingdom]. *Liturgicheskoe bogoslovie ottsa Aleksandra Shmemana* [The Liturgical Theology of Father Alexander Schmemmann], St. Petersburg, Bibliopolis, 2006, 438 p.
4. Alekseev A. A., *Monastyri' i Svyashchennoe Pisanie* [Monastery and Sacred Scripture]. *Monastyrskaya kul'tura: Vostok i Zapad* [Monastic culture: East and West], St. Petersburg, Nauka, 1999, p. 24 – 30.
5. Androsova V. A., *Nebesnye knigi v Apokalipsise Ioanna Bogoslova* [Heavenly Books in the Apocalypse of John the Divine] URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/nebesnye-knigi-v-apokalipsise-ioanna-bogoslova/> (Accessed: 10 September 2017)
6. Afanas'eva T. I., *Liturgii Ioanna Zlatousto i Vasiliya Velikogo v slavyanskoi traditsii (po sluzhebникам XI–XV vv.)* [Liturgy of John Chrysostom and Basil the Great in the Slavic Tradition (According to the Service Books of the 11th-15th Centuries)], Moscow, Russkii Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauke, 2015, 448 p.
7. Bredshou D., *Bozhestvennaya liturgiia kak misticheskii opyt* [The Divine Liturgy as a Mystical Experience]. *Filosofiia religii: al'manakh* [Philosophy of Religion: Almanac], 2015, № 2014–2015, P. 106–123.
8. Bredshou D., *Khristianskii podkhod k filosofii vremeni* [Christian Approach to the Philosophy of Time]. *Μεταπαράδιγμα. Al'manakh: bogoslovie, filosofiia, estestvoznaniye* [Μεταπαράδιγμα. Almanac: Theology, Philosophy, Natural Science], 2015, Vol. 6, p. 70–78.

9. Bulgakov S. V., *Nastol'naya kniga svyashchennosluzhitelya* [Handbook of the clergyman], URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe_Bogosluzhenie/nastolnaja-kniga-svjashchennosluzhitelja/13 (Accessed: 10 September 2017)
10. Vasilik V. V., *O bolezni i smerti Vladimiro-Volynskogo knyazya Vladimira Vasil'kovicha. Nekotorye meditsinskie, gomileticheskie i liturgicheskie nablyudeniya* [On the Illness and Death of Volodymyr-Volyn Prince Vladimir Vasilkovich. Some Medical, Homiletical and Liturgical Observations]. *Rusin [Rusyn]*, 2015, № 1 (39), p. 51–68.
11. Volkova A. G., *Yazykovaya reprezentatsiya sobytiya: Priem perechisleniya v vizantiiskoi tserkovnoi poezii* [Language Representation of the Event: Reception of Enumeration in Byzantine Church Poetry]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2014, № 4 (28), p. 5–16.
12. Gogeshvili A. A., *Akrostikh v «Slove o polku Igoreve» i drugih pamyatnikakh russkoi pis'mennosti XI–XIII vv.* [Acrostic in the "Lay of Igor's Host" and Other Monuments of Russian Writing in the 11th–13th centuries], Moscow, 1991, 204 p.
13. Demin A. S., *O drevnerusskom limiteraturnom tvorchestve. Opyt tipologii s XI po seredinu XVIII v. ot Ilariona do Lomonosova* [On the Old Russian limiteraturnom Creativity. Experience of Typology from the XI to the Middle of the XVIII Century. From Hilarion to Lomonosov], Moscow, *Yazyki slavyanskoi kul'tury*, 2003, p. 67–82.
14. Zykov E. G., *Russkaya peredelka drevnebolgarskogo stikhotvoreniya* [Russian rework of the Old Bulgarian poem]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of Department of Old Russian Literature], Vol. 28, Leningrad, Nauka, Leningradskoe otделение, 1974, p. 308–316.
15. Ilarion (Alfeev), *mitr., Pravoslavnoe bogosluzhenie kak shkola bogosloviya i bogomyслиya* [Orthodox Worship as a School of Theology], URL: <https://azbyka.ru/m-pravoslavnoe-bogosluzhenie-kak-shkola-bogosloviya-i-bogomyслиya> (Accessed: 10 September 2017)
16. Ioann Meiendorf, *protopr., Vizantiiskoe bogoslovie. Istoricheskie tendentsii i doktrinal'nye temy* [Byzantine theology. Historical Trends and Doctrinal Themes], URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/vizantiiskoe-bogoslovie-istoricheskie-tendentsii-i-doktrinalnye-temy/ (Accessed: 10 September 2017)
17. Kirillin V. M., *Kirill Turovskii* [Kirill Turovsky], URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/> (Accessed: 10 September 2017)
18. Kornysheva I. R., *Aksiologicheskaya otsenka estetiki pravoslavnogo khrama* [Axiological assessment of the aesthetics of the Orthodox church]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University], Ser. Filosofskie nauki, 2016, № 3 (19), p. 62 – 68.
19. Maksim Ispovednik, *Voprosy i zatrudneniya. Quaestiones et dubia* [Questions and difficulties. Quaestiones et dubia], Moscow, Palomnik, 2008, 304 p.
20. Matkhauzerova S., *Drevnerusskie teorii iskusstva slova* [Old Russian Theories of Word Art], Praha, Univ. karlova, 1976, 145 p.
21. Mikhailov A. V., *Izbrannoe. Zavershenie ritoricheskoi epokhi* [Favorites. Completion of the rhetorical era], St. Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburg. un-ta, 2007, 480 p.
22. Osokina E. A., *Problemy sootnosheniya gimnografii i agiografii na pamyat' knyagini Ol'gi* [Problems of the Ratio of Hymnography and Hagiography to the Memory of Princess Olga], Extended abstract of candidate's thesis, Moscow, 1995. URL: <http://www.disscat.com/content/problemy-sootnosheniya-gimnografii-i-agiografii-na-pamyat-knyagini-olgi#ixzz4b6d8DfXk> (Accessed: 10 September 2017)
23. Pavel Florenskii, *svyashch., Khramovoe deistvo kak sintez iskusstv* [Temple Action as Arts Synthesis]. *Pavel Florenskii, svyashch., Sochineniya* [The Works], Vol. 2, Moscow, Mysl', 1996, p. 370–382.
24. Romanchuk R., *Lectio Divina: monasheskoe chtenie na Vostoke i na Zapade* [Lectio Divina: Monastic Reading in the East and the West]. *Monastyr'skaia kul'tura: Vostok i Zapad* [Monastic culture: East and West], Saint Petersburg, Nauka, 1999, p. 36–43.
25. Romenskaya L. A., Kinash L. A., *Dukhovnye dominanty bogoslužhebnogo peniya: filosofsko-kul'turologicheskii diskurs* [Spiritual Dominants of Liturgical Singing: Philosophical and Cultural Discourse]. *Praktiko-orientirovannaya napravlennost' narodno-pevcheskogo obrazovaniya. Sbornik materialov Vserossiiskogo nauchno-metodicheskogo seminara* [Practically Oriented Direction of Folk-Singing Education], Belgorod, 2017, p. 69–74.
26. Sazonova L. I., *Poeziya russkogo barokko (vtoraya polovina XVII – nach. XVIII v.)* [Poetry of the Russian Baroque (Second Half of the 17th - Early 18th Century)], Moscow, Nauka, 1991, 261 p.

27. Skazaniya o nachale slavyanskoi pis'mennosti [Legends about the Beginning of the Slavonic Script], Moscow, Nauka, 1981, 200 p.
28. «Slovo o tserkovnem skazanii» [The Word about the Church Legend]. T. I. Afanas'eva, Drevleslavyanskoe tolkovaniya na liturgiyu v rukopisnoi traditsii XII – XVI vv.: issledovaniya i teksty [Drevleslavian Interpretations of the Liturgy in the Handwritten Tradition of the XII–XVI Centuries: Studies and Texts], Moscow, Russkii Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauke, 2012, p. 332–337.
29. Sobolevskii A. I., Materialy i issledovaniya v oblasti slavyanskoi filologii i arkheologii [Materials and Research in the Field of Slavic Philology and Archeology], St. Petersburg, Tip. Imperatorskoi Akademii nauk, 1910.
30. Sreznevskii I. I., Materialy dlya Slovary drevne-russkago yazyka po pis'mennym pamyatnikam [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language from Written Texts], Vol. 1, St. Petersburg, Tip. Imperatorskoi Akademii nauk, 1893, 1420 c., 49 p.
31. Sreznevskii I. I., Materialy dlya Slovary drevne-russkago yazyka po pis'mennym pamyatnikam [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language from Written Texts], Vol. 3, St. Petersburg, Tip. Imperatorskoi Akademii nauk, 1912, 1684 c., 272 c., 13 p.
32. Turilov A. A., Azbuchnye stikhi [Alphabet poetry]. Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia], Vol. 1, Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi "Pravoslavnaya Entsiklopediya", 2000, p. 333.
33. Uspenskii L. A., Bogoslovie ikony Pravoslavnoi Tserkvi [Theology of the Icon of the Orthodox Church], Moscow, Dar, 2008, 480 p.
34. Fedotova R. A., Ponyatie «liturgicheskoe prostranstvo» i ego svyaz' s teoriei iskusstva [The Concept of "Liturgical Space" and Its Connection With the Theory of Art]. Klassika v iskusstve skvoz' veka [Classics in Art through the Ages], St. Petersburg, SPbSU, 2015, p. 83–92.
35. Shchepalina E. A., Protoierei Sergii Bulgakov i otets Aleksandr Shmeman ob Evkharistii (literaturovedcheskoe osmyslenie) [Archpriest Sergius Bulgakov and Father Alexander Schmemmann on the Eucharist (Literary Criticism)]. XX Ioannovskie chteniya [XX Ioann's readings], Samara, Nauchno-tekhnicheskii tsentr, 2016, p. 90–101.
36. Mareš F. V., Azbučna basen z rukopisu Statni veřejne knihovny Saltykova-Sčedrina v Leningrade. Slovo, Zagreb, 1964, № 14, p. 5–24.

УДК 26/28

ПРАВОСЛАВИЕ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ)¹

Топчиев М. С.

Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Российская Федерация.

E-mail: ceo.gfn@gmail.com

В данной статье рассматривается роль православия во взаимодействии китайской и русской культур. Россия и Китай являются соседними государствами. Отношения между странами имеют партнерский, можно даже сказать, дружественный характер. Все это детерминирует необходимость углубления культурных связей для более тесного союза. В этой связи актуальным становится исследование православия как интегральной части культур двух стран, как объективно связующего культурного звена между двумя государствами. Автором проанализированы основные направления миссионерской деятельности РПЦ в разные периоды, а также условия, способствующие возрождению православия. Были определены хронологические рамки данных периодов с кратким описанием особенностей. Особое внимание уделяется проблемам и перспективам распространения православия в Китае. Религия и вера являются той духовной силой, которая стоит над социальными слоями, расовыми, культурными, половыми, языковыми различиями. Именно они рассматриваются как основные носители и важные составляющие международных культурных связей. И для того чтобы православие укрепило российско-китайские отношения, необходимо проделать большую работу и решить ряд проблем. В заключении автор приходит к выводу, что распространение и развитие православия в Китае – это долгий и тернистый путь. Но по мере непрерывного увеличения степени интернационализации современного китайского общества, а также углубленного развития российско-китайских культурных обменов в Китае будет возникать возрастающая открытость к православию. В то же время с российской стороны крайне необходима достоверная оценка развития православия в дружественной соседней стране с учетом современной религиозной политики КНР.

Ключевые слова: православие, духовная культура Китая, культурный диалог, духовная миссия, Русская православная церковь, российско-китайские отношения, стратегическое сотрудничество.

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир – это мир, где культуры активно взаимодействуют друг с другом, что приводит к размыванию их границ. Это оказывает существенное влияние не только на само существование культуры, но и на ее развитие. Середина прошлого века стала отправной точкой в процессе взаимодействия культур, что повлекло за собой значительные изменения в его содержании и направленности.

Актуальность исследования динамики развития конфессиональных контактов в культурном пространстве обусловлена, прежде всего, постоянно усложняющимися

¹ Статья выполнена при поддержке РФФИ 17-33-01069 «Встреча с Чужим: российский и дальневосточный опыт межкультурной коммуникации».

как межкультурными, так и межконфессиональными взаимодействиями, повышением уровня их рефлексии, возрастанию необходимости в их сознательном регулировании. Мы становимся наблюдателями двух противоположных друг другу тенденций. С одной стороны, межкультурная коммуникация приводит к созданию некоего единого пространства мировой культуры, а с другой – к стремлению сохранить специфику разных культур [8].

Россия и Китай являются соседними государствами. Отношения между странами имеют партнерский, можно даже сказать, дружественный характер, с налаженным экономическим взаимодействием [6]. Все это детерминирует необходимость углубления культурных связей для более тесного союза. Естественно выглядят гуманитарные связи, а также научный интерес к историко-философской мысли двух стран. Но существует то, что роднит все народы, – духовный поиск. У каждого есть право на свободу совести, но каждый хочет понимать суть происходящего [4]. У многих есть ценности, которыми дорожат. Речь, естественно, идет о нематериальных, духовных, культурных, этических идеях [11]. В таких случаях говорят о религии. В контексте взаимодействия России и Китая речь пойдет о православии. О православии как интегральной части культуры двух стран, как об объективно связующем культурном звене между двумя государствами.

Основная цель статьи заключается в рассмотрении роли Русской православной церкви во взаимодействии китайской и русской культур.

Православие присутствует в Китае уже более трехсот лет. Православные священнослужители, члены Российской духовной миссии в Китае (РДМ) трудились в Поднебесной с 1685 года. Они много сделали для сближения двух стран и для знакомства России с Китаем, в силу того, что РДМ, прежде всего, занимались по большей части дипломатией и научными исследованиями и только во вторую очередь миссионерством. В статье рассмотрены проблемы, возникавшие в результате такого взаимодействия, и перспективы их разрешения.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РПЦ В КИТАЕ

В истории православной миссии в Китае можно выделить ряд этапов.

Временные рамки первого этапа можно определить как 1715–1858 гг. Самой главной задачей миссии стала дипломатическая работа. Особо на этом этапе хотелось бы отметить вклад святителя Гурия, в миру Григория Платоновича Карпова. Понимая все сложности китайской ситуации того времени (гражданская война, восстание тайпинов), святитель, тем не менее, увидел перспективу стратегического союза России и Китая и внес огромный вклад в установление добрососедских отношений между странами.

Известно, что святитель Гурий служил в Пекинской духовной миссии с 1840 по 1865 гг., возглавляя ее с 1856 г. За этот период была проделана поистине колоссальная работа по переводу книг Нового Завета, Псалтири, Евангелия, богослужебных и богословских книг на китайский язык. Помимо этого, в наследие для современной науки от Святителя Гурия остались исследования об истории православия в Китае и о китайском буддизме.

Заслуги святителя перед Отечеством измеряются не только в духовной, но и в политической, и геополитической плоскости. Ведь благодаря его стараниям к Российской империи совершенно мирным путем отошли большие территории: Амурская область, Уссурийский край и Владивосток.

Благодаря усилиям руководителя Пекинской духовной миссии архимандрита Гурия были заключены Айгунский и Тяньцзинский договоры. И после вступления в силу Тяньцзинского договора в 1863 г. дипломатическая работа была полностью снята с миссии, что послужило толчком для начала активной миссионерской деятельности.

Итак, в 1870-е гг. открывалось широкое поле для миссионерской деятельности, о необходимости которой шла активная дискуссия. Для РДМ начался второй этап (1878–1899 гг.). Он совпал с началом 16-ой РДМ во главе с архимандритом Флавианом (Городецким). Этот период характеризуется углублением проповеди. Начинается богослужение на китайском языке, строятся храмы. Впервые священником становится китаец Митрофан Цзи, утверждается постоянный штат священников. Но все равно организация еще слаба: недостаточно финансирования, маленький штат священников. Эти проблемы заставили 17-ю миссию обратиться к изучению опыта католиков и протестантов. И уже в 1898 г. приобретаются земельные участки под православную миссию, улучшается материальная база. Миссия строит школы, миссионерские станы, церкви. Увеличивается число православных верующих [7]. Но закончился второй период истории миссии восстанием ихэтуаней в 1900 г., в ходе которого было убито 222 человека. В это число вошел и первый китайский священник Митрофан [9]. Постройки в Пекине сгорели, а ряды православной общины поредели.

Третий этап (1900–1917 гг.) характеризуется приростом китайской паствы и увеличением выделяемых на миссию материальных средств. В течение данного времени Русской православной церковью было построено на территории Китая 37 церквей и храмов, основано более 40 миссионерских центров и 20 мужских и женских религиозных школ, а также учреждена духовная семинария. Кроме того, духовной миссией были построены метеорологическая станция, библиотека, типография, фабрика и мастерская. Все работы оценивались в 1,5 миллиона рублей. Православной духовной миссией выпускался на трех языках ежемесячный журнал «Китайский благовестник». В открытой миссией школе было 38 миссионеров-проповедников (среди них 5 русских) и более 680 учеников. Вплоть до 1916 г. общее число верующих китайцев достигло 5587. Материальные средства для русской духовной миссии в Китае, передаваемые от правительства Российской империи, резко выросли: с ежегодных 6500 рублей до 16250 рублей в год [3].

После победы в России Октябрьской революции начался новый этап существования православия в России. Этот период длился с 1917 по 1949 г., от победы Октябрьской революции до образования Китайской Народной Республики. Советское правительство объявило об отделении церкви от государства. Отношение к Русской православной церкви (РПЦ) изменилось.

Миссия переориентирует главный вектор своей деятельности с миссионерства среди китайцев на духовное окормление и материальную помощь белоэмигрантам.

Начинаются бесконечные тяжбы за собственность. Белоэмигранты пытаются использовать ее в своих личных целях, а китайское духовенство всячески старается ее захватить [14]. Но основная проблема состояла в том, что 1922 г. стал годом разрыва связи с Московской патриархией. Зарубежный синод решает на создание епархии в Китае на базе Миссии. Создается ряд викариатств. Епархия оказывается в состоянии раскола. С одной стороны, китайское духовенство, которое желает создать китайскую церковь со священниками и китайцами-мирянами. С другой стороны, русское духовенство в связи с неразберихой в вопросах церковного управления выбирает, кому подчиняться: Москве или Зарубежному синоду [9].

Несмотря на сложности и раскол, в указанный период Зарубежным архиерейским синодом в Китай были направлены две духовные миссии. Это 19-ая миссия под управлением архиепископа Симона (Виноградова) и 20-ая миссия, возглавляемая после смерти Симона епископом Виктором (Святым). Они проводили эффективную и плодотворную работу по распространению православия в Китае, благодаря чему влияние православия в разных районах страны усилилось. Они добились надлежащего устройства церковных общин в этих районах и превратили руководимые ими общины в центры для деятельности русских и в приюты для беженцев из числа эмигрантов.

Так, например, православными организациями в Харбине было принято и размещено более 6700 человек. В их числе были бежавшие офицеры царской России и полицейские чины, которые в дальнейшем становились священнослужителями и руководителями православных церковных структур на всех уровнях [3].

Кроме того, в числе эмигрантского общества были крупные помещики, капиталисты, зажиточные крестьяне, дворяне, офицеры, которые, будучи достаточно состоятельными людьми, вкладывали деньги в строительство церквей и организацию церковной и общественной жизни.

Благодаря хлынувшему потоку русских эмигрантов, а также поддержке иностранных религиозных организаций для православной церкви в Китае наступило время процветания. За 32 года (в период с 1917 по 1949 г.) православие в Китае усилило свое влияние. Во всех районах Китая наблюдалась активная деятельность духовной миссии. Продолжалось увеличение числа верующих, возведение храмов и церквей, а также создание учебных заведений.

В Пекине число верующих достигло 5000 человек, в северо-восточных районах паства составила более 300000 человек, большинство верующих составили русские. В северо-западных и монгольских районах количество верующих достигало 10 тысяч человек. В районах Восточного Китая после 1917 г. православие также развивалось очень активно. Например, множество храмов в разное время построили в самом Шанхае и прилегающих к нему районах. К тому же была образована самостоятельная Шанхайская епархия во главе с епископом шанхайским Иоанном (Максимович). В районах Центрального Китая число верующих достигло 1360 [3].

Следующий период, с 1949 г. и практически до начала 2000-х гг., стал самым сложным для православия в Китае. К середине 1950-х гг. большая часть русских эмигрантов покинула Китай. Одна часть верующих русских во главе с

архиепископом Виктором вернулась в Советский Союз, а другая часть православных направилась в страны Западной Европы. Примечательно, что именно в этот период Московская патриархия даровала китайской церкви статус автономии. В связи с этим событием актуальным становится вопрос подготовки и рукоположения в сан православных священников китайского происхождения. В 1962 г. умирает епископ Василий. Двумя годами позднее закрывают последний православный храм в Пекине. С этого времени влияние Православия в Китае стало резко уменьшаться. Былая мощь постепенно уходила в прошлое. А «культурная революция» окончательно прекратила деятельность православной церкви в КНР.

Но это был еще не конец исповедованию православия в Китае. После многолетнего забвения и религиозного застоя наступает новый этап развития православия. Его начало связано с 2000-ми годами, когда отношения между странами не просто приняли вид добрососедского партнерства, а переросли в стратегическое взаимодействие.

В 2001 г. Россия и КНР заключили российско-китайский договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, а также была создана Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Во втором десятилетии XXI в. отношения между странами вышли на новый этап, который характеризуется всесторонним подъемом и расширением масштабов российско-китайского сотрудничества в разных сферах. В 2013–2014 гг. российско-китайские отношения достигли «беспрецедентного высокого уровня», который можно охарактеризовать «подлинно доверительным и всеобъемлющим характером сотрудничества» и «тесным стратегическим взаимодействием» [10].

ПРОБЛЕМЫ ПРОДВИЖЕНИЯ ПРАВОСЛАВИЯ В КИТАЕ

Несмотря на весьма тесные двусторонние политические отношения между странами, деятельность РПЦ в Китае нельзя назвать очень успешной. И в настоящее время существует несколько причин данной сложившейся ситуации.

Первой причиной является фактическое отсутствие православного священства в Китае. Китайскую государственную религиозную политику по вопросам подготовки священнослужителей – «самостоятельно избирать, самостоятельно рукополагать» – нельзя назвать политикой, способствующей скорейшему появлению института китайских православных священников. В КНР нет православных духовных семинарий, где бы готовили православных священников. За последние 20 лет несколько китайских граждан были отправлены в Москву и Санкт-Петербург для обучения, возможности получения священного сана и службы в действующих приходах на территории КНР. Но пока правительство КНР не утвердило их священниками [14].

По данным РПЦ, в Китае насчитывается свыше 10 тыс. православных. Их можно разделить на две группы. В первую группу входят находящиеся на территории КНР граждане России и других православных стран (Украины, Белоруссии, Грузии, Молдавии, Сербии, Греции и т. д.), сотрудники посольств, представители международных организаций и компаний, бизнесмены, студенты. Во вторую входят граждане КНР, являющиеся потомками русско-китайских браков. В

настоящее время на территории Китая существуют православные общины в крупных городах (Пекин, Шанхай, Харбин и др.), в Автономном районе Внутренняя Монголия (АРВМ) и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) [5].

Второй причиной является то, что значительная часть православных верующих проживает в приграничных АРВМ и СУАР. Степень сложности религиозных проблем в обоих районах гораздо сильнее, чем на внутренних территориях. Наличие в этих пограничных районах национальных меньшинств является фактором безопасности государства. Кроме того, эти национальные меньшинства способствуют экономическому и культурному обмену с соседними странами. Ведь определенное число жителей данных регионов Китая и соседних стран относятся к одной и той же национальности, исповедуют одинаковую религию, связаны друг с другом тысячами родственных и духовных нитей. Такие тесные отношения полезны для поддержания дружественных контактов с соседней страной и установления взаимного доверия. Но, с другой стороны, они больше подвержены влиянию националистической пропаганды, нередко строящейся на религиозных противоречиях [13].

Третьей причиной стали определенные события прошлого, воспринимаемые как случаи нанесения Россией ущерба национальным интересам и национальным чувствам китайского народа. Членов РДМ в Пекине в китайской историографии зачастую называют участниками реализации этой политики, поскольку деятельность РДМ не ограничивалась ведением проповеди и изучением китайской культуры. Согласно мнению ряда китайских ученых, миссионеры РДМ в Пекине активно способствовали «агрессии царской России против Китая» [5].

Время с начала 2000-х стало тем периодом, когда российское высшее политическое руководство обратило внимание на проблему положения православия в Поднебесной. На протяжении трех лет (с 2004 по 2006 г.), по мнению Титаренко М. Л., эти вопросы обсуждались на государственном уровне во время визитов в Пекин Президента РФ В. В. Путина 2004 г. и 2006 г., а также в 2005 г. во время пребывания в Москве Председателя КНР Ху Цзиньтао [12].

Помимо этого, к деятельности по нормализации положения православия в Китае и плодотворного диалога с государственными, общественными и религиозными кругами подключились лидеры РПЦ, особенно отдел внешних церковных связей Московского патриархата, высокопоставленные чиновники и представители дипломатического корпуса [12].

В мае 2013 г. Государственным управлением по делам религии при Госсовете КНР был приглашен с визитом в Китай Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Он стал первым высшим религиозным лидером России, посетившим Китай. Это яркое проявление высокого уровня и особого качества китайско-российских отношений на современном этапе.

Патриарха Кирилла принял Председатель КНР Си Цзиньпин, указав, что данный визит иерарха РПЦ является частью религиозных связей между двумя странами и воплощением дружественных двухсторонних отношений.

Патриарх Кирилл отметил, что РПЦ будет развивать связи с Китаем на основе взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела и внесет свой вклад в

развитие российско-китайских отношений. Он выразил надежду, что диалог между РПЦ и китайским правительством сможет постепенно решить проблему статуса Китайской автономной православной церкви, чтобы она смогла вступить на путь возрождения [5].

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОСЛАВИЯ В КИТАЕ

По нашему мнению, религия и вера являются той духовной силой, которая стоит над социальными слоями, расовыми, культурными, половыми, языковыми различиями. Они являются важной частью международных культурных связей. И для того, чтобы православие укрепило российско-китайские отношения, необходимо проделать большую работу и решить ряд проблем.

Во-первых, отношения между РФ и КНР в целом обуславливают статус православия в Китае и тенденции его развития. Другими словами, судьба православия зависит от общего состояния российско-китайских отношений.

В связи с этим обе стороны могут развивать сотрудничество конструктивного характера в области православия, занимаясь обменом специалистами по истории православия, православного искусства и культуры. К примеру, может осуществляться помощь в реставрации православных церквей в Китае, организация религиозного диалога в форме культурного и художественного форумов богословия и философии и т. д.

Во-вторых, религиозные отношения напрямую связаны с культурной безопасностью государства, которая китайскими властями рассматривается как неотъемлемая часть целостной концепции государственной безопасности. В 2011 г. на 6-ом пленуме ЦК КПК 17-ого созыва было подчеркнуто: «Современный мир находится на этапе большого развития, преобразований и регулирования, место и роль культуры в конкурентной совокупной мощи государства стали более очевидными, задача отстаивания культурной безопасности государства стала еще более значительной» [1].

В современной ситуации православие, оказываясь постоянной темой политического диалога двух стран, превращается в инструмент для политизации религии. Российская сторона предпринимает попытки повлиять на развитие православия в Китае через назначение православного епископа в КНР и овладения, таким образом, правом руководства православием в Китае. Все это может привести к конфликту.

В-третьих, необходимо поддерживать процесс китаизации православного богословия и церковного ритуала. Например, разрешить использовать китайский язык в богослужениях. Выбирая путь китаизации, православие получит возможность не просто быть национальным вероисповеданием китайских русских, а трансформироваться в адаптированную к современной общественной жизни Китая форму вероисповедания, которую уже выбрали китайцы.

В-четвертых, китайские ученые должны развивать изучение православия. В истории китайской цивилизации буддизм, даосизм и другие религии оказали серьезное влияние на национальный характер китайского народа. И, рассматривая духовные ценности православной веры в контексте переключки с духовными,

этическими и культурными ценностями Китая, можно упомянуть выражение исследователя духовной культуры иеромонаха Серафима (Роуз), что «Китайская культура уникальна. Но некоторые ее элементы удивительно похожи на традиции западного мира... душа китайского народа удоборасположена к христианству» [2]. И если исследователи проведут сравнение между православной философией и китайской традиционной философией, то станут более понятны различия и сходства национальных характеров народов двух стран. А изучение православной культуры предположительно даст возможность раскрытия в русской культуре сущностных принципов, роднящих их с китайскими традиционными принципами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, можно сделать вывод, что распространение и развитие православия в Китае прошло долгий и тернистый путь. На начальном этапе зарождения и развития православия в Китае единственной действенной опорой для православных была Российская духовная миссия. После 1858 г. православная религиозная деятельность стала развиваться и охватила проживающих в разных уголках Китая. Но с середины XX в. в связи с массовым отъездом русского населения из Китая количество православных верующих уменьшилось, православие переживало не лучшие времена. Однако в последние десятилетия в Китае вновь возрождаются православные общины.

Несмотря на то, что православие для китайцев остается русской религией, оно начинает приобретать национальный китайский характер и становится частью культурной традиции этой страны. Богослужение переводится на китайский язык, появляются новые священнослужители-китайцы, которые проходят обучение в России, чтобы затем вернуться на родину и служить в соответствии с китайскими традициями и с китайским законодательством.

В целом, миссионерская деятельность Русской православной церкви приводит к расширению межнациональных связей и способствует культурному взаимовлиянию.

Список литературы

1. Ван Инлян. Новая политика В. В. Путина и народная дипломатия Русской православной церкви // Исследования Сибири (на кит. яз.). – 2014. – № 5. – С. 44–49.
2. Иеромонах Серафим (Роуз). Душа Китая // Китайский благовестник. – 2000. – № 1. – С. 40–42.
3. Ин Ван. Эволюция православия в Китае в XX ст. // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў. – 2009. – № 1 (11). – С. 31–36.
4. Лосева Д. А. Развитие современной духовной культуры России и Китая // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, 10–12 июня 2011 г.) / отв. ред. Д. В. Буяров. – Благовещенск: БГПУ, 2011. – С. 158–159.
5. Лян Чжэ. Православие в контексте современных российско-китайских отношений: взгляды китайских ученых // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». – 2015. – № 1. – С. 79–87.
6. Осинцева Н.С. Торгово-экономическая площадка диалога России с Китаем в 90-е гг. XX – начале XXI вв. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, 10–12 июня 2011 г.) / отв. ред. Д. В. Буяров. – Благовещенск: БГПУ, 2011. – С. 217–219.

7. Православие в Китае. ОАО «Амурская ярмарка». Благовещенск-на-Амуре. 2013. URL: <http://mission.blaginform.ru/pravoslavie-v-kitae>.
8. Романенко Т. В. Православие в контексте взаимодействия русской и китайской культур // Ученые записки ЗабГУ. – 2016. – Том 11. – № 3. – С. 87–93.
9. Свящ. Поздняев Дионисий. Православие в Китае (1900–1997 гг.). – М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1998. URL: http://www.orthodox.cn/localchurch/pozdnyayev/index_ru.html.
10. Состоялся телефонный разговор Владимира Путина с Председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином. URL: <http://www.kremlin.ru/news/18347>.
11. Стиленикова О.С. Православие в Китае: историческая ретроспектива и современное состояние (на примере г. Харбина) // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, 10–12 июня 2011 г.) / отв. ред. Д. В.Буяров.– Благовещенск: БГПУ, 2011. – С. 69–72.
12. Титаренко М. Л. и др. Православие в Китае. – М.: Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата, 2010. – 256 с.
13. Чжан Юйся. Фактор православия в обмене культур между Китаем и Россией (на кит. яз.): Магистерская диссертация Харбинского педагогического университета. – 2009.
14. Эри Г. К., Буяров Д. В. Православие в современном Китае / Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Материалы IV международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ – Харбин, 14–19 мая 2014 г.). – Вып. 4 / Отв. ред. Д. В. Буяров и Д. В. Кузнецов. – Благовещенск: БГПУ, 2014. – 634 с.

Topchiev M. S. Orthodoxy in the Context of Cultural Interaction (on the Example of Russian-Chinese Relations) // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 1. – P. 168-177.

The article dwells upon the role of the Orthodoxy in the cultural communication between China and Russia. The article is devoted to the problem of the conditions of the existence of Orthodoxy in China. Russia and China are neighboring states. Relations between countries have a partnership, one can even say a friendly character. All this determines the need to deepen cultural ties for a closer union. It is natural to talk about Orthodoxy as an integral part of the culture of the two countries as an objectively connecting cultural link between the two states. The author analyzes the main directions of the missionary activity of the Russian Orthodox Church in different periods of time, as well as the conditions conducive to the revival of Orthodoxy. The chronological framework of these periods was defined with a brief description of the features. Particular attention is paid to the problems and prospects for the spread of Orthodoxy in China. As you know, religion and faith are the spiritual force that stands above social strata, racial, cultural, gender, and language differences. They are regarded as the main carriers and important components of international cultural ties. And in order for Orthodoxy to strengthen Russian-Chinese relations, it is necessary to do a lot of work and solve a number of problems. In conclusion, the author comes to the conclusion that the spread and development of Orthodoxy in China is a long and thorny path. But with the continuous increase in the degree of internationalization of modern Chinese society, and with the deeper development of Russian-Chinese cultural exchanges in China, there will be an increasing openness to Orthodoxy. At the same time, on the Russian side, a reliable assessment of the development of Orthodoxy in a friendly neighboring country is essential, taking into account the current religious policy of the Russian Orthodox Church

Key words: Orthodoxy, spiritual culture of China, cultural dialogue, spiritual mission, Russian Orthodox Church, Russian-Chinese relations, strategic cooperation.

References

1. Van Inljan. Novaja politika V.V. Putina i narodnaja diplomatija Russkoj pravoslavnoj cerkvi [The new policy of V.V. Putin and People's Diplomacy of the Russian Orthodox Church]. *Issledovanija Sibiri* [Studies of Siberia] (in Chinese). 2014, no. 5, pp. 44–49.
2. Ieromonah Serafim (Rouz). Dusha Kitaja [The soul of China]. *Kitajskij blagovestnik* [Chinese evangelist]. 2000, no. 1, pp. 40–42.
3. In Van. Jevoljucija pravoslavlja v Kitae v XX st. [Evolution of Orthodoxy in China in the XX century]. *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Belarusian State University of Culture and Arts]. 2009, no. 1 (11), pp. 31–36.
4. Loseva D.A. Razvitie sovremennoj duhovnoj kul'tury Rossii i Kitaja [Development of modern spiritual culture of Russia and China]. *Rossija i Kitaj: istorija i perspektivy sotrudnichestva: materialy mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii* [Russia and China: history and prospects of cooperation: materials of the international scientific-practical conference]. Blagoveshchensk, 2011, pp. 158–159.
5. Ljan Chzhje. Pravoslavie v kontekste sovremennyh rossijsko-kitajskih otnoshenij: vzgljady kitajskih uchenykh [Orthodoxy in the context of modern Russian-Chinese relations: the views of Chinese scientists]. *Vestnik RUDN. Serija Mezhdunarodnye otnoshenija* [Bulletin of the RUDN University. Series International Relations]. 2015, no 1, pp. 79–87.
6. Osinceva N. S. Torgovo-jekonomičeskaja ploshhadka dialoga Rossii s Kitaem v 90-e gg. XX – nachale XXI vv. [The trade and economic platform for the dialogue between Russia and China in the 90s. XX - early XXI centuries]. *Rossija i Kitaj: istorija i perspektivy sotrudnichestva: materialy mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii* [Russia and China: history and prospects of cooperation: materials of the international scientific-practical conference]. Blagoveshchensk, 2011, pp. 217–219.
7. Pravoslavie v Kitae. OAO «Amurskaja jarmarka» [Orthodoxy in China. JSC Amur Fair]. Blagoveshchensk-on-Amur. 2013. URL: / <http://mission.blaginform.ru/pravoslavie-v-kitae>.
8. Romanenko T. V. Pravoslavie v kontekste vzaimodejstviya russkoj i kitajskoj kul'tur [Orthodoxy in the context of the interaction of Russian and Chinese cultures]. *Uchenye zapiski ZabGU* [Scientific notes of the Transbaikalian State University]. 2016, Vol. 11, no 3, pp. 87–93.
9. Svjashhennik Pozdnjaev Dionisij. Pravoslavie v Kitae (1900–1997 gg.) [Orthodoxy in China (1900–1997)]. *Izd-vo Svjato-Vladimirskogo bratstva* [Publishing house of the Holy Vladimir brotherhood]. 1998. URL: http://www.orthodox.cn/localchurch/pozdnjaev/index_ru.html.
10. Sostojsja telefonnyj razgovor Vladimira Putina s Predsedatelem Kitajskoj Narodnoj Respubliki Si Czin'pinom [Vladimir Putin had a telephone conversation with the Chairman of the People's Republic of China Xi Jinping]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/18347>.
11. Stilenkova O. S. Pravoslavie v Kitae: istoričeskaja retrospektiva i sovremennoe sostojanie (na primere g. Harbina) [Orthodoxy in China: a historical retrospective and a modern state (by the example of Harbin)]. *Rossija i Kitaj: istorija i perspektivy sotrudnichestva: materialy mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii* [Russia and China: history and prospects of cooperation: materials of the international scientific-practical conference]. Blagoveshchensk, 2011, pp. 69–72.
12. Titarenko M. L. i dr. Pravoslavie v Kitae [Orthodoxy in China]. Moscow, Otdel vneshnih cerkovnyh svjazej Moskovskogo Patriarhata [Department of External Church Relations of the Moscow Patriarchate]. 2010, 256 p.
13. Chzhan Jujsja. Faktor pravoslavlja v obmene kul'tur mezhdru Kitaem i Rossiej (na kit. jaz.) [The factor of Orthodoxy in the exchange of cultures between China and Russia (in Chinese)]. Master's thesis of Harbin Pedagogical University, 2009.
14. Jezri G. K., Bujarov D. V. Pravoslavie v sovremenom Kitae [Orthodoxy in modern China]. *Rossija i Kitaj: istorija i perspektivy sotrudnichestva: Materialy IV mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii* [Russia and China history and prospects of cooperation: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference]. Blagoveshchensk, 2014, 634 p.

Сведения об авторах

Бедина Н. Н. – к. филол. н., доцент кафедры культурологии и религиоведения Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова. E-mail: bedina-nat@yandex.ru.

Буряк В. В. – к. филос. н., доцент кафедры философии естественнонаучного профиля философского факультета Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: buryakvv@mail.ru.

Голубничий Р. В. – аспирант кафедры философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: golpes@mail.ru.

Демешко Н. Э. – аспирант кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: natalidem93@mail.ru.

Дорофей Ю. О. – соискатель, преподаватель кафедры «Медицинская этика и массовые коммуникации» Медицинской академии им. С. И. Георгиевского Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: julia_dorofej@mail.ru.

Иванова Р. А. – соискатель кафедры социально-гуманитарного профиля Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: raisaivanova2013@yandex.ru.

Ирхин А. А. – д-р полит. н., доцент, заведующий кафедрой «Исторические, философские и социальные науки» Севастопольского государственного университета. E-mail: alex.irhin@mail.ru.

Креминский А. И. – к. филос. н., доцент кафедры философии естественнонаучного профиля философского факультета Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: alivk56@yandex.ru.

Нелина Л. П. – к. полит. н., доцент кафедры «Исторические, философские и социальные науки» Севастопольского государственного университета. E-mail: larisanelina@gmail.com.

Николко В. Н. – д-р филос. н., профессор кафедры философии социально-гуманитарного профиля Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: vnnikolko@mail.ru.

Папаяни Ф. А. – канд. техн. н., доцент, генеральный директор Научно-производственного объединения «Хаймек». E-mail: f.papayani@mail.ru.

Плащинский А. А. – к. полит. н., доцент Международного университета «МИТСО». E-mail: a.plashchinsky@mail.ru.

Пороховская Т. И. – к. филос. н., доцент кафедры этики философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: 632712@mail.ru.

Сафонова Н. В. – к. филос. н., доцент кафедры философии естественнонаучного профиля философского факультета Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: Safonov7070@mail.ru.

Стаценко О. С. – к. полит. н., доцент, заведующий кафедрой «Теория и история государства и права» Севастопольского государственного университета. E-mail: OSStatsenko@sevsu.ru.

Титов А. В. – к. тех. н., доцент Российского транспортного университета. E-mail: a.v.titov@mail.ru.

Топчиев М. С. – к. полит. н., старший научный сотрудник лаборатории по исследованию социально-политической и культурной динамики регионов Нижнего Поволжья и Прикаспия Астраханского государственного университета. E-mail: ceo.gfn@gmail.com.

Чемшист А. А. – д-р полит. н., профессор кафедры «Исторические, философские и социальные науки» Севастопольского государственного университета. E-mail: histphilsoc@sevsu.ru.

Чудина-Шмидт Н. В. – к. филос. н., доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (Крымский филиал). E-mail: frog-79@mail.ru.

Шостка В. И. – канд. физ. н., доцент кафедры общей физики Физико-технического института Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: vshostka@yandex.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Буряк В. В., Шостка В. И. Интервальный методологический подход: основные этапы эволюции	3
Голубничий Р. В. Теория ценностных ориентаций личности как основа для исследования правового поведения.....	17
Иванова Р. А. Исследования коммуникации как тематический фокус современной философской антропологии	26
Креминский А. И. Ноосферная парадигма культуры: предпосылки, основания, принципы	35
Николко В. Н. Особенности условной связи высказываний аристотелевских силлогизмов	46
Пороховская Т. И. Доверие как моральный феномен	56
Сафонова Н. В. К апориям Зенона.....	65
Титов А. В. Диалектические аспекты развития математики и математической логики как антитеза чистой математики и математики естествознания.....	74

ПОЛИТОЛОГИЯ

Демешко Н. Э. Украинские президенты и крымские татары: проблемы, обещания, итоги	85
Дорофей Ю. О. Гендерное мировоззрение в контексте построения гражданского общества (на примере Древней Греции).....	97
Ирхин А. А., Нелина Л. П. Россия и Турция на пороге 2018 года: «большая игра» на Ближнем и Среднем Востоке	110
Папаяни Ф. А. Четыре дискурса либерализма	119

Плащинский А. А. Противодействие процессу установления нового мирового порядка: ретроспектива в валютно-финансовой сфере	129
Чемшит А. А., Стаценко О. С. Сакральный характер Великой Отечественной войны.....	139
Чудина-Шмидт Н. В. От феномена экстремальности к понятию «экстремальность».....	147

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Бедина Н. Н. Акростишная молитва «Азбуковник» в контексте литургической традиции	155
Топчиев М. С. Православие в контексте взаимодействия культур (на примере российско-китайских отношений).....	168
Сведения об авторах.....	178
Содержание.....	180

About the Authors

N. N. Bedina – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Culturology and Religious Studies, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov. E-mail: bedina-nat@yandex.ru

Buryak V. V. – Candidate of Philosophy of the Faculty of Philosophy, Taurida Academy of V. I. Vernadskiy Crimean Federal University. E-mail: buryakvv@mail.ru

Golubnichy R. V. – Postgraduate at the Department of philosophy and social Sciences, Humanitarian-pedagogical Academy Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky E-mail: golpes@mail.ru

Demeshko N. E. – Postgraduate at the Department of Political Sciences and Foreign Affairs, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University. E-mail: natalidem93@mail.ru

Dorofey J. O. – Competitor, a Lecturer of the Department “Medical ethics and Mass Communications” of the Medical Academy named after Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. E-mail: julia_dorofej@mail.ru.

Ivanova R. A. – Postgraduate of the Department of Social-Humanitarian Philosophy. Taurida Academy of V. I. Vernadskiy Crimean Federal University. E-mail: raisaivanova2013@yandex.ru

Irkhin A. A. – Doctor of Political Science, Associate Professor, Sevastopol, Federal State Independent Educational Institution of Higher Education Sevastopol State University, Chairman of the Department of «Historical, Philosophic and Social Studies». E-mail: alex.irhin@mail.ru

Kreminskiy A. I. – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Natural Science Profile of the Philosophical Faculty of Taurida Academy of V. I. Vernadskiy Crimean Federal University. E-mail: alivk56@yandex.ua

Nelina L. P. – Candidate of Political Science, the Associate Professor of the Chair of the State Theory and Law of Sevastopol State University. E-mail: larisanelina@gmail.com

Nikolko V. N. – Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy Department, V. I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: ynnikolko@mail.ru

Papayani F. A. – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, General Director of Scientific Industrial Corporation “Hymec”. E-mail: f.papayani@mail.ru

Plashinskiy A. A. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor at International University "MITSO". E-mail: a.plashchinsky@mail.ru.

Porohovskaya T. I. – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Ethics of the Moscow State University. E-mail: 632712@mail.ru

Safonova N. V. – Candidate of Philosophy, Associated Professor of Sociology and Social Philosophy Department of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: Safonov7070@mail.ru

Stacenko O. S. – Candidate of Political Science, the head of the Chair of the State Theory and Law of Sevastopol State University. E-mail: OSStatsenko@sevsu.ru

Titov A. V. – Candidate of Technical Science, Associated Professor of Bauman MSTU. E-mail: a.v.titov@mail.ru

Topchiev M. S. – Candidate of Political Science, the Senior Researcher of Social-Political and Cultural Dynamics Nizhnee Povolzhe and Prikaspij Regions Studies Laboratory of Astrahan State University. E-mail: ceo.gfn@gmail.com

Chemshit A. A. – Doctor of Political Sciences, Professor of Department of Historical, Philosophical and Social Sciences Sevastopol State University. E-mail: histphilsoc@sevsu.ru

Chudina-Shmidt N. V. – Candidate of Philosophy Science, the Associate Professor of the Department of Humanitarian and Social-Economical Disciplines of the Crimean Filial of the MIB. E-mail: frog-79@mail.ru

Shostka V. I. – PhD in Physics, the Associate Professor of the General Physics Chair of Physical Institute, CFU. E-mail: vshostka@yandex.ru.

CONTENT

PHILOSOPHY

Buryak V. V. , Shostka V. Z. Interval Methodological Approach: the Basic Stages of Evolution	3
Golubnichy R. V. he Theory of Value Orientations of Personality as the Basis of the Study of Value Orientations of the Legal	17
Ivanova R. A . Communication Studies as a Thematic Focus of Contemporary Philosophical Anthropology	26
Kreminskij A. I. The Noospheric Paradigm of Culture: Premises, Base and Principles	35
Nikolko V. N. Peculiarities of the Conditional Connection of Aristotelian Syllogism	46
Porokhovskaya T. I. Trust as a Moral Phenomenon	56
Safonova N. V. Concerning Zeno's Paradoxes.....	65
Titov A. V. The Dialectical Aspects of the Development of Mathematics and Mathematical Logic as the Antithesis of Pure Mathematics and Mathematics of Science.....	74

POLITICAL SCIENCE

Demeshko N. E. Ukrainian Presidents and Crimean Tatars: Problems, Promises, Results	85
Dorofey Y. O. Gender Roles in the Context of Building a Civil Society (on the Example of Ancient Greece)	97
Irkhin A. A. , Nelina L. P. Russia and Turkey on the Noon of 2018: the Great Game in the Middle East and the Near East	110
Papayani F. A. Four Discourses of Liberalism.....	119
Plashchinsky A. A. Countering to the Process of Establishing a New World Order: Retrospect in the Monetary and Financial Sphere	129

Chemshit A. A. , Statsenko O.S. Sacral Character of the Great Patriotic War...	139
Chudina-Shmidt N. V . From the Phenomen of Extremality to the Concept of " Extremality".....	147

CULTUROLOGY

Bedina N. N . The Acrostic Prayer "Azbukovnik" in the Liturgical Tradition Context	155
Topchiev M. S . Orthodoxy in the Context of Cultural Interaction (on the Example of Russian-Chinese Relations)	168
About the Authors	178
Content	180